

БИБЛИОГРАФІЯ.

Габріэль. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ ствахъ. Сочиненіе *Эмиля Ожье*.
Переводъ И. Крешева. Спб. 1853.

Благодаря прекрасной игрѣ г-жъ Вольнясь и Плесся, пьеса эта имѣла продолжительный успѣхъ на Михайловскомъ театрѣ; но сама по себѣ она произведеніе очень посредственнаго достоинства. Тема ея довольно избитая: оставляя жену скучать, мужъ рискуетъ очень многимъ и, если не хочетъ потерять ея любви, долженъ заниматься не одними своими дѣлами, а удѣлять и для жены нѣсколько свободныхъ минутъ. Развязка (за которую Ожье получилъ Монтіоновскую премію, будто бы за какой нибудь похвальный поступокъ) во всегдашнемъ вкусѣ и комедій и водевилей: возвращеніе заблуждавшихся на прямой путь и торжество всего хорошаго. Ни драматическаго развитія, ни удачно очорченныхъ лицъ мы не могли найти въ «Габріэли», которую играли и, можетъ быть, играютъ единственно за недостаткомъ лучшаго: среди несносно дурного, сносное кажется хорошимъ, превосходнымъ, и «Габріэль» много выигрываетъ, будучи сопровождаема жалкими водевилями. Скучно было бы подробно разбирать эту пьесу, которой содержаніе мы предполагаемъ болѣе или менѣе извѣстнымъ, и потому ограничимся нѣсколькими словами о томъ, каково изображенъ характеръ главнаго лица—самой Габріэли; по Габріэли можно судить и о другихъ лицахъ комедіи.

Ясно, что Ожье хотѣлъ представить Габріэль женщиною достойною любви такого превосходнаго человѣка, какъ Жюльенъ, мужъ ея; ясно, что онъ хотѣлъ представить ее заслуживающею нашего уваженія, нашей симпатіи. Такою и является она въ патетическихъ сценахъ, которыми заключается пьеса. Но посмотрите, какъ ничтожна, какъ пуста является она въ началѣ пьесы:

Жюльенъ занятъ своими тяжёлыми дѣлами (онъ адвокатъ) и устройствомъ будущности своей милой жены, своей милой дочери; онъ говоритъ объ этомъ съ Габріэлюю. Габріэль и не слушаетъ его: она мечтаетъ о любви, она тоскуетъ о томъ, что мужъ изъ за дѣлъ забываетъ о ней. Прекрасно; но заботится ли она сама о мужѣ, думаетъ ли о чемъ нибудь, кромѣ романтическихъ до пошлости прогулокъ при свѣтѣ луны? Нѣтъ! она только бранитъ его за то, что онъ принесъ въ приемную комнату свои «сальныя бумаги» (вѣроятно, для того, чтобы посидѣть вмѣстѣ съ нею); у мужа на рукавѣ оторвалась пуговица,—онъ проситъ жену пришить ее—Габріэль отвѣчаетъ, что завтра позоветъ швею. Прачка приноситъ бѣлье—Габріэль отсылаетъ ее къ ключницѣ: ей низко самой заправляться хозяйствомъ; мужъ

просить ее позаботиться о любимых кушаньях для дяди, которого ждет онъ въ гости—Габріэль отвѣчаетъ:

«Въ такія мелочи мѣшаться вамъ не слѣдъ»

и продолжаетъ мечтать, какъ хорошо было бы, еслибъ они съ мужемъ продолжали (черезъ десять или восемь лѣтъ послѣ свадьбы) перекидываться томными взглядами à la Маниловъ и прогуливаться при свѣтѣ вечерней зари, какъ влюбленные, не выдавшіеся цѣлую недѣлю:

«Я ва рука его повисла бѣ нѣжно, онъ
Замедлялъ бы шагъ вслѣдъ за моею лѣнью,
Мы предавались бы восторгамъ, упоенью,
Нашъ восхищенный взоръ блуждалъ бы въ синевѣ
Небесъ...»

Вспомните, что у Габріэля уже дочь семи или девяти лѣтъ, и вы невольно скажете: какая пустая и пошлая женщина эта Габріэль!

И отчего все это произошло у Ожье? Ему надобно было изобразить тоску жены, покидаемой, забываемой мужемъ.

Съ такимъ же искусствомъ обрисовано у него все. Но, повторяемъ, бѣльшая часть пьесъ современнаго французскаго репертуара еще гораздо ничтожнѣе «Габріэля»; потому не удивительно, если она производила на сценѣ эффектъ, когда талантливые актеры поддерживали ее своею игрою.

Переводъ г. Крошева довольно хорошъ, хотя и можно указать множество мѣстъ, на которыхъ спотыкаешься при чтеніи.

К Р И Т И К А.

Романъ и повѣсти *М. Авдѣева*. Два тома. Спб. 1853.

Господянь Авдѣевъ—милой, пріятный рассказчикъ. Его повѣсти не оставались неразрѣзанными въ книжкахъ журналовъ: это много значить. И если бы какойнибудь господянь, вслѣдствіе мудраго правила не читать ничего въ ужасъ или скуку приводящаго, рѣдко заглядывающій въ ругевія книги, спросилъ насъ, раскается ли онъ, прочитавъ «Романъ и повѣсти» господина Авдѣева, мы поручились бы ему головою, что не раскается, поручились бы даже, что онъ прочитаетъ ихъ съ удовольствіемъ. Но еслибы онъ былъ такъ неделикатенъ въ выраженіяхъ, что предложилъ бы намъ овой вопросъ въ отрицательной формѣ: «долженъ ли я жалѣть, что не читалъ повѣстей и романа г. Авдѣева, и необходимо ли мнѣ заглазить свой воступокъ?» то... то мы ве знаемъ, что бы мы сказали ему.

Отчего же мы не знаемъ навѣрное, что бы мы сказали? оттого, что г. Авдѣевъ—полная честь ему за это—хорошій, очень хорошій рассказчикъ; но... но мы не знаемъ, можетъ ли найтись въ его «Романѣ и Повѣстяхъ» чтонибудь хорошаго, кромя того, что рассказаны они хорошо.

Говорять, будто бы достоинство платья зависитъ единственно оттого, хорошо ли, изящно ли оно сдѣлано; но говорятъ иногда и то, что какъ бы ни изящно сдѣлано было платье, а все-таки не годится оно, если сдѣлано изъ поношенной матеріи, или сдѣлано не по мѣркѣ. Мы боимся, чтобы послѣднее замѣчаніе не было приложимо къ произведеніямъ г. Авдѣева, которыя subtilнымъ изяществомъ наминають произведенія моднаго искусства: написаны они хорошо; но въ романѣ нѣтъ свѣжести, онъ спитъ изъ поношенныхъ доскутовъ, а повѣсти не приходятся по мѣркѣ нашего вѣка, готоваго примириться скорѣе съ недостатками формы, нежели съ недостаткомъ содержанія, съ отсутствіемъ мысли. Мы боимся, что строгіе люди скажутъ: въ чемъ нѣтъ мысли, до того намъ нѣтъ и дѣла. Впрочемъ, мало ли что могутъ сказать строгіе люди! ихъ нечего слушать; лучше посмотримъ, что намъ должно сказать о романѣ и повѣстяхъ одного изъ любимыхъ нашихъ беллетристовъ.

Когда явились первыя части «Тамарина» (Варинька и Записки Тамарина), которыми дебютировалъ г. Авдѣевъ, всѣ въ одинъ голосъ сказали, что это буввальное подражаніе «Герою нашего времени»; многіе сказали еще, что въ этомъ подражаніи, какъ и во всѣхъ буквальныхъ подражаніяхъ, искаженъ духъ, смыслъ подлинника; что Лермонтовъ—мыслитель глубокой для своего времени, мыслитель

серьезный—понимает и представляет своего Печорина как пригвѣръ того, какими становятся лучше, сильнѣйше, благороднѣйше люди подъ вліяніемъ общественной обстановки ихъ круга, а что г. Авдѣевъ добродушно выставляетъ своего Тамарина истинно великимъ человѣкомъ и добродушно преклоняется передъ нимъ. Г. Авдѣевъ хочетъ придать своему произведенію другой смыслъ. Въ предисловіи къ своему роману онъ говоритъ: «Авторъ разбора сочиненій Пушкина замѣтилъ, что Онѣгинъ и Печоринъ составляютъ одинъ типъ, измѣнившійся при послѣдовательномъ развитіи. Это замѣчаніе дало мнѣ мысль прослѣдить дальнѣйшее развитіе типа «героевъ своего времени». Вотъ цѣль, съ которой я задумалъ Тамарина. Лермонтовъ увлекся своимъ героемъ, и поставилъ его въ какомъ-то поэтическомъ полусвѣтѣ, который придалъ ему ложную грандіозность. Ослѣпленное яркимъ эффектомъ красокъ и искусной драпировкой героя, большинство увлеклось имъ, и вмѣсто того, чтобы увидать въ немъ образецъ своихъ недостатковъ, стало рядиться въ него, стало ему подражать; онъ породилъ Печоринныхъ въ обществѣ. Съ этихъ-то дѣйствительныхъ Печоринныхъ писанъ мой Тамаринъ. Показать обществу и человѣку, какъ они обманывались, и показать разоблаченіе этого обмана—вотъ въ чемъ была моя задача». Дѣйствительно, такова цѣль и смыслъ послѣдней пзъ повѣстей этого романа—«Ивановъ». Но Ивановъ (о немъ рѣчь впереди) писанъ черезъ два года послѣ «Разказа Ивана Васильича», и авторъ могъ измѣниться и измѣнить взглядъ на своего героя въ это время, могъ—при помощи критики—разочароваться въ Тамаринѣ и позабыть, что былъ инъ прежде очарованъ, могъ послѣ увидѣть въ своихъ первыхъ повѣстяхъ не то, что дѣйствительно въ нихъ было. Примѣровъ такой забывчивости о своемъ прежнемъ нравственномъ положеніи—множество, и мы желали бы указать ихъ, если бы не боялись, что и безъ того нашъ разборъ будетъ слишкомъ обширенъ. Однимъ словомъ, мы вѣримъ въ искренность объясненія (или, скорѣе, оправданія); но до какой степени оно справедливо? Нѣтъ, не съ подражателей Печорину писанъ портретъ Тамарина, а черта въ черту. сцена въ сцену переписаны двѣ первыя повѣсти этого романа съ Бѣлы и княжны Мери изъ «Героя нашего времени». Копія такъ буквальна, что нѣтъ возможности видѣть въ ней что нибудь кромѣ копія, нѣтъ возможности видѣть въ первой половинѣ романа хотя тѣнь самостоятельности въ изложеніи, не только самостоятельнаго взгляда. Понробуемъ сдѣлать кратшій обзоръ этой первой половины романа.

Въ «Героѣ нашего времени» двѣ главныя повѣсти: «Бѣла», рассказываемая простодушнымъ Максимомъ Максимычемъ, и «Княжна Мери», дневникъ Печорина. И у г. Авдѣева двѣ повѣсти: «Варинька», рассказываемая Иваномъ Васильичемъ, и «Я, Тетрадь изъ записокъ Тамарина» (это гордое «Я» исчезло во второй, отдѣльномъ изданіи: авторъ лишилъ своего уваженіи это «Я» Тамарина, которое прежде величественно красовалось, ввухая читателю глубокое уваженіе). Но если Максимъ Максимычъ рассказываетъ своимъ языкомъ и дѣйствительно своими глазами смотреть на вещи, Иванъ Васильичъ, говоря фразами Максима Максимыча, безпрестанно проговаривается и отдаетъ свой языкъ въ распоряженіе Печорина. Тамарина или самого г. Авдѣева. Примѣровъ перваго не нужно приводить: она составляютъ фонъ разказа; вотъ примѣры второго, эпизодически прорывающагося тона:

Описаніе на цѣлой страницѣ Джальмы, коня Тамарина; Джальма, чуть пробѣдетъ нѣсколько шаговъ, изъ сѣраго въ яблокахъ «дѣлался розовый: тамъ тонка

была у него кожа!» Кону, крѣпкѣ Печорина, имѣющаго страсть говорить о лошадахъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ о женщинахъ, придетъ въ голову эта «тонкость»? И дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ Иванъ Васильичъ принужденъ дѣлать такое же описаніе Вариньки, у которой былъ «тонко схваченный станъ», и темно-голубые глаза, спокойно смотрѣвшіе на Божій міръ, какъ будто въ немъ не было ни горя, «ни длиннаго ряда заблужденій и обмановъ, въ концѣ котораго часто стоятъ разочарованіе и могила». Помилуйте, разочарованія и не понимаетъ, несмотря на веѣ объясненія Тамарина, Иванъ Васильичъ, а о могилѣ не думаетъ онъ, глядя и на старушку Мавру Савишну, не только на свѣженькую, полную здоровья дочку ея. Никто, кромѣ разочарованнаго, не можетъ заключить описаніе этою фразою. Потомъ Иванъ Васильичъ, имѣющій понятіе только о томъ, что дочь должна быть доброй, послушной дочерью, говорить, что мать «не имѣла на нее никакого *моральнаго* вліянія»—ну гдѣ же ему думать о моральныхъ вліяніяхъ? Опять объ этомъ толкуетъ (и очень подробно) Тамаринъ (смотри его объясненія съ Варинькою). Въ угодность князю Мери и артистическимъ вкусамъ Тамарина, Иванъ Васильичъ даже украшаетъ *виртовскимъ* роелемъ комнату простодушной помѣщицы средней руки, между тѣмъ какъ выписные изъ Петербурга рои и теперь попадаютъ еще только въ самыхъ аристократическихъ провинціальныхъ домахъ. Онъ замѣчаетъ перемѣну въ пѣніи Вариньки, когда ова влюбилась въ Тамарина: «въ ея голосѣ была такая полнота звуковъ, такая сила, такой грустный и вырвавшійся изъ души плачъ», что, очевидно ведаромъ Иванъ Васильичъ (читай: Тамаринъ), умѣвшій оцѣнить и описать это, былъ постоянный посѣтителемъ итальянской оперы. Дурно только то: мы знаемъ, по какому поводу и кому рассказываетъ «Бѣду» Максимъ Максимычъ, и рѣшительно не знаемъ, съ какой стати Иванъ Васильичъ даритъ насъ рассказомъ своимъ, изъ котораго видно, что недаромъ онъ бывалъ въ оперѣ и читалъ Гоголя. Лирическихъ заимствованій изъ Гоголя у него бездна:

«Какъ вздумается ему (Тамарину) окрестить тебя такъ, шутки ради, какимъ нибудь словцомъ, холодно, мимоходомъ, какъ онъ иногда это дѣлаетъ, а огорошить къ тебя хуже пудъ, и насмѣется падъ тобою всякой, и дуракъ, и умный, и пойдетъ это словцо изъ устъ въ уста...» и т. д. Сравнить съ этимъ можно еще воспоминанія Ивана Васильича о мѣткости школьныхъ прозвищъ. Или «И странна показалась ей (Маврѣ Савишнѣ, матери Вариньки) эта перемѣна въ голосѣ дочери, безотчетно забилось сильнѣе обыкновеннаго ея любящее, материнское сердце, и опустила она чулокъ, и не окончила фразы, и задумалась Мавра Савишна, слушая пѣсню своей Вариньки...» и т. д.

Однимъ словомъ, если Максимъ Максимычъ умѣетъ рассказывать какъ Максимъ Максимычъ, то Иванъ Васильичъ умѣетъ рассказывать какъ Иванъ Васильичъ и г. Авдѣевъ вмѣстѣ. Ясно, что похожіе то на себя, то на другихъ рассказы могутъ быть только подражателями. О томъ, что Тамаринъ въ своихъ запискахъ переписываетъ всѣ размышленія Печорина, нечего и говорить. Но это сходство предважренное? Въ томъ и дѣло, что сходства нѣтъ, а есть только буквальная, но непохожая на оригиналъ, по своей неудачности, копировка. У Лермонтова видно, что Печоринъ страдалъ и высохъ и дѣйствительно утомился жизнью; изъ записокъ Тамарина этого ничего не видно: онъ хочетъ, по очевидному желанію автора, выставить себя Печоринимъ, но выставляетъ себя рѣшительно Грушницкиимъ.

Но, можетъ быть, этого и хотѣлось автору? Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ «разоблачить» своего героя? Нѣтъ, онъ не разоблачилъ: онъ просто не сумѣлъ одѣть его; а ему хотѣлось, очень хотѣлось одѣть его въ самый патетическій варядь. Вотъ одинъ изъ безчасленнаго множества примѣровъ поклоненіи автора разуврашаемому имъ въ героя лицу:

«Тамаринъ (въ нашемъ избитомъ экземплярѣ чья-то досужая рука, зачеркнувъ «Тамаринъ», приписала: *Наполеонъ*) сидѣлъ и думалъ. О чемъ онъ думалъ, Богъ вѣдаетъ: это лицо такъ привыкло не выдавать тайныхъ думъ, что и наединѣ, какъ въ гостиной (та же рука, зачеркнувъ «въ гостиной», приписала: въ *битвахъ*), оно было, по привычкѣ, холодно, спокойно и безмолвно. Только въ большихъ темныхъ глазахъ было выраженіе. Это не было выраженіе неточного самодовольства, удовлетвореннаго самолюбія. Нѣтъ, въ нихъ было гордое выраженіе человѣка, созвавшаго собственную силу (на поляхъ тою же рукою приписано: *се левъ, а не собака*), что-то похожее на торжество оскорбленнаго самолюбія, которому отдали должную справедливость. Свѣтло и гордо смотрѣли эти темные глаза, и странно было ихъ выраженіе, полное жизни, на холодномъ, сповойномъ лицѣ, въ пустой, полусвѣщенной комнатѣ».

Увы! никакіе потоки оправданій не смогутъ блестящаго лака, не докажутъ, что есть хоть малѣйшая возможность видѣть въ этомъ не алоееозу, по простодушное поклоненіе; увы! ясно, что авторъ рисуетъ льва, и вина кисти, а не живописца, если вмѣсто льва нарисовалась собака! Слушайте дальше:

«Передъ его внутренними очами рисовалась картина его прошедшей, невѣдомой вамъ жизни, должно быть бурной и обильной происшествіями жизни, въ которой выработался этотъ твердый, холодный характеръ, выдержался мощный умъ (котораго однако не замѣтно), жизни, которая должна была разбить его, и изъ которой онъ вынесъ новыя силы».

Если это писано безъ повлоненія своему герою и своимъ фразамъ, то мы вправѣ предполагать, что и г. Котляревскій написалъ своихъ «Крымскихъ цыганъ» для разоблаченія Муллы Нура и Аммалагъ-Бека, а г. Бенедиктовъ пишетъ свои стихи для того, чтобы показать суетность исковерканно-напыщенныхъ фразъ. Нѣтъ, не критику, а восторженный панегирикъ Тамарину писалъ г. Авдѣевъ, руководствуясь не дѣйствительностью, а ложно понятымъ романомъ Лермонтова.

Лица у него взяты цѣликомъ изъ Лермонтова: кромѣ Печорина и Максима Максимыча въ «Горѣ нашего времени» есть Вѣра—она стала баронессою В., мужъ Вѣры—барономъ Б., Бѣла и княжна Мери слились въ Вариньку; даже докторъ Ворноръ нашелъ себѣ буквальную копію въ Фѣдорѣ Фѣдоричѣ (тоже очевидно русскій нѣмецъ Фридрихъ Фридриховичъ); Грушницкаго братъ было уже нельзя: онъ, невѣдомо отъ автора, отождествился съ Тамаринымъ, который также толкуетъ Варинькѣ: «Да что я вамъ? Поймете ли вы меня? Моя судьба—тайна между не-бомъ и мною...» и т. п., какъ толковалъ это, по предложеніямъ Печорина, Грушницкій какой нибудь деревенской барышнѣ передъ своимъ поступленіемъ въ юнкера. Да, мы и многіе другіе ошибались, думая, что Тамаринъ—Печоринъ: это—Грушницкій, явившійся г. Авдѣеву во образѣ Печорина.

Да, г. Авдѣевъ написалъ пародію, но не на типъ Печорина, а на Лермонтова, какъ Козловъ написалъ въ своемъ «Чернецѣ» пародію на Байрона: оба они не вѣдали, что творили. Но г. Авдѣевъ имѣлъ передъ Козловымъ ту выгоду, что

критики его были проникательнѣе критиковъ пушвинскаго времени и показали ему истинное значеніе его Тамарина.

И, надобно отдать ядную справедливость прекрасной способности г. Авдѣва замѣтить недостатки, на которые укажутъ ему, — прекрасной способности, доказывающей, что его развитіе еще впереди. Онъ совершенно изгнѣилъ понятіе о своемъ героѣ, когда ему показали, что за пѣтухъ этотъ лже-Печоринъ-Тамаринъ-Грушницкій; онъ постарался придать по возможности другой смыслъ своему роману и привисалъ къ прежнимъ рассказамъ — окончаніе записокъ Тамарина и «Иванова».

Въ «окончаніи записокъ Тамарина» (сцены поелѣ замужества Вариньки) вмѣсто прожняго Печорина и княжны Мери являются Онѣгинъ и Татьяна, вмѣсто сценъ изъ «Героя нашего времени» — послѣдняя глава «Евгенія Онѣгина». Положенія, оправданія в иольбы, раскаяніе и возродившаяся любовь Тамарина, гордый въ страданіи отвѣтъ Вариньки, — все слово въ слово взято изъ «Онѣгина» Тамаринъ говоритъ:

«Послушайте, я прежде не умѣлъ васъ понимать; я не могъ васъ познать; я не былъ къ этому подготовленъ; но теперь я васъ люблю, Варинька. Я васъ такъ люблю, что заставляю васъ забыть прошлое и простить меня... Вы простите меня?»

Варинька отвѣчаетъ:

«Что мнѣ въ этомъ? развѣ я кокетничала съ вами, чтобы возбудить вашу любовь? Напротивъ ова глубоко огорчаетъ меня, потому что больше заставляетъ жалѣть невозвратимое. И вы думаете, легко мнѣ теперь? Знаете ли, что я дѣлала сейчасъ до вашего врихода? я мечтала о деревенской дѣвочкѣ, которая увидѣла одно загадочное, интересное для нея существо? Какъ она была счастлива!.. Прошло полгода, и въ этой неопытной, наивной дѣвочкѣ я не увнала себя!..» и т. д.

Хотѣли было ны замѣтить, что въ Татьянѣ дѣйствительно могло измѣниться все, потому что она переѣхала изъ деревни въ высшее петербургское общество и прожила въ немъ нѣсколько лѣтъ, а между Варинькою до замужества и черезъ полгода поелѣ замужества такой огромной разницы быть не могло, потому что ничто въ ея обстановкѣ не измѣнилось... Но если бы стали мы говорить объ этомъ, то нагли бы позабыть похвалить точность и близость, полноту перевода. Хотѣли было ны сказать, что переписывать и Пушкина какъ Лермонтова, трудно, не испортивъ стройности и смысла картины; но лучше замѣтить, что гораздо легче браться за передѣлку, правда не колоссальныхъ, а просто очень хорошихъ произведеній, напр., хоть за передѣлку «Полиньки Саксъ», превосходный снимокъ съ которой заканчиваетъ Тамарина.

Эпизодъ этотъ называется «Ивановъ». Тутъ подъ именемъ Иванова является въ своемъ мундирномъ фракѣ подлинный Саксъ, человекъ новаго направленія, передъ которымъ окончательнo ступовывается Тамаринъ, представленный уже рѣшительно пасквилемъ на прежняго Тамарина. Точно такъ же, какъ Саксъ Ивановъ энергическій защитникъ правды на поприщѣ служебной дѣятельности, бозстрашно, неутомимо борется съ лицепріятіемъ и т. д., также спокойно и возвышенно говорить, также ставить правду и дѣло выше личнаго счастья в любви, точно также ѣдетъ въ командировку на слѣдствіе, — точно также все, кромѣ того, что, сколько намъ извѣстны провинціальныя служебныя отношенія, Ивановъ не умѣетъ выдерживать ихъ въ подвигахъ своего служебнаго рвенія.

Однимъ словомъ, романъ г. Авдѣва съ начала до конца — чистая, кажется,

безсознательно переписанная копія сперва съ «Героя нашего времени», потомъ «Героя нашего времени» и «Онѣггина», потомъ «Героя нашего времени» и «Полиньи Саксъ». Въ немъ воскресла передъ нашими глазами русская литература XVIII вѣка съ трагедіями Княжнина, о которыхъ еще Мерзляковъ, говорилъ, что въ нихъ нѣтъ ни слова своего.

Мы говорили о «Тамаринѣ» подробнѣе, нежели будемъ говорить объ остальныхъ произведеніяхъ г. Авдѣева, потому, что на «Тамаринѣ» основана извѣстность г. Авдѣева, и потому, что хоть въ наше время совѣстно объявлять себя защитникомъ подражательнаго рода, но во всѣ времена говорили: давайте намъ лучше хорошее чужое, нежели... не то, чтобы дурное, — напротивъ очень милое, но не заключающее въ себѣ ровно ничего своего. «Тамаринъ» заставилъ насъ ожидать отъ г. Авдѣева новаго и лучшаго, показавъ въ немъ способность къ развитію, стремленіе принять въ себя мысль, стремленіе къ содержанію; но ни одна изъ его изданныхъ до сихъ поръ повѣстей не можетъ еще назваться произведеніемъ чело-вѣка нынѣшняго. Намъ кажется, что если о господинѣ Авдѣевѣ будутъ говорить, какъ о замѣчательномъ писателѣ, то уже никакъ не упоминая о его доселѣ изданныхъ повѣстяхъ; а если придется говорить только о нихъ, то о немъ ничего не будутъ говорить. Потому и мы теперь можемъ быть кратки. Послѣ «Тамарина» г. Авдѣевъ написалъ шесть повѣстей и рассказовъ: «Ясные Дни», «Горы», «Деревенскій Визитъ», «Нынѣшняя Любовь», «Поѣздка на кумысь», «Огненный Змій». Мы обратимъ вниманіе только на двѣ лучшія повѣсти: «Ясные Дни» и «Нынѣшняя Любовь», потому что изъ остальныхъ заслуживала бы разбора только одна—«Огненный Змій»; но мнѣніе о ней найдутъ читатели въ другой статьѣ, въ слѣдующей книжкѣ «Современника», и здѣсь только для полноты обзора мы повторимъ отзывъ объ «Огненномъ Змѣѣ», слышанный нами отъ одного изъ людей очень любящихъ изящество во всемъ и рѣшительно не думающихъ поставлять народность или даже простонародность рассказа въ дубоватости языка: «отъ Огненнаго Змія пахнетъ лоделавандомъ». А что касается до другихъ трехъ рассказовъ, они едва ли были и замѣчены кѣмънибудь. «Горы» ровно на половину состоятъ изъ длиннѣйшаго, но легко-читающагося приступа, въ которомъ сначала объясняется, почему авторъ любилъ пріѣзжать въ гости съ Локтевымъ и почему Локтевъ достоинъ любви: потому, что онъ никогда не сдѣлаетъ неловкости, никогда не заставитъ васъ покраснѣть за то, что вы вмѣстѣ съ нимъ вошли въ гостиную—какъ будто бы нынѣ въ порядочномъ обществѣ, не только петербургскомъ, но и провинціальномъ, много наберется такихъ новыполированныхъ молодыхъ людей, которые могутъ своими неловкостями заставить покраснѣть вошедшаго вмѣстѣ съ ними въ гостиную или ва вечеръ? Галантерейныя разсужденія этого начала напоминаютъ «Тамарина». Потомъ въ приступѣ очень подробно, мило и легко пересказывается двухъ-часовая сапегіе втроемъ (разсказывающій, Локтевъ и хозяйка) у М-ше К. Накоонецъ начинается повѣсть: Локтевъ разсказываетъ, какъ онъ имѣлъ въ башкирской деревнѣ *гендез-воис* съ хорошенькой башкиркой Изикѣй, и какъ мужъ ея, подстергши измѣну, не показалъ и виду, что знаетъ всѣ шашни, а потомъ, когда при переѣздѣ черезъ горы, представился удобный случай, столкнулъ жену съ лошадыю, на которой она сидѣла, въ оврагъ, на днѣ котораго отыскиваютъ ея раздробленнымъ трупомъ. М-ше К. приходитъ въ ужасъ отъ кроваваго описанія: тогда Локтевъ говоритъ съ улыбкою: «вы непременно хотѣли, чтобы я вамъ раз-

оказалъ ужаснѣйшій случай моей жизни; ужаснаго ничего со мной не случилось, и я придумалъ для васъ этотъ рассказъ». Но «умыселъ другой тутъ былъ» у Локтева: онъ хотѣлъ пощекотать ревность М-ше К., потому что они забавляются, строя другъ другу куры. М-ше К. дивится живымъ подробностямъ импровизаціи; готовы дивиться и мы, если только «Горы» дѣйствительно импровизація, и это избавитъ насъ отъ необходимости замѣтить, что хитрый банкирецъ не выдерживаетъ своего лицемерства въ рѣшительную минуту и не отправляется отыскивать жену, упавшую, по его словамъ случайно. Не изъявляя участія къ ея судьбѣ, онъ можетъ возбудить противъ себя подозрѣніе. И зеленѣетъ онъ, столкнувъ жену, совершенно безъ причины: вѣдь по башкирскимъ понятіямъ онъ поступилъ недурно. «Деревенскій визитъ» и рассказанъ дурно, кромѣ анекдота о томъ, какъ Иванъ Игнатьичъ видѣлъ русалку. Это — неудачнѣйшее изъ произведеній г. Авдѣева. «Поѣздка на кумысъ» — письма съ дороги, въ родѣ «Писемъ Русскаго Путешественника»; они занимаютъ сто страницъ, не наполняя ихъ. Мы не говоримъ, чтобъ ихъ не стоило писать; но едва ли ихъ стоило перепечатывать. Такого же мнѣнія мы держимся и относительно «Деревенскаго визита». Но и самъ г. Авдѣевъ, конечно, не придаетъ большой важности ни этимъ двумъ своимъ произведеніямъ, ни «Горамъ». Потому перейдемъ отъ нихъ поскорѣе къ его граціозной идилліи «Ясные Дни». Это дѣйствительно свѣтлая, радужная идиллія, вполне оправдывающая свое заглавіе; это дѣйствительно милая, привлекательная картина, писанная съ любовью, и много чувства потратилъ авторъ на ея созданіе, много розовыхъ тѣней — на оя иллюминировку: все въ ней освѣщено розовымъ колоритомъ, все должно дѣйствовать на васъ отрадно, примирительно, освѣжительно, оживительно — можетъ быть, и подѣйствовало, если вы читали эту повѣсть въ сладкій часъ лѣтней полудремоты: прелестна показалась вамъ въ этомъ счастливомъ случаѣ повѣсть, и приснились вамъ ясные сны. Но... гадкое, неотвязное «но»! не должно бы тебѣ быть лѣста, когда мы говоримъ о «Ясныхъ Дняхъ»... но если вы читали ее не въ сладкій часъ лѣтней полудремоты, то вы сказали, закрывая книгу: «Что за странность! Все это мило, но все это будто бы не правда, будто бы не клеится, будто бы не такъ». И если не хотите погубить прекрасной, свѣтлой идилліи, постарайтесь не думать о ней, потому что въ самомъ дѣлѣ все въ ней не такъ, все не клеится, все не ладится.

Что же не клеится? отчего не ладится? Отвѣта искать не далеко: но мы сначала украсимъ свой разборъ граціознымъ стихотвореніемъ:

О домовитая совушка,
О мвлоسیзая птичка!
Грудь красно бѣла, васаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка... и т. д.

Что за странность? Что-то не такъ! Граціозная пѣсенка оказывается нескладницею! Виноваты! Виноваты! мы вздумали про сову пропѣть то, что можно пропѣть только о ласточкѣ!

Г. Авдѣевъ хотѣлъ въ «Ясныхъ Дняхъ» опоэтизировать, идеализировать все и всѣхъ въ избранномъ имъ для идилліи кругу. Но дѣло извѣстное, что не всякій кружокъ, не всякій образъ жизни можетъ быть идеализированъ въ своей истинѣ. Трудно идеализировать бессмысліе и дразня. Спору нѣтъ, въ самомъ пошломъ чело-
вѣкѣ, въ самомъ отталяющемся тунеядцѣ есть что нибудь человѣческое, и въ

жизни его есть или были свѣтлыя, человѣческія отношенія, есть или были поэтическія минуты. Идеализируйте ихъ, если у васъ идеализирующій, примиряющій взглядъ; и ваше дѣло будетъ правдивое, благородное дѣло, потому что въ пошломъ или ничтожномъ человѣкѣ будете учить насъ любить человѣка. Но говорить вамъ: люби въ этомъ человѣкѣ все,—нѣтъ! это не дѣло истины и поэзія: это—дѣло поверхностной, апатической, антипоэтической непроницаемости.

А г. Авдѣевъ говоритъ намъ: полюбуйте на всѣхъ выводимыхъ мною людей всецѣло, во всей обстановкѣ, полюбите ихъ жизнь: посмотрите, какая свѣтлая, чистая, славная эта жизнь! Посмотримъ же, что это за люди и какова ихъ жизнь! Идутъ ли къ ней розовыя краски? Не будемъ даже разсматривать, прикрашиваетъ или нѣтъ онъ своихъ милыхъ идиллическихъ любимцевъ; возьмемъ ихъ такими, какими онъ ихъ выводитъ намъ на аркадскій лужокъ, и посмотримъ, каковы они—хоть другъ съ другомъ. Можетъ быть, эти голуби въ сущности вовсе не голуби, а просто на просто осовѣвшіе подъ розовыми красками коршуны и сороки; можетъ быть, отъ этихъ совъ плохо приходится очень многимъ, потому что тунеядцы должны же кого-нибудь объѣдать... Но теперь намъ некогда говорить объ этомъ, и мы посмотримъ только, по голубиному ли живутъ хоть между собою эти голуби. Театръ—деревня.

Начнемъ съ почтеннаго Василья Сергѣича. Это—олухъ и пептюхъ въ полной формѣ, тупой, лежебокій и оглупѣвшій до нельзя. Такихъ мужей и желаютъ и образуютъ себѣ дамы, подобныя его домовитой хозяйшкѣ. Много ли достается такимъ мужьямъ (вѣдь немногіе же рождаются пептюхами: людьми рождаются, олухама дѣлаются, скажемъ въ подражаніе изрѣченію о поэтахъ и ораторахъ), много ли достается имъ отъ учительницы, пока они пройдутъ курсъ ученія. Нашъ домохозяинъ, по увѣрошію г. Авдѣева, «спокойно отдалъ и себя и хозяйство въ управленіе распорядительной супруги»: счастливоцъ! онъ избѣжалъ ужасовъ междоусобной войны за власть въ домѣ. Но, какъ вы думаете, кисло или сладко ему жить подъ крылышкою голубицы своей? Вѣдь и крылышкомъ можетъ довольно изрядно похлыстать бойкая птичка. Какъ вы думаете, вѣдь у него ость же кація-нибудь своя желанія? Позволяется ли ему исполнять ихъ? Дадутъ ли ему теперь, наприябрь, 170 рублей на покупку хорошаго ружья, какое удалось ему купить въ старину? Воля ваша, ходить по струночкѣ—плохая жизнь. А какъ вы думаете, по сколько разъ въ день колятъ ему глаза тѣмъ, что онъ «ни во что не вступается, потакаетъ людямъ, даетъ людямъ жену въ обиду» и т. д.? Можетъ быть, и мягкій у него диванъ, да много въ этомъ диванѣ натыкано булавовъ.

О его распорядительной супругѣ нечего распространяться. Вы знаете, что если сердце у распорядительныхъ хозяекъ часто бываетъ мягкое, то руки у нихъ всегда ежовыя. Она, конечно, счастливѣе всѣхъ; но довольна ли она своимъ положеніемъ? Какъ вы думаете, только бранить она мужа, или въ самомъ дѣлѣ негодуетъ на него, презираетъ его? И отъ чистаго ли сердца она жалуется на него своимъ прихлебательницамъ? Повѣрьте, что часто отъ чистаго сердца, потому что ей положеніе выгодно, но неестественно и очень тяжело. Въ самомъ дѣлѣ, ей приходится надсажать себѣ горло и отбивать ноги. Деревнею править—возъ везти: тяжело.

А хорошій ли человѣкъ этотъ идеаль смирненства и глупости, Иванъ Ивановичъ, надъ которымъ всѣ хохоцутъ, которымъ помыкаетъ даже Василій Сергѣичъ?

вѣроятно, потому, что онъ не вадалъ къ себѣ своей тетки, хотъ она ходитъ пѣшкомъ изъ своей усадьбы въ деревню къ Марьѣ Степановнѣ, хотъ у нея парадное платье—холстинковое, а у него, холостого байбака, 80 душъ. Родственныя то чувства процвѣтаютъ въ Аркадіи г. Авдѣева, и глушцамъ въ вей счету нѣтъ; во глупость глупостью, а копѣйки изъ рукъ никто не выпустить.

Прекрасныя соображенія о счастіи и душевномъ благорасположеніи ко всѣмъ близкимъ и остальныхъ членовъ кружка также легко сдѣлать.

Вотъ въ этотъ кружокъ пріѣзжаютъ двое мальчиковъ, или юношей; сынъ Марьи Степановны и его товарищъ, въ отпускъ на 28 дней, и въ немъ-то растеть Лиза, дочь Марьи Степановны, и въ немъ-то раззтырывается идиллія. Не сомнѣваемся, что можно и должно было освѣтить розовыми лучами хорошевскія личики этой веселой, пока еще доброй, пока еще не оглупѣвшей и не совсѣмъ опошлившейся молодежи; но если г. Авдѣевъ хотѣлъ нарисовать картину одѣвми розовыми красками, то надобно было для этихъ полу-дѣтей выбрать другую обстановку или, по мѣрѣ возможности, оставить въ таинственномъ полу-свѣтѣ все ихъ окружающее. Но г. Авдѣевъ дотого любить розовыя фигуры, что вывелъ въ полномъ розовомъ освѣщеніи всѣхъ, кто попался ему подъ перо: и мужиковатую, полную претензій и неуступчивости бой-бабу Татьяну Терентьевну, и дебело-плотную фигуру распорядительной хозяйки Марьи Степановны, и отсырѣваго, лѣнливаго байбака Василья Сергѣевича, и ничтожнаго олуха Ивана Иваныча. Все это Тирсисы и Хлоя.

И сахару класть въ чай слишкомъ много не годится, а онъ угощаетъ насъ патокою.

Хотите ли, мы расскажемъ, какъ на самомъ дѣлѣ проходили его слишкомъ Ясные Дни? Пріѣзжимъ обрадовались, это правда—минута пріѣзда дѣйствительно была идиллическою; потомъ молодежь любезничала и веселилась, и это правда. А остальныхъ лица грызлись, сплетничали, скучали при нихъ, какъ безъ нихъ.

Да и молодежь такъ ли идиллически веселилась, какъ рисуетъ г. Авдѣевъ? едва-ли. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ осьнадцати-лѣтній юноша, вчившій, подобно его, Волжину, не одну бутылку «редерера», не будетъ, какъ Волжинъ, самъ не зная, какое чувство влечетъ его къ Лизѣ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что нывѣ дѣвушки или дѣвочки болтаютъ о любви гораздо раньше его Лизы. А его Волжинъ и Лиза не влюбились другъ въ друга—нѣтъ! они просто находили «неизъяснимую для нихъ самихъ прелесть быть вмѣстѣ»; нѣтъ, идиллія г. Авдѣева слишкомъ уже зѣрна; она слишкомъ хитро идеализируетъ.

Дезульеровскіе пастушки—просто забубенныя головы въ сравненіи съ его пастушками.

«Бѣдная Лиза»—гоголевская повѣсть по естественности въ сравненіи съ «Ясными Днями».

И какъ жаль, что эта приторвая до странности сантиментальность уживается вмѣстѣ съ прекраснымъ умѣньемъ рассказывать!

Лучшая изъ повѣстей г. Авдѣева, по нашему мнѣнію. «Нынѣшняя Любовь». Она такъ же хорошо рассказана, какъ и «Ясные Дни»; но въ ней болѣе содержания и менѣе увлеченія тѣмъ, что не заслуживаетъ любви. Въ ней найдется много справедливо подмѣченнаго. Не такъ нывѣ любятъ, какъ должно любить—вотъ тема автора: слишкомъ осторожно, слишкомъ расчетливо приступаютъ къ

любви: выбирают предметъ страсти осматриваясь, будутъ ли этимъ выборомъ соблюдены всё условія свѣта, и т. д.— тема, видите, которую развивалъ еще Рахман- ный въ своей великолѣпной повѣсти: «Любовь Петербургской Барышни», изъ чего и надобно заключить, что и въ былыя времена нашей литературы любили свѣт- скіе люди точно также и были осуждаемы поэтами съ возвышеннымъ взглядомъ на любовь точно также. А когда же, смѣемъ спросить, не такъ любили? Развѣ въ средніе вѣка, въ классическое время любви, рыцарь избиралъ въ дамы своего сердца горожанку? Развѣ не старался онъ отыскать какую-нибудь графиню или герцо- гиню? А красавицы развѣ обращали взоры на оруженосцевъ или бюргеровъ? Спра- виться объ этомъ можно не далѣе, какъ въ X томѣ полнаго собранія сочиненій А. Пушкина, въ которомъ помѣщены «Сцены изъ рыцарскихъ временъ». Увы, всегда люди старались, по возможности, не нарушать того, что въ ихъ время счи- талось «условіями свѣта». Всегда они искали не достойнѣйшихъ своего сердца, а до- стойнѣйшихъ своей руки. Можетъ быть, это и дурно; но если дурно теперь, то еще хуже было прежде, и нашъ идеалъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ. Но нынѣ холоднѣе прежняго любятъ, осматрительнѣе предлагаютъ и принимаютъ руку? А прежде развѣ женились на тѣхъ, кто понравился, не справляясь о средствахъ къ жизни? Многое можно сказать противъ нынѣшней любви, но не то, что говоритъ г. Авдѣевъ, который говоритъ, впрочемъ, такъ, что и нельзя составить себѣ яснаго понятія о томъ: что же онъ говоритъ? и за что нападаетъ на нынѣшнихъ людей? Да полно и представи- тели ли нынѣшняго времени тѣ лица, о которыхъ онъ говоритъ? По крайней вѣрѣ, если молодые люди теперь читаютъ *Débats*, то не съ любовью, а съ отвращеніемъ, только потому, что у нихъ подъ руками нѣтъ менѣе пошлыхъ газетъ. Да и и- газетъ читаютъ они, а книги, о содержаніи которыхъ, кажется не имѣть и понятія Черковъ. Намъ кажется, что Черковъ виновать только тѣмъ, что, подобно очень многимъ изъ нашихъ молодыхъ людей, не получилъ направленія и такъ поверх- ностенъ, что не сѣумѣлъ самъ образовать себя. Не такъ любятъ истинные пред- ставители и представительницы нашего времени, какъ Черковъ и Сашенька. Развѣ думаете вы, что Печоринъ, уже не говори о Бельтовѣ, будетъ спрашивать у своей избранной, сколько за нею душъ, если вздумаетъ жениться? Нѣтъ, онъ просто ска- жетъ ей: «у меня вотъ какія средства къ жизни; за вами приданаго столько-то: слѣдовательно, мы будемъ должны вести вотъ какой и вотъ какой образъ жизнь. Подумайте хорошенько, будете ли вы имъ довольны при нашей любви? Я думаю, что вы будете довольны, иначе и не вздумалъ бы говорить вамъ объ этомъ; а впро- чемъ, подумайте хорошенько». Нѣтъ, Черковъ, колеблющійся между возможностью тратить деньги на «Дебаты» и между любовью, человекъ не нашего времени. Человекъ нашего времени думаетъ проще и благороднѣе, нежели эти отсталые, ведопеченные умники; онъ думаетъ: «я буду съ нею счастливъ; надобно теперь подумать о томъ, будетъ ли она со мною счастлива». Намъ кажется, что никогда умные люди не любили такъ благородно, такъ безкорыстно, какъ въ наше время, никогда не любили такъ независимо отъ пошлостей, противъ которыхъ еще долго будетъ надобно бороться любви.

Но довольно. Скажемъ же свое общее мнѣніе о литературной дѣятельности г. Авдѣева.

Онъ обваражилъ несомнѣнный талантъ повѣствователя, — обнаружилъ въ замѣненіи Тамарина Ивановна и способность къ принятію лучшаго, серьезнѣй-

шаго взгляда. Но мы еще не читали его произведений, въ которыхъ бы отразилась евоя, не избитая и но отсталая мысль. Можетъ ли онъ современемъ дать намъ свое а такое, что дѣйствительно принадлежало-бы современной жизни по развитію мысли? Можетъ, если серьезно подумаетъ о томъ, какіе люди, съ какими понятіями о жизни истинно современные люди, истинно современные писатели; если увидить различіе между элегантною отсталостью или выполированной сапегіе и серьезнымъ понинашенъ жизни, если убѣдится, что мысль и содержаніе даются не безотчетною сантиментальностью, а мышлоніемъ.

И тогда онъ, можетъ быть, даетъ намъ много истинно прекраснаго.

Три поры жизни, романъ *Евгеніи Туръ*. Три части. Москва. 1854.

Полезно ли перелистывать старинные плохіе романы? «Безъ всякаго сомнѣнія бесполезно — скажутъ въ отвѣтъ многіе — плохихъ романовъ и новыхъ читать не стоитъ; а старинные плохіе романы, конечно, еще хуже вхъ». — «Неопытность говорить вашими устами—возразитъ мы людямъ, хулящимъ старыя плохіе романы, и гѣмъ, которые покушаются перечитывать эти книжки, маленькія, но многочисленныя — да, неопытность и отсталость отъ вѣка. Каждое слово вашего отвѣта ложно: Во первыхъ, предполагая, что новые плохіе романы не такъ плохи, какъ старыя, вы отвергаете прогреесъ: прогреесъ состоитъ въ томъ, что съ течешемъ времени хорошее дѣлается еще лучше, плохое еще хуже; слѣдовательно, по закону прогресса нынѣшніе плохіе романы должны быть еще хуже старинныхъ. Si поп, поп: если нѣтъ, прогресса не существуетъ...» — «Позвольте васъ остановить — прерветъ васъ на этомъ мѣстѣ защитникъ новѣйшихъ плохихъ романовъ — ваши умозаключенія несовременны и неосновательны, потому что выведены изъ общихъ отвлоченныхъ понятій, а не изъ фактовъ, опираются на синтезъ, а не на анализъ». — «Позвольте возразить вамъ — будетъ нашъ отвѣтъ — что наши заключенія основаны на строжайшемъ анализѣ фактовъ, и общія соображенія о прогрессѣ выставлены нами впередъ только потому, что провѣрены надъ фактами. Если бы вы не прервали наши слова, вы сами увидѣли бы это». — «Позвольте же потребовать доказательствъ». — Извольте же слушать; вотъ факты:

Прочитавъ нѣсколько главъ романа, заглавіе котораго выставлено въ началѣ вашей статьи, мы узнали, что у Александры Николаевны Огневой было двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Катя, была честолюбивая и любила наряжаться, а младшая, Анюта, была добра, мила, скромна, добропохвальна по нѣжности сердца; узнали потомъ, что старшая начала отыскивать себѣ богатаго и знатнаго жениха и отыскала князя Рамиркаго... виноваты, Гранцкаго, и такъ какъ вышла за него, не принимая въ соображеніе его характера, то и была несчастна. Прочитавъ это, мы задумались: гдѣ-то мы читали что-то подобное, но гдѣ именно? Боже мой, неужели въ «Сенействѣ Холмскихъ» — романѣ, доставившемъ въ 1830 годахъ автору такую громкую извѣстность въ публикѣ (несмотря на насмѣшливые отзывы журналовъ), что на послѣдующихъ сочиненіяхъ своихъ онъ, вмѣсто фамиліи, выставялъ славную фирму «сочиненія автора Семейства Холмскихъ», какъ Вальтеръ-Скоттъ

на своих романах выставлялъ титуль «автора Уэверли»,—неужели въ «Семействѣ Холмекскихъ» читали мы подобную исторію? Неужели тамъ у вдовы Холмской точно такъ же старшая дочь, Елизавета, одарена тѣмъ же характеромъ и выходитъ замужъ за князя Рамирскаго точно такъ же, и живетъ несомнѣнно счастливо точно такъ же, какъ въ «Трехъ порахъ жизни»? Считанъ необходимою слѣдить за вѣкомъ, ны поставили себѣ за правило наводить при налѣйшемъ поводѣ библиографическія справки и потому тотчасъ же принялись за «Семейство Холмекскихъ», и вы, читатель, не можете себѣ представить, какъ интересенъ, живъ, полонъ наблюдательности и блестящихъ слѣдовъ великаго таланта показался намъ этотъ забытый романъ, въ свое время считавшійся очень плохимъ, поелѣ новаго романа г-жи Туръ. «Я очень хорошо помню — говорите вы, читатель — что «Семейство Холмекскихъ» романъ очень незавиднаго достоинства; у меня даже остались нѣкоторыя воспоминанія о его содержаніи; докажите же мнѣ, во первыхъ, что, начавъ читать его послѣ «Три поры жизни», всякій найдетъ его превосходнымъ, какъ найдетъ очень гармоничнымъ незатѣйливое чиликанье простодушнаго воробья, наслушавшись итальянскихъ романсовъ иной модной дѣвицы. Кромѣ того должны вы показать мнѣ, какую же положительную пользу принесло вамъ перелистываніе «Семейства Холмекскихъ». Съ величайшимъ удовольствіемъ исполнимъ мы ваше второе требованіе. Недовѣрчивый приверженецъ новыхъ плохихъ романовъ, удовлетворивъ первому, и съ величайшею готовностью (хоть, можетъ быть, и не съ величайшимъ удовольствіемъ, потому что «скучно припоминать скучное», говоритъ одинъ изъ неизданныхъ афоризмовъ Кузумы Пруткова) спѣшимъ рассказать вамъ содержаніе новаго романа г-жи Туръ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, можетъ быть въ Россіи, но можетъ быть и въ Бразиліи, можетъ быть и въ Японіи, потому что русскихъ нравовъ и русской жизни въ романѣ столько же, сколько и бразильскихъ,—итакъ въ нѣкоторомъ государствѣ жила была молодая вдова Александра Николаевна Огинская (за Огинскою появится князь Границкій, княгиня Воротынская, Зина, Клодина, Тата— чисто бразильское, какъ видите, имя,—Лина, Валентинъ, Змѣевъ, Силкова, Леонъ Армалевъ, и т. д.; главные лица Валентинъ, княгиня Зинаида Воротынская и Тата). Вамъ угодно знать, красавица ли была Огинская? Фи! красавица это слишкомъ тривиально! Нѣтъ, въ послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ отысканъ и въ тридцати тысячахъ романовъ описанъ другой высшій типъ красоты, которая лучше, нежели ничтожная красота красавицы; и можетъ ли Александра Николаевна не принадлежать къ этому новому типу идеаловъ? «Тѣ, которые не любятъ или не понимаютъ красоты, такъ сказать *внутренней*, конечно, могли бы назвать ее дурною; но если бы имъ случилось взглянуть въ ея глубокіе, сѣрые глаза, сколько привлекательнаго нашли бы они въ нихъ! Она была бѣлокура, волосы ея вились отъ природы, а потому она никогда не могла овладѣть ими; выбиваясь изъ подъ гребня и *щетки* (??), ложились они причудливыми волнами, образуя вокругъ всей головы легкую, едва замѣтную паутинную ткань, блѣдно золотистый цвѣтъ которой, при свѣтѣ лампы, окружалъ ее какимъ-то фантастическимъ сіяніемъ». О, зачѣмъ судьба не дала мнѣ счастья видѣть Александру Николаевну при свѣтѣ лампы! Я оцѣнилъ бы эти волоса, которые выбивались изъ подъ щетки! Но, увы! я не видѣлъ этой паутинной ткани; а кромѣ меня никто не очаровался фантастичнымъ сіяніемъ, окружавшимъ ея голову, и если вы думали, что г-жа Туръ съ

такую любовью описывает внутреннюю красоту волосъ Александры Николаевны потону, что нашлись поклонники этой дивной женщины, вы жестоко ошиблись: люди не плѣнялись ею, какъ, вѣроятно, не плѣнятся и «Трениа порами жизни»; и г-жа Туръ описывает волосы молодой вдовы съ внутреннею красотою такъ подробно не потому, чтобы это было нужно для романа, а просто изъ любви къ фантастическому сянiю. Александра Николаевна занимается воспитанiемъ дѣтей; изъ нихъ особенно заиѣчательнъ Валентинъ, будущiй главный герой романа, у котораго «розовая кровь струилась подъ тонкою кожею и нѣжнымъ румянцемъ, а томно зеленые (!!) глаза, опущенные темными рѣсницами, блистали веселостю», которая какъ увидите, угаснетъ отъ страданiй любви. Овъ выросъ подъ влиянiемъ доброй, но слабой матери и сотни мамокъ и нянекъ; потону остался жалкииъ на вею жизнь; но г-жа Туръ постоянно рисуетъ его вялую и дрянную фигуру самыи поэтическии красками. Точно также воспитана и младшая сестра его, Анята. Но старшая сестра, Катя, воспитывается теткою, помѣшанною на знатности и свѣтскости, и потому изъ нея выходитъ бездушная кокетка, которая прiучается заманивать знатныхъ жениховъ «блестящими звуками рояля». Очень длинно расписываетъ «Первая пора жизни», дѣтство Валентина и Аняты, но читатель можетъ судить по приторной аффектацiи выписанныхъ наин фразъ, много ли искренности и теплоты въ описанiи дѣтства: оно холодно и экзальтировано, и мы подражая молодой вдовѣ съ блѣдно золотистымъ сянiемъ паутиной ткани вокругъ всей головы, которая (вдова) «становилась неумолима и холодна, сталкиваясь съ ложью и экзальтацiей», неумолимо и холодно пройдемъ молчаиенъ все дѣтство нашихъ героевъ, не останавливаясь ни на доброй карлицѣ Фенѣ, которая «подноситъ дѣтямъ пѣнки и свѣжiй, теплый, магкiй хлѣбъ» (когда же подается къ чаю заплесневѣлый и чорствый?), ни на докторѣ-евреѣ въ черномъ парикѣ, съ огромной тростью въ рукахъ (отчего же нѣтъ на ней обычнаго золотого набадачника?), ни на Ипполитѣ Фодорычѣ, учителя дѣтей, у котораго огромная голова, страшныя брови, широкии колѣна (?) и широкии плеча: онъ, конечно, пугаетъ дѣтей наружностю, пугаетъ огромною книгою; но на половинѣ пространства между широкихъ колѣнъ и плечъ его широкое и добрѣйшее сердце, а въ страшной книгѣ—чудные рисунки; и суровый методъ его воспитанiя смягчается, потону что онъ обаятельною мягкостю Анны Николаевны, проливавшей на все окружающее доброту, нѣжность и счастье, «мало по налу увлеченъ былъ въ этотъ магическiй кругъ, и скоро вошелъ въ него совершенно и составилъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое». Чтобы сносно описать дѣтство, надобно имѣть любовь къ дѣтямъ, а не къ вычурнымъ фразамъ. Но вотъ дѣти выросли, Огинские переѣхали въ Москву, старшая сестра Валентина, Катя, отыскала себя жениха, князя Гранцкаго — и начинается романъ: родственница Гранцкаго, княгиня Воротынская, дѣлаетъ балъ; Валентинъ долженъ ѣхать, какъ братъ невѣсты — и влюбляется въ княгиню; это очень естественно, взгляните только на портретъ ея:

«Воротынская была женщина лѣтъ двадцати-шести, довольно полная, съ удивительно красивыми очертанiями плечъ и талии. Черные глаза ея были живы; ихъ разрѣзъ, продолговатый какъ *миндалина*, придавалъ какую-то томность ея фiзиономiи» и т. д. Преобладающая черта въ ея характерѣ доброта, доходящая до слабости; и она рѣшительный сколокъ съ самой матери Валентина, хотя, очевидно, авторъ и не думалъ объ этомъ сходствѣ. Она полюбила младшую сестру Валентина Аняту, и Валентинъ часто ѣздитъ съ сестрою къ ней. Само собою разумѣется,

что и княгиня не остается равнодушна къ прекрасному молодому человѣку, хотя онъ держитъ себя съ нею какъ проставъ. Отношенія ихъ становятся короче и короче (какая старая тена! и сколько надобно таланта, чтобы сносно писать на нее! А въ «Трехъ порахъ» ничего, кромѣ экзальтаціи и аффектаціи, читатель, вѣроятно, еще не займилъ). Объявленіямъ влюбленныхъ вѣчно мѣшають: то Силкова, то тетка Воротынской; это еще больше разжигаетъ страсть влюбленныхъ и растягиваетъ скучныя сцены. Но вотъ Воротынская уѣзжаетъ къ другой больной теткѣ, наполовину только объяснившись съ Валентиномъ, и нѣкто г-жа Силкова начинаетъ ловить въ свои сѣти Валентина. И какъ не стараться завлечь? На 113 страницѣ 1 части точно такъ же, какъ на 5 (см. выше): «Тонкая кожа его, подъ которою текла молодая кровь, нѣжными румянцемъ покрывала его бѣлыя щеки» и т. д. Но не въ силки Силковой, а въ объятія наяды, сирены, вакханки, спутникомъ которой избранъ Змѣевъ (о! страшно! за Валентина страшно мнѣ!) попадаетъ юноша, у котораго щеки были не покрыты, а окрашены кожей! Вообразите, у Силковой маскарадъ, нарочно сдѣланный съ цѣлю изловить Валентина; онъ не хотѣлъ ѣхать (бѣдный юноша! чувствуетъ бѣду вѣщее сердце!) но мамонька послала его на балъ (зачѣмъ безъ няньки? Добрая и опытная Фодосьевна сохранила бы неопытное дитя!)... вообразите же входитъ онъ въ залъ—и

«Вдругъ внимаше его приковалось къ женщинѣ, подходившей все ближе и ближе. Она предстала ему какъ видѣше, какъ чудный, давно знакомый образъ: объ руку съ мужчиной (уфъ, это вѣрно Змѣевъ!) шла женщина, одѣтая вакханкой, но одѣтая такъ граціозно, такъ пристойно (увидимъ, что не совсѣмъ), что никто не могъ бы найти для неѣ слова порицанья. (Слѣдуетъ описать бѣлаго газоваго ея платья, см. «Мода. журналъ для свѣтскихъ людей 1853 года № 15»). Тигровая кожа была наброшена на одно плечо ея и спадала съ другого. Золотыя застежки, представлявшія когти тигра, ее придерживали: они впивались въ ея бѣлое матовое алачо, и покрывали его легкимъ розовымъ отблкомъ...

Нѣтъ, я опасаясь и за себя и за читателя, если буду продолжать выписку: скажу только, что столь же роскошно и пластично описана «полуоткрытая талья» вакханки, «полная, но небольшая, антично созданная грудь ея» и т. д., все по принадлежности. «Восклицаше (вѣроятно неудобное для печати, потому что не приведено авторомъ) сорвалось и съ языка Валентина», когда она проходила мимо его. Потомъ она «пронеслась мимо его въ вихрѣ вальса, в *за ней* (дѣло очень понятное, при быстротѣ движеній застежки могли соскользнуть съ плеча) какъ облако, нескромно рисуя станъ, вилось ея легкое платье. Не помня себя, бросился Валентинъ, пробился межъ танпующихъ», но «смутился, оробѣлъ» и попросилъ только ее вальсировать. Описание трехъ туровъ вальса съ очаровательницею такъ же хорошо, какъ и все предъидущее. Но впереди еще много великолѣпныхъ сценъ, ны должны спѣшить къ нимъ. Вакханка—Ельцова, свѣтская дама довольно легкаго поведешя. Она приглашаетъ Валентина къ себѣ. Онъ бываетъ у нея каждый день и т. д. Но если онъ влюбленъ въ роскошную Ельцову, то въ него влюбляется Тата, кузина Ельцовой, на изображеніе которой потрачено еще больше красокъ.

Тата играетъ у Ельцовой роль немногимъ лучше горничной дѣвушки: горе и оскорбленія развили въ ней удивительный умъ, энергическую волю, смуглый цвѣтъ кожи. Можно вообразить, какъ она влюблена въ Валентина и съ какою твердостью (за то и съ какими страданіями!) таятъ она въ своей груди змѣю нераздѣленной любви. Но о ней послѣ, когда Валентинъ обратитъ на нее вниманіе:

теперь онъ занятъ одною Ельцовой, съ которою каждый день подъ вечеръ, пока съѣдутся другіе молодые люди, проеживаетъ наединѣ запершись въ ея кабинетъ по нѣскольکو часовъ. Это, конечно, для него очень пріятно, но нравственность, нравственность отражаетъ! Что скажутъ объ этомъ дамы! Притомъ эти платоническія бесѣды непостижимы и для насъ, мы помнимъ, что Ельцова—вакханка. Но вотъ она теряетъ терпѣніе; на подмогу беретъ князя Синанскаго, принимается кокетничать съ нимъ, и тогда происходитъ слѣдующее: Валентинъ сидитъ у Ельцовой: является Симанекій, ему велятъ отказать, и—опишемъ все по порядку... впрочемъ, зачѣмъ описывать? все происходитъ по обыкновенному порядку. «Огонь желаній... жаркое дыханье... онъ задрожалъ...» и наконецъ Валентинъ поскакавъ въ лѣсъ, и «гордо глядѣлъ онъ на восходящее солнце, глядѣлъ прямо»—удивительно крѣпкіе глаза! Если таковъ же былъ весь его организмъ, то Воротынская и Ельцова основательно находили его очаровательнымъ молодымъ человѣкомъ. Но вотъ онъ пріѣхалъ домой и легъ спать: «Какъ сладокъ, какъ живителенъ ты, сонъ юности, впервые узнавшей вею сладость жизни!» Да, это совершенно справедливо. Мать замѣчаетъ похождение сына и предостерегаетъ его; но Валентинъ продолжаетъ ѣздить къ Ельцовой. Конечно, скоро Ельцова чувствуетъ потребность обратить свое вниманіе на Синанскаго, который, по выраженію автора, «колоесъ». Сначала Валентинъ не замѣчаетъ ничего; Тата объясняетъ ему кокетство Ельцовой: начинаются сцены ревности, примиренія, восторговъ и т. д. Но вотъ Воротынская воротилась изъ деревни и требуетъ къ себѣ зачалившагося мальчишку. Она объясняетъ ему—трогательная сцена; вѣдь она тайнѣ любитъ его и должна скрывать свою любовь—что за женщина Ельцова и т. д.; Валентинъ держитъ себя какъ школьникъ уже довольно развязный и разеуждаетъ о непобѣдимости страсти; наконецъ, однако, даетъ слово уѣхать отъ пагубы въ деревню: тамъ ого ждетъ больная мать. Но скоро онъ возвращается и опять увлекается прежнею «сладостью» пуще прежняго. Остановимся здѣсь. Почему не рассказывать и подобныхъ эпизодовъ жизни? Но какъ рассказывать ихъ, вотъ въ чемъ дѣло. Неужели глупыя похождения безхарактернаго и слабого мальчика надобно описывать, какъ благородный пылъ первой, чистой страсти? раскрашивать его восторги съ сочувствіемъ и увлеченіемъ? Кто пинуетъ о нихъ такъ, тотъ не имѣетъ права братья за подобные сюжеты. Надобно стоять выше ихъ, чтобы описанія ихъ были вѣрны и поучительны. Иначе мы напишемъ нѣчто фальшивое и жалкое во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ художественнаго. Возвращаемся къ роману. Къ жалкому, ничтожному Валентину пріѣзжаетъ изъ Петербурга бойкій пріятель, Армалевъ, и, узнавши положеніе дѣлъ, принимаетъ на себя трудъ спасти бѣднаго мальчика, обративши къ себѣ милости Ельцовой. Достигнувъ своей цѣли, онъ показываетъ Валентину очень недвусмысленную записочку Ельцовой. Валентинъ, конечно, страдаетъ: его страданія, глупыя какъ всѣ прежніе восторги, описываются съ такимъ же участіемъ. Но мы ошиблись, свазавъ, что пріятель спасъ его отъ гибели—нѣтъ, Валентинъ опять впадалъ въ прежніе пароксизмы любви; онъ окончательно бросилъ Ельцову только подслушавъ, какъ она осмѣиваетъ и передразниваетъ ого. Фи, какой пустой и мелочной человѣкъ! Ему измѣнили, онъ узналъ, что его всегда обманывали, что о любви къ нему никогда и не думали. Это еще ничего для него: затронули еще тщеславіе—и онъ исцѣлился. И усѣвая подобными чертами портретъ своего героя, авторъ думаетъ, что изображаетъ человѣка благороднаго съ великою, возвышенною,

страстною душою и т. д., но только несчастнаго въ любви и погибающаго отъ нѣжности сердца! Чтобы спастись отъ такихъ жалкихъ пронаховъ, автору необходимо соразмѣрить свой сюжетъ съ своею опытностью и силами, не описывать того, что не испытано имъ или не понято и слава Богу, конечно, что не испытано.

Но вотъ прошелъ годъ. Ничтожный нашъ герой опять влюбляется и опять въ первый предіюетъ своей страсти, Воротынскую. Скучно и жалко было бы описывать ихъ воркованья и страданья. Оба они безельны, оба они смѣшны, и оба описываются съ прожнннѣ глубокимъ участіемъ. Тата живетъ уже у Воротынскіа и мучится ревностью, глядя на ихъ нѣжничанья. Не понимаяеиъ, какъ она съ умомъ своимъ и энергическимъ характеромъ можетъ находить плаксиваго Валентина достойнымъ чего-нибудь кромѣ жалости, смѣшанной съ пренебреженіемъ. Второй томъ, повѣствующій обо всемъ этомъ, еще аффектированнѣе, экзальтированнѣе перваго. Чтобы дать ваиъ понятіе о впечатлѣши, которое производитъ всѣ приторнымъ сцены любви и страданій (причиною страданій—жалкая и безсильная тетка Воротынскіа, напоминающая племянницѣ о приличіяхъ и условіяхъ свѣта) Воротынскіа и Валентина съ неизбѣжнымъ аккомпаниментомъ сердочныхъ мучепій Таты, скажемъ, что такое впечатлѣнію могла бы произвести развѣ картина жеманной влюбленности беззубаго старика (такъ старчески вялъ и беззубенъ Валентинъ) и жеманно-стыдливой, нервной, плаксивой 45-ти-лѣтней дѣвы въ бальномъ платьѣ, съ набѣленными щеками и плечами; прибавьте, что полная жизни молоденькая красавица съ ревностью и завистью плачетъ о томъ, что но она на мѣстѣ счастливой дѣвы. Но прѣзжаетъ Армалевъ. Ему надобно сѣискать себѣ богатую жену, потому что онъ живетъ открыто, потому что онъ чостолобивъ, потому что у него много долговъ—онъ избираетъ предметомъ своихъ исканій Воротынскую и, конечно, безъ всякаго труда отбиваетъ ее у Валентина. Не знаемъ, какъ удалось объяснить себѣ этотъ фактъ автору при его понятіяхъ о его любимцѣ и любимицѣ, идеалахъ любви, воркованья и всевозможныхъ нѣжностей. Съ его понятіями о своихъ герояхъ такая измѣна Воротынскіа, такая вялая (конечно вмѣстѣ и слезливая) уступка со стороны Валентина просто непостижима. Для насъ все это кажется очень естественнымъ: Воротынскіа—пустая женщина, Валентинъ тряпка, которую оттолкнуть ногою не стоитъ ни малѣйшаго труда. А съ какимъ паоссоиъ выставляетъ ихъ авторъ великими людьми, у которыхъ одна только слабая сторона—нѣжность сердца! Съ какою странною любовью описываетъ онъ ихъ радости и горести! Да если въ нихъ была хоть капли какого-нибудь чувства, кромѣ фальшивѣйшей, натянутѣйшей экзальтаціи, зачѣмъ же они не женились? кто имъ мѣшалъ! Нѣтъ, Валентинъ съ своими горестями рѣшительно похожъ на здороваго парня, который горькими слезами плачетъ о томъ, что у него на носу сидитъ муха. <Да ты бы согналъ ее, братецъ!> — <Не смѣю>. — <Да что же ты не смѣешь?> — <Она разсердится, меня съѣстъ!> Валентинъ, видите ли, боялся тетки своей возлюбленной, старухи, но имѣвшей никакихъ правъ надъ племянницею, у которой жила она. Разумѣется, такой человекъ имѣетъ полное право говорить съ Чайльдъ-Гарольдомъ: <Теперь я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ> и т. д. (Часть II, стр. 278). Жалкіи и смѣшной человекъ! Нѣтъ, не испыталь или не понималь сорьознаго горя такой человекъ и неспособенъ былъ онъ живо чувствовать и наслажденій. Тряпка, тряпка и тряпка! И хорошо сдѣлала эта тряпка, что поѣхала отъ насъ подальше, за границу. Но нѣтъ, не приноситъ ему пользы эта поѣздка. Другое дѣло, если бы пришлось

ему остаться безъ своего богатства я самому трудиться, тогда бы, можетъ быть, позабылъ онъ о своихъ Ельцовыхъ и Воротынскихъ и сталъ бы хоть сколько-нибудь похожъ на дѣльнаго человѣка. Но нѣтъ, онъ сълъ бы, сложа рукъ, на улицѣ и плакался бы цѣлый день на судьбу, дожидаясь, пока «жареная утка ему въ ротъ влетитъ».

Наконецъ мы принимаемся и за третью часть. Тутъ являются большею частью новыя лица. Возвратившагося изъ за границы Валентина уже и самъ авторъ, кажется, признаетъ трапкою; по крайней мѣрѣ въ продолженіе всей третьей части куда угодно водить его за носъ племянница, дочь старшей сестры, вышедшей въ начатъ романа за князя Границкаго. Эта хитрая дѣвушка вознамѣрилась кругомъ обогатить богача-дядю для поправленія разстроенныхъ дѣлъ своего семейства. Но Огинскій еще не потерялъ качества быть всеобщимъ возлюбленнымъ, и если бывшей княгинѣ Воротынской мужъ не позволитъ уже предаваться пустому препровожденію времени съ милымъ Валентиномъ, хотя, можетъ быть, она была бы и непрочъ отъ этого, несмотря на Валентиновы 40 съ хвостикомъ, а свои 50 съ хвостикомъ лѣтъ; если Тата (сердечно жалѣемъ, что не могли за недостаткомъ мѣста списать чуднаго ея портрета во весь ростъ) послѣ катастрофы съ Воротынской, или прежде, не припомнимъ хорошенько, пошла въ монастырь, то у Таты была подруга Лина—можетъ ли 45-ти-лѣтній Валентинъ не влюбиться въ нее? можетъ ли она быть избавлена отъ непріятной, но неизбѣжной, обязанности влюбиться въ поэтического Валентина? Правда, Лина имѣетъ жениха, который уже 5 лѣтъ состоитъ въ этомъ качествѣ. Правда, ей уже подъ 30 лѣтъ; правда, она очень солидная, скронная, разсудительная дѣвушка, и мы готовы были бы, основываясь на всемъ этомъ, ручаться головою, что она не впадетъ въ такую неосновательную любовь къ ничтожному человѣку, несообразную ни съ лѣтами возлюбленнаго всѣми Валентина и ея собственными, ни съ ея характеромъ, но приказъ отъ автора данъ: «извольте влюбиться, Mlle Lina». — «Слушаю-съ», отвѣчаетъ Лина и влюбляется. Конечно, коварная племянница, чтобы не лишиться дядина наслѣдства, разстаиваетъ любовь, на этотъ разъ рѣшительно уже подходившую къ свадьбѣ, и Лина куда то убѣгаетъ. Огинскій въ третій разъ убить. Мы боимся, что все еще не на повалъ: посмотрите, лѣтъ черезъ десять отдохнетъ опять, и опять обзаведется восторгамъ и муками любви.

Вотъ, подумаешь, счастливые люди! До 45-ти лѣтъ только и дѣла дѣлаютъ, что влюбляются да влюбляютъ въ себя! За то какіе же фальшиво экзальтированные и пустые люди!

Можетъ быть, благосклонный читатель и согласится теперь, что самые плохіе старинные романы не могутъ выдержать сравненія съ иными нынѣшними. Но слабый и краткій нашъ очеркъ, какъ угадываютъ, конечно, сами читатели, такъ же далеко не могъ передать и сотой доли красотъ романа въ трехъ частяхъ, какъ гравюра не можетъ передать сотой доли красотъ рафаэлевской картины. Чтобы дать возможность хотя нѣсколько познакомиться изъ нашей рецензій съ блестящими достоинствами романа, мы выпишемъ одну изъ послѣднихъ, но далеко еще не самыхъ поразительныхъ страницъ. Лина уже почти невѣста Огинскаго, предостерегаетъ его отъ хитростей племянницы, которая поетъ ему соловьиныя пѣсни, чтобы выманывать у него деньги. «И вы говорите мнѣ это!» восклицаетъ Огинскій совершенно неправдоподобно, потому что имѣлъ уже миллионъ случаевъ удостовѣриться въ

благородствѣ, безкорыетіи, самоотверженности Лины: «Кто скажетъ мнѣ, что слова ваши искренни, что вы, говорящая такъ много о деньгахъ, не любите ихъ сами?»

«Я!» сказала Лина такъ глухо, что Огнесій взглянулъ на нее наконецъ. Онъ былъ пораженъ ея блѣдностью. Мысль, что Лина поблѣдѣла потому, что онъ угадалъ ее, какъ молніи сверкнула въ умѣ его (какъ это правдоподобно! Что за умница въ самомъ дѣлѣ былъ этотъ Валентинъ!) и сообщила мрачный видъ всему прошлому любви ихъ и уничтожила ея остатки.

«Да, вы!» продолжалъ онъ съ холоднымъ, отчаяннымъ порывомъ. «Кто мнѣ поручится за вашу искренность, за ваше простодушіе, за вашу привязанность? Деньги, все деньги! вездѣ! всюду! все можно купить! (нѣтъ! ума, напримѣръ, нельзя и таланта тоже). Блженъ тотъ, кто вѣритъ, что вы ему отдались, да, отдались (NB если Валентинъ не хвастается небывалымъ, то плохи же ея дѣла!) за груды золота, но это-то и называютъ куплю люди дальновидные! Я проклинаю тотъ часъ, когда увидѣлъ васъ, повѣрилъ вамъ!»

Лина все дрожала; она оперлась на стулъ машинально, хотѣла говорить—и не могла; хотѣла идти—ноги ея подкашивались. Она задыхалась (воды! воды! спирту! барышнѣ дурно!), въ глазахъ ея потемнѣло. Но сильная воля ея превозмогла это сражающее потрясеніе; громкій вздохъ, будто вопль растерзанной души (а развѣ вздохъ не въ самомъ дѣлѣ вопль растерзанной души?), вырвался изъ сжатыхъ, стиснутыхъ (фигура напряженія дѣйствующая на чувство читателя. См. «Реторика Кошанскаго». § 57), поблѣвшихъ губъ ея; она крѣпко прижала руку къ сердцу, приказывая ему молчать и не биться—и, повинуясь силѣ воли, сердце какъ бы замерло въ ея груди (какъ же такая сильная женщина не имѣла достаточно вліянія на слабого Огнескаго?)

«Богъ съ вами, Огнесій!» произнесла ова едва слышно и пошла къ двери медленно, но твердо.

Онъ бросился за ней стремительно и схватилъ ее за руку.

«Куда вы?», закричалъ онъ порывисто и повелительно: «отвѣчайте! отвѣчайте же мнѣ!»

Но Лина, задыхаясь, уклонилась отъ него и, указывая на дверь сказала глухо, задыхаясь:

«Гдѣ вы, тамъ меня не будетъ! Идите или пустите меня!»

Онъ отступилъ отъ нея. Она вышла.

Черезъ два часа Огнескій одумался и раскаялся. Онъ бросился въ комнату Лины. Она была нуста.

Такъ же какъ «Три поры жизни? если позволительно предложить вопросъ. Нѣтъ, еще не такъ: въ комнатѣ Лины «на полу валялись бумаги и доскутья»,—однимъ словомъ, хоть чтонибудь было. А въ «Трохъ порахъ» нѣтъ ни мысли, ни правдоподобія въ характерахъ, ни вѣроятности въ ходѣ событій; есть только страшная аффектація, натаянность и экзальтація, представляющая все въ «какомъ-то фантастическомъ сіяніи» и какъ разъ навыворогъ противъ того, что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Надъ всѣмъ этимъ владычествуетъ неизмѣримая пустота содержания. Но вамъ читатель угодно было знать, какую пользу можетъ принести чтеніе плохихъ старинныхъ романовъ? Всякому читателю можетъ принести такую пользу—навести на него гораздо менѣе безотрадной тоски, нежели, напримѣръ, чтеніе новаго романа г-жи Евгеніи Туръ; рецензенту оно можетъ принести еще болѣе выгоды—иногда снять съ него часть работы, доставивъ ему готовый уже отзвѣвъ о книгѣ: послѣднее случается, напримѣръ, вотъ какъ: авторъ «Семейства Холинскихъ», недовольный отзывами журналовъ о его романѣ, написалъ длинное предисловіе, въ которомъ собралъ—и, конечно опровергъ—эти отзывы. Всѣ они

чрезвычайно хорошо примѣняются и къ «Тремъ порамъ жвани»; особенно отзывы «Телескопа» и еще одной газеты, почему же намъ и не примѣнить ихъ? вотъ они (см. предисловіе къ третьему изданію «Семейства Холмекихъ», Москва, 1841.).

1) «Семейство Холмекихъ» (читай: «Три поры жизни») нисколько не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ; излишество безполезнаго прозабанія хуже бесплодія.

2) Чтеніе «Семейства Холмекихъ» (читай: «Три поры жизни») можно уподобить путешествію отъ Тобольска до Бѣлостока).

Бѣдность не порокъ. Комедія *А. Островскаго*. Москва. 1854.

Первая комедія г. Островскаго, «Свои люди—сочтемся», была принята читателями съ единодушнымъ одобреніемъ. Мы встрѣчали даже такихъ, которые въ порывѣ увлеченія, ставили эту комедію выше «Недоросля» и «Горе отъ ума», наравнѣ съ «Ревизоромъ». И такое увлеченіе не сердило тѣхъ, которые не раздѣляли его—такъ оно было естественно. Черезъ два года явилась «Бѣдная невѣста», не уронившая извѣстности автора, но и не поддерживавшая ее. Третья комедія его «Не въ свои сани не садись» заставила нѣкоторыхъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей перваго произведенія г. Островскаго опасаться, что онъ уже не въ силахъ создать что нибудь, достойное автора «Своихъ людей». Но большая часть публики не раздѣляла еще этихъ опасеній; многіе оставались такъ увлечены «Своими людьми», что все, выходявшее изъ подъ пера ихъ автора, считали равно замѣчательнымъ. Явилась «Бѣдность не порокъ», и большинство публики убѣдилось въ основательности опасенія за талантъ г. Островскаго; и если мы екажемъ, что, по нашему убѣжденію, г. Островскій еще можетъ имѣть силы — если только будетъ имѣть желаніе—создать послѣ «Бѣдность не порокъ» что нибудь замѣчательное, то большинство читателей, мнѣніе которыхъ имѣетъ вѣсъ въ дѣлѣ искусства, едва ли не назоветъ насъ людьми, которые все еще не хотятъ отказаться отъ надеждъ и тогда, когда уже невозможно надѣяться. Мы не можемъ надѣяться. Мы не можемъ найти эпитета, который бы достаточно выражалъ всю фальшивость и слабость новой комедіи: не можемъ найти потому, что воспоминаніе о «Своихъ людяхъ» не позволяетъ намъ прибѣгнуть къ эпитетамъ, которыми характеризуются произведенія кичливой бездарности. Потому скажемъ только: новая комедія г. Островскаго слаба до невѣроятности. А между тѣмъ находятся люди, которые продолжаютъ называть ее «цѣннымъ и долговѣчнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской литературы». Этого мало; находятся люди, которые рѣшаются говорить такъ: мы видѣли «Гаянета», «Отелло», «Ричарда III», «Короля Лира»; эти гениальныя созданія сильны тѣмъ, что въ нихъ правдиво изображается человѣкъ, и могущественно ихъ «правда» дѣйствовала на нашу душу, но пришло время, и мы увидали произведеніе еще высшаго достоинства (т. е. «Бѣдность не порокъ»):

«И вотъ пришла пора другая,
Опять въ театрѣ стонъ стонъ;
Полусмѣясь, полурыдая.

На сцену вневъ толпа глядять.
И съ нею истина иная
Со сцены снова говорить.

Но эта правда ае похожа
На правду прежнюю ни чуть:
Она *простые, но дорожные*
Здоровьи дѣйствуетъ на грудь.
Дай ей самой здоровья, Боже.
Пошли я впредь счастлививъ путь!
Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ оглушилъ,
И новое евааалъ онь слово.
Хоть правдѣ старой послужилъ.

Вотъ отчего театра зала
Отъ верху до визу однимъ
Восторгомъ вновь затрепетала:
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоять съ повившей головой,
Бурнусъ напяливъ обветшадый,
Съ растрепанною бородой... и проч., и проч.

(См. «Москвитянинъ», 1854, № 5.)

Для не читавшихъ «Вѣдность по порокъ» прибавимъ, что Любимъ Торцовъ—лицо изъ этой комедіи. Насъ нисколько не удивляетъ, что есть люди, не умѣющіе отличать посредственныхъ или плохихъ пьесъ отъ гениальныхъ и добродушно ставящіе «Вѣдность не порокъ» выше шекспировскихъ произведеній: вѣдь есть же люди думающіе, что Основьяненко (или Гребенка) выше Гоголя, что «Панъ Халявекій» лучше «Мертвыхъ Душъ» и т. д.; но тѣмъ не менѣе удивительно, что подобные люди рѣшаются печатно высказывать, что «Вѣдность не порокъ» выше «Гамлета» и «Отелло». Примѣровъ такой забавной рѣшительности не бывало въ русской литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ С. Глинка говорилъ, что въ «Дмитріѣ Самозванцѣ» Сунарововъ, въ отношеніи развитія волненія душевнаго, превосходитъ того, что Шекспиръ *предъявлялъ* въ своемъ «Макбетѣ» (Очерки жизни А. П. Сумарокова, изданные С. Глинкою, часть 3, стр. 120). Что могла придать этимъ неосторожнымъ поклонникамъ слабой комедіи такую смѣшную смѣлость? Только имя г. Островскаго, какъ автора «Своихъ людей». Блескъ его такъ ослѣпилъ ихъ, что они не могутъ видѣть прискорбнаго различія между первою комедіею г. Островскаго и его послѣдними произведеніями. А различію до того велико, что автора «Вѣдность не порокъ», не будь выставлено его имени на этой комедіи, невозможно было бы признать авторомъ «Своихъ людей»: онъ кажется только ого подражателемъ, усвоившимъ себѣ до нѣкоторой (только до нѣкоторой) степени его манеру, но не имѣющимъ и тѣни его таланта. Только подпись одного имени на обоихъ произведеніяхъ убѣждаетъ насъ, что оба они писаны однимъ и тѣмъ же человѣкомъ.

Но мало того, что успѣхъ «Свои люди—сочтемся» доставилъ автору извѣстность: у него явились подражатели, но какіе?

Въ каррикатуриныхъ подражаніяхъ «Своимъ людямъ»,—мы говоримъ о недавно появившихся пьесахъ: г. Потѣхина «Братъ и сестра» (Москвитянинъ. №№ 3 и 4) и г. Красовскаго «Женныхъ изъ Ножевой Ливни» (Отечественныя

Записки, № 3) — нѣтъ и тѣмъ того, что составляетъ достоинство «Своихъ людей», въ нихъ только развиты до крайности всѣ слабыя стороны «Своихъ людей» въ художественной отношенія и утрированы до совершеннаго искаженія оригинальный языкъ этой комедіи. Какъ же могло отъ «Своихъ людей» произойти такое нотоство, какъ «Не въ свои сани не садись», «Женихъ изъ ножевой лиши», «Братъ и сестра», и особенно «Бѣдность не порокъ»? Общій отвѣтъ на это неенъ для всякаго, знающаго, что такое значить «подражать». «Подражать» значить: не понимая существенныхъ достоинствъ, не понимая смысла произведенія, ослѣпившаго насъ своимъ успѣхомъ, механически воспроизводить его ввѣшнюю сторону и, не имѣя свѣтъ передать его красоты, со всею силою бовзкусія скопировать въ гронадныхъ разнѣрахъ его недостатки, принимая ихъ за красоты.

Послѣ «Своихъ людей» авторъ ихъ написалъ «Бѣдную невѣсту». Комедія была очень хороша; ее всѣ похвалили, но въ восторгъ не привела она никого. Почему же такъ? Потому что она дѣйствительно не имѣла ни одного изъ блестящихъ достоинствъ первой комедіи г. Островскаго. Идея въ ней была, если хотите; а если хотите, то можете сказать, что и не было, потому что идея эта была вовсе не новая. Милая, достойная всего лучшаго, дѣвушка должна — потому, что у нея кѣтъ приданаго, для того, чтобы спасти себя и мать отъ нищеты — выйти замужъ за человѣка, который ни пара ей ни по образованію, ни по чистотѣ сердца, ни даже по лѣтамъ: это человѣкъ пошлый, необтесанный, довольно пожилой, котораго она будетъ стараться, но не уефѣтъ, облагородить, котораго она будетъ усиливаться полюбить, но не будетъ въ состояніи любить; ея жизнь погибнетъ невозвратно (все это сама ова чувствуетъ), погибнетъ ея красота и молодость: сотни хорошихъ, если не гениальныхъ произведеній были писаны уже на эту тему, и если она всегда останется прекрасна, то свѣжестъ и эффектность можетъ придать ей только колоссальный талантъ. А г. Островскій написалъ прекрасное, но вовсе не колоссальное по исполненію произведеніе. Мало того, что идея не имѣла достоинства новизны: она принадлежала слишкомъ тѣсному кругу частной жизни.

Недовольный сомнительнымъ успѣхомъ этой комедіи, г. Островскій написалъ новую «Не въ свои сани не садись». Въ этой комедіи ясно и рѣзко было сказано: *полуобразованность хуже невѣжества*, но не прибавлено, что лучше и той и другаго: *истинная образованность*. Вообще эта комедія какъ бы служила переходнымъ звеномъ между «Своими людьми» и «Бѣдность не порокъ», къ которой мы теперь и обратимся, такъ какъ то, что было несовѣмъ опредѣлено въ «Не въ свои сани не садись», совершенно выяснилось въ «Бѣдность не порокъ». Эта комедія явилась всего три мѣсяца назадъ; потому большей части нашихъ читателей содержаше ея, можетъ быть, еще неизвѣстно, и мы должны разсказать его довольно подробно.

Но прежде, нежели начнемъ говорить о содержаніи, скажемъ объ именахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «Не въ свои сани не садись» представитель (мнимо) русскихъ по преимуществу понятій назывался уже Русаковымъ, представитель вѣрности стариннымъ обычаямъ — Бородкинымъ, представитель модной пустоты и вѣтрогонства — Вихоревымъ. Такое блестящее нововведеніе, заимствованное изъ комедій стараго времени, понравилось г. Островскому; въ «Бѣдность не порокъ» всѣ фамиліи лицъ «заимствованы» отъ ихъ качествъ: Коршунувъ (фабрикантъ свирѣлаго нрава), Гуслинъ (русскій виртуозъ), Разлюляевъ (т. е. гулака и весельчакъ).

И надобно сказать, что это чрезвычайно прилично новой комедии г. Островекаго столь же неумѣривой въ неудачной идеализаціи, столь же наивно написанной, какъ и самыя плохія комедіи стараго времени. Въ нашихъ романахъ тридцатыхъ годовъ герой, образецъ европійскаго поведенія и всѣхъ добродѣтелей, въ отличіе отъ остальныхъ лицъ (Звонсвихъ, Гремивыхъ, Блестовыхъ и т. д.) не имѣлъ даже фамиліи: онъ назывался просто Владиміръ или Александръ; такъ и у г. Островекаго герой именуется просто Митя (отличіе отъ старыхъ романовъ только въ томъ, что тамъ уменьшительными Митя, Ваня, Андрюша титуловались юродивые). Дѣйствіе комедіи опять въ уѣздномъ городѣ.

Егорушка, мальчишкѣ, пломянникъ богатаго купца Гордѣя Карпыча Торцова читаетъ сказку о «Вовѣ Королевичѣ», прерывая свое чтеніе отвѣтами на вопросы Мити, приказчика Торцова; чтеніе «Вовы Королевича» рѣшительно не связано съ пьесой и введено только въ качествѣ народнаго элемента для украшенія сцены. Между прочимъ, и это главное, Егорушка рассказываетъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ Гордѣй Карпычъ прогналъ изъ дому своего промотавшагося брата Любима за то, что Любимъ началъ при гостяхъ за столомъ «разныя колѣна выкидывать» — Митѣ, живущему въ домѣ, очень естественно было цѣлую недѣлю, если не больше, не слышать о такомъ шумномъ и скандальномъ происшествіи. Оставшись одинъ, Митя объясняется въ любви къ Любови Гордѣевнѣ, дочери Гордѣя Карпыча, и объявляетъ, что онъ теперь не можетъ работать, потому что «все бы думалъ о ней» — Митя человѣкъ очень бѣдный, и поэтому, намъ кажется, могъ бы уже давно привыкнуть поступать такъ, какъ всѣ бѣдные люди, обязанные каждый аккуратно работать, чтобы не терпѣть нужды: тоска сама по себѣ, а работа все-таки идетъ у нихъ вакъ слѣдуетъ. Итакъ вотъ намъ элементы комедіи во вкусѣ трагедіи Корнеля и Расина: сначала рѣшительно неумѣстный (по положенію лицъ) прологъ для объясненія публикѣ предшествующихъ событій; потомъ лирической монологъ, въ которомъ изливаетъ свою сентиментальную любовь герой. Потомъ входитъ Пелагея Егоровна (лицо безцвѣтное, невидимому, добрая старуха) и продолжая прологъ, начатый Егорушкою, объясняетъ публикѣ положеніе дѣлъ, рассказывая Митѣ, который уже пятьсотъ разъ все это знаетъ, что Гордѣй Карпычъ совсѣмъ испортился и помутился отъ знакомства съ богатымъ фабрикантомъ Коршуновымъ, отъ котораго перенялъ манеру стыдиться старыхъ простыхъ обычаевъ и гоняться за вышнимъ свѣтомъ. Чтобы ободрить къ продолженію объясненій для публики Пелагею Егоровну, которая сама должна чувствовать, что совершенно неумѣстно объясняетъ Митѣ давно извѣстныя ему дѣла, Митя подталкиваетъ ее рассказы разспросами и предположеніями. Тотчасъ послѣ ухода Пелагеи Егоровны является третье лицо съ ролью корнелевскихъ наперсниковъ — Гуслинъ, которому Митя открывается въ любви своей къ Любови Гордѣевнѣ: прибавляя:

Что на свѣтѣ прѣжестокое?

Прѣжестокое есть любовь.

Намъ кажется, что человѣкъ, восхищающійся подобными стихами, еще не въ состояніи находить Кольцова порядочнымъ поэтомъ; но по волѣ г. Островекаго Митя (юродивый или нѣтъ?) восхищается Кольцовымъ и самъ пишетъ пѣсни à la Koltzoff — нельзя не согласиться съ отзывомъ объ этомъ Гордѣя Карпыча: «Какимъ нѣжности при нашей бѣдности!» Но не удивляйтесь. Дальше будетъ еще лучше. Входитъ Разлюляевъ, сынъ богатаго фабриканта, веселый, удалый малый — и съ

тѣнь бы, вы думали, входить онъ? съ гармонією! сколько извѣстно читателямъ, на «гармонію» играютъ одни только дворовые люди и бѣднѣйшій классъ мѣщанъ; но Разлюляевъ купилъ ее конечно по приказанію автора, потому не осуждаемъ его за это. Безъ особенной воли своего прихотливаго повелителя, Разлюляевъ, конечно, нанялъ бы музыкантовъ, какъ всегда дѣлаютъ богатые гуляки изъ купеческаго класса. Какъ онъ входить, начинается пѣніе различныхъ пѣсенъ, ни къ чему не ведущее въ пьесѣ; между прочимъ Гуслинъ, успѣвшій въ нѣсколько минутъ положить на музыку пѣсню Мити à la Koltzoff, разумѣется, довольно плохую, поетъ ее и «во все это время (по точнымъ словамъ г. Островскаго) Разлюляевъ стоитъ какъ вкопанный и слушаетъ съ чувствомъ. По окончаніи пѣнія всѣ молчатъ» — отъ глубокаго чувства, по мнѣнію г. Островскаго, а по нашему мнѣнію оттого, что пѣсня плоха, и хвалить ее совѣстно, хоть ва это и рѣшается, наконецъ, Разлюляевъ; потомъ опять поэтическое тріо принимается пѣть — за этимъ застаютъ ихъ Гордѣй Карпычъ и бранить (по нашему мнѣнію совершенно справедливо) Митю за то, что онъ не занимается своими дѣлами. Но Разлюляевъ по уходѣ Гордѣя Карпыча соглашается съ Митею, что его жизнь очень горька. Входить съ подругами Любовь Гордѣевна, предметъ страсти поэтическаго Мити, и опять начинается ни къ чему не ведущее пустословіе и пѣнье пѣсенъ. Наконецъ «начинается нить завязки романа», какъ говоритъ Гоголь. Митя остается наединѣ съ Любовью Гордѣевною и объясняется ей въ любви—какимъ бы вы думали способомъ? Читая ей «собственно для нея сочиненные стихи», о томъ, что

Понапрасну свое сердце парень губить,
Что неровнюшну дѣвицу парень любить.

Намъ казалось бы еще правдоподобнѣе объясненіе полу-грамотнаго русскаго парня съ безграмотною дѣвушкою, если бы они принялись (по примѣру Шатобріана, см. его «Замогильныя Записки») читать Аріосто, и на какомъ нибудь патетическомъ мѣстѣ ихъ уста слились бы въ поцалуй. Тогда Митя, рассказывая объ этомъ Гуеливу, могъ бы выказать пониманіе не только Кольцова, но и Данте воскликнуть:

Quel giorno vi pop leggemmo avanti!

На что Гуслинъ могъ бы ему отвѣчать: «Эхъ, братъ, тогда былъ счастливъ, а теперь еще больше сталъ тосковать! Правду, Митя, говорить Данте

Nessun' maggior' dolore, и т. д.

Разумѣется, Любовь Гордѣевна *нишетъ* Митѣ отвѣтъ и уходитъ, вручивъ его. Конечно, скажете вы, пламенный Митя сейчасъ же прочиталъ рѣшеніе своей судьбы? Г. Островскій не считаетъ этого нужнымъ. Къ Митѣ приходитъ Любимъ Торцовъ, братъ хозяина, и на восьми страницахъ повѣствуетъ Митѣ свои приключенія (какъ будто бы Митя, столько времени жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, не слышалъ уже ихъ отъ него тысячу разъ, но въ «Бѣдность не порокъ» все рассказывается, ни одно лицо не знаетъ ничего изъ того, что давно должно знать) и Митя, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ своей милой въ карманѣ, имѣетъ терпѣніе, непостижимое ни для кого, кромѣ героевъ г. Островскаго, слушать битыхъ полчаса его рассказы, не догадываясь даже отвернуться въ сторону, чтобы взглянуть «да»

или «нѣтъ» написала ему Любовь Гордѣевна. Надобно отдать справедливость Любиму Торцову, что рассказываетъ онъ превосходно; но рассказъ его—ненужный для пьесы эпизодъ, какъ три четверти всѣхъ разговоровъ, рассказовъ и пѣсенъ. Намъ необходимо послушать вмѣстѣ съ Митею, что такое за человекъ Любимъ Торцовъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ,

«Душгѣ такъ прямо кажеть путь» (Москва, 1854. № 5)

надобно поемотрѣть, что это за путь, по которому предлагается идти вслѣдъ за Любиномъ.

По смерти отца, раздѣлявшись съ братомъ, поѣхалъ онъ повеселиться въ Москву и повеселился такъ, что пропилъ всѣ деньги.

«Какъ же вы жили Любимъ Карпычъ?» спрашиваетъ Митя, дослушавши похвощенія его до того времени, пока не осталось у него ни копѣйки денегъ.

«Какъ жилъ? Не дай Богъ лихому татарину. Жилъ въ просторной квартирѣ между небомъ и землей, ни съ боковъ, ни сверху нѣтъ ничего... Есть ремесло хорошее, коммерція выгодная—воровать. Да не гожусь я на это дѣло: совѣсть есть; опять же и страшно: никто этой коммерціи не одобряетъ. Говорятъ, въ другихъ земляхъ за это по талеру платятъ, а у насъ добрые люди по шеямъ колотить. Нѣтъ, братъ, воровать скверно! Эта штука стара, ее бросить пора... Да вѣдь голодь-то не тетка, надобно, что нибудь дѣлать! Сталь по городу скоморохомъ ходить, по копѣчкѣ собирать, шути изъ себя разъигрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало дрожжишь съ утра раннаго въ городѣ, гдѣ нибудь за угломъ отъ людей хоронишься, да дожидаясь вупцовъ. Какъ пріѣдетъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣно—ну и дасть, нто пятачекъ, кто гривну. Что ваберешь, тѣмъ и дышешь день-то, тѣмъ в существуешь».

Если подражать Любиму Торцову совѣтуютъ въ томъ, чтобы не заниматься коммерціею, которой никто не одобряетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ полезный, хотя нѣсколько обидный образецъ для читателей. Ну, а если нѣкоторые читатели подумаютъ, что имъ предлагаютъ идти къ нравственной высотѣ путемъ Любима Торцова, т. е., пропившись сдѣлаться скоморохами и выкидывать артикулы по улипамъ? Воля ваша, они могутъ обидѣться еще сильнѣе. Наконецъ нашъ идеалъ—не трезвый, какъ всегда—засыпаетъ, и Митя можетъ прочитать записку, полчаса лежавшую у него въ карманѣ.

«Читаетъ: *«И я тебя люблю. Любовь Торцова»*. Схватываетъ себя за голову и убѣгаетъ».

Мы такъ подробно рассказывали первое дѣйствіе, что, вѣроятно, читатели, утомленные даже сокращенною передачею всѣхъ этихъ неклеящихся съ настоящимъ содержаніемъ пьесы нескладницъ и несообразностей, утомленные всѣми этими наперсниками, прологами, монологами, въ которыхъ нѣтъ ни тѣни драматизма, попросятъ насъ сократить рассказъ о двухъ остальныхъ дѣйствіяхъ. Съ величайшею радостью исполняемъ ихъ желаніе.

Двѣ трети второго дѣйствія заняты святочнымъ вечеромъ, справленнымъ матерью Любви Гордѣевны въ отсутствіе мужа. Всѣ эти сцены съ плясками, играми, пѣснями и такъ далѣе, рѣшительно лишнія и не связаны съ пьесою ничѣмъ, кромѣ воли автора. Наконецъ пріѣзжаетъ Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ, прогоняетъ наряженныхъ, называя такія увеселенія «мужичествомъ» и объявляетъ, что просваталъ дочь за Коршунова. Та умоляетъ отца не губить ее. Отецъ не хо-

чего слушать, и простой святочный вечеръ обращается въ помолвку. Но Любимъ Карпычъ не дремлетъ: онъ въ домѣ брата оскорбляетъ Коршунова, высчитывая въ глаза ему всё его мошенничества. Раздраженный Коршуновъ требуетъ чтобы Гордѣй Карпычъ извинился передъ нимъ, что позволилъ обидѣть его въ своемъ домѣ. «Попросить прощенья — говорить онъ нареченному тестю — потому что другого жениха здѣсь твоей дочери вѣтъ». — «Врешь — говорить Гордѣй Карпычъ (замѣтите, какъ ватурально подведена развязка) — съ деньгами, которыя я за нею далъ, всякій человекъ будетъ...» Въ эту самую минуту, неизвѣстно зачѣмъ, въ дворяхъ показывается Митя, который давно уже простился, чтобы уѣхать домой отъ горести по разлукѣ съ Любовью Гордѣевною... «Вотъ за Митю отдамъ». Митя валится ему въ ноги, жена (знающая о любви между Митею и дочерью) умоляетъ мужа исполнить свое слово; Гордѣй въ нерѣшимости; тогда опять является идеалъ человека, Любимъ, и въ монологѣ, достойномъ автора шекспировской пьесы «Раздумье артиста» (см. Ералашъ при II номерѣ Современника), проситъ брата сжалиться надъ нимъ, отдать дочь за Митю, который дастъ ему приютъ и кусокъ хлѣба. По обыкновенному порядку вещей внимательство, даже одно появленіе Любима, который такъ жестоко уязвилъ гордость Гордѣя, осрамивъ его передъ всѣми и разстроивъ свадьбу, должно было бы безвозвратно испортить дѣло; но у г. Островетакого выходитъ не такъ: выслушавъ мовологъ брата, Гордѣй «утираетъ слезу» и говоритъ ему: «Ну, братъ, спасибо, что на уиъ наставилъ!» и благословляетъ Митю и Любовь Гордѣевну (какъ это правдоподобно!). Читатели теперь видятъ, что почти вся пьеса состоитъ изъ ряда несвязныхъ и ненужныхъ эпизодовъ, монологовъ и поиѣствованій; собственно для развитія дѣйствіи нужна развѣ только третья доля всего вставленнаго въ пьесу. Чѣмъ это объяснить? Во-первыхъ пренебреженіемъ автора къ требованіямъ искусства — онъ, по видимому, считаетъ каждую написанную имъ строку драгоцѣнностью, которая будетъ пріятна читателямъ и въ томъ случаѣ, когда рѣшительно ненужна и неумѣстна; во-вторыхъ — и это едва ли не главное — авторъ дѣйствительно правъ до нѣкоторой степени съ своей точки зрѣнія, вставляя въ свою пьесу по всевозможнымъ поводамъ пѣсни, пляски, игры: онъ пишетъ апопееозу стариннаго быта, какимъ представляется ему современный бытъ нѣкоторой части купеческаго общества; потому онъ старается выставить на видъ всё поэтическія черты его; для этой цѣли онъ вставилъ въ свою небольшую пьесу 16 или 17 пѣсенъ (не считая того, что Разлюмаевъ нѣсколько разъ поетъ «Ахъ какъ гусара не любить», и нѣсколько же разъ поетъ «Одна гора высока»), выставилъ на сценѣ цѣлый святочный вечеръ съ переодѣваньями, загадками, гаданьями и т. д., заставилъ дѣйствующихъ лицъ разъ десять плясать, и т. д., и т. д. Почему же спросить насъ авторъ, недовольны вы такимъ намѣреніемъ? Не объ намѣреніи теперь мы говоримъ, а объ исполненіи. А исполнили вы свое намѣреніе, нисколько не заботясь о цѣлости и стройности вашего произведенія, и написали не «комедию», не художественное цѣлое, а что-то спитое изъ разныхъ лоскутковъ на живую нитку. «Бѣдность не порокъ» относится къ тому же роду произведеній, какъ «Мельникъ» Аблесимова — она сборникъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ; разница только та, что у Аблесимова народные мотивы ловко введены въ самое дѣйствіе пьесы, а у васъ приставлены къ пьесѣ очень неловко и большею частью не имѣютъ съ нею никакой связи. Не говоримъ уже о томъ, что «Мельникъ» былъ первою пьесой, въ которой слышала публика на-

родные мотивы, а ваша пьеса вовсе не новость въ своемъ родѣ, когда мы видѣли на сценѣ весь рядъ свадебныхъ обрядовъ, а пѣсня со сцены слушали уже десятки разъ.

Недовольны будутъ читатели пьесою г. Островекаго еще по другой причинѣ гораздо важнѣйшей

Въ ней правды нѣтъ, въ ней жизни нѣтъ,
Въ ней фальшь, не вѣчное искусство.

говоря словами одного изъ восторженныхъ ея поклонниковъ. Коршуновъ мелодраматическій злодѣй — это дурно; но еще хуже то, что всѣ остальные лица (подъ конецъ пьесы даже злочинствующій сначала Гордѣй Карпычъ) облиты тою патокою, съ которою Егорушка пляшетъ на святочномъ вечерѣ, припѣвая:

Ай патока, пат'ва,
Вареная, сладка!

Въ особенномъ изобиліи пролита она на Любима Торцова, который, по собственнымъ словамъ, (истинная скроинность!) «пьяница, но лучше всѣхъ», и на Митю, подслащенныхъ до совершеннаго искаженія дѣйствительности.

Мы должны были бы сказать еще очень много по поводу «Бѣдность не порокъ», но наша статья и безъ того слишкомъ длинна. Отложимъ до другого случая то, что еще остается намъ высказать о ложной идеализаціи устарѣлыхъ формъ. Въ двухъ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Островскій впалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли слабыя и фальшивыя. Но, по нашему мнѣнію, онъ, повредивъ этия своей литературной репутаціи, не погубилъ еще своего прекраснаго дарованія: оно еще можетъ явиться по прежнему свѣжимъ и сильнымъ, если г. Островскій оставитъ ту тинистую тропу, которая привела его къ «Бѣдность не порокъ». Пусть онъ не слушаетъ восторженныхъ и безотчетныхъ похвалъ, пусть не увлекается стихотворными днeirамбами, въ которыхъ провозглашаютъ его героемъ «Искусства и Правды», но пусть лучше строго подумаетъ о томъ, что такое правда въ созданіяхъ искусства. Въ правдѣ сила таланта; ошибочное направленіе губить самый сильный талантъ. Ложныя по основнои мысли произведенія бывають слабы даже и въ чисто художественномъ отношеніи.

БИБЛИОГРАФІЯ.

О землѣ, какъ элементъ богатства. А. Львова. Москва. 1853.

Г. Львова чрезвычайно интересуется вопросом: «Что такое мѣшаетъ успѣху политической экономіи?» Никакъ не могли мы объяснить себѣ, зачѣмъ понадобилось разсматривать его г. Львову; но мы его должны разсмотрѣть, потому что отвѣтомъ на него объяснится существенное содержаніе и направленіе изслѣдованія г. Львова.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія далеко еще не достигла той высокой степени непреложности въ своихъ основныхъ положеніяхъ, на какой стоятъ естественныя и, особенно, математическія науки? Почему напримѣръ, между тѣмъ какъ астрономія уже не обращаетъ и вниманія на толки людей, утверждающихъ, что солнце вертится около земли, политическая экономія не только должна заниматься серьезнымъ опроверженіемъ подобныхъ же, рѣшительно съ вѣтру взятыхъ толковъ, но и не избавилась еще отъ опасности впасть въ руки людей, доказывающихъ, напримѣръ, что въ промышленномъ пирѣ все наилучшимъ образомъ устроивается само собою. Отчего политическая экономія до сихъ поръ не освободилась отъ необходимости спорить противъ этихъ убійственныхъ нелѣпостей?

Многіе приписываютъ такое жалкое положеніе — молодости политической экономіи: «еще не успѣла она развиться до свѣтлой, благодѣтельной безспорности истинныхъ своихъ принциповъ потому, что всего еще только восемьдесятъ лѣтъ существуетъ, какъ наука». Но мало этого объясненія. Отчего же она такъ медленно развивается? Вѣдь химія еще моложе политической экономіи, сравнительная анатомія, возникшая почти на нашихъ глазахъ, еще иложе; а между тѣмъ по степени полного, незыбленнаго, общепризнаннаго утвержденія своихъ началъ эти науки далеко оставили за собою не только политическую экономію, но и старуху по лѣтамъ, дитя по неосновательности сужденій — исторію. Что-нибудь не такъ. Молодость не оправданіе, даже не объясненіе.

И дѣйствительно, есть много причинъ медленности развитія политической экономіи. Укажемъ на нѣкоторыя, могущія служить объясненіемъ и для положенія вопроса, которымъ занимается изслѣдованіе г. Львова. Отвѣтственность за умолчаніе объ остальныхъ устранимъ отъ себя ссылкой на извѣстную французскую пословицу, которую представляемъ въ слѣдующемъ видѣ: *Qui veut dire tout, ne dira rien.*

Порван изъ этихъ причинъ медленности развитія политической экономіи —

многосложность и неудобораздѣлимая перепутанность фактовъ, которые анализировать должна она. Факты, анализируемые астрономіею и другими близкими къ совершенству науками, очень просты, мало запутанны, слишкомъ удобоотдѣлимы другъ отъ друга во всей своей чистотѣ и полнотѣ, сравнительно съ фактами нашей наукъ, которые зависятъ отъ множества причинъ, находятся подъ вліяніемъ множества обстоятельствъ, перепутываются своими послѣдствіями. Объяснимся примѣромъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи, который, по строгой научной необходимости, разсматривается и г. Львовымъ, есть вопросъ: улучшается или ухудшается (въ Западной Европѣ) положеніе рабочаго класса при томъ ходѣ развитія промышленныхъ отношеній, который господствуетъ въ Западной Европѣ? Вотъ какъ тѣсно связаны между собою вопросы политической экономіи: говоря о причинахъ, изъ которыхъ возникаетъ поземельная рента, или доходъ за отдачу земли въ наемъ, понадобилось говорить о благосостояніи рабочаго класса. Въ астрономіи не такъ: рѣшая свой вопросъ, астрономъ не запутанъ въ разсмотрѣніе совершенно другихъ вопросовъ; они для него «посторонніе вопросы», и, говоря о времени и причинахъ годичнаго обращенія земли, онъ не хочетъ и не *долженъ* обращать въ то же время вниманія на вопросъ о лунныхъ фазахъ или о колебаніи земной оси. Въ политической экономіи, напротивъ, при изслѣдованіи отдѣльнаго вопроса есть только главный вопросъ и второстепенные, но нѣтъ постороннихъ вопросовъ: они все связаны съ главнымъ. А конечно, скорѣе можно дойти до полнаго и точнаго рѣшенія, рѣшая одну задачу, нежели рѣшая въ одно время пять, десять, двадцать задачъ. Это еще не все. Мало того, что все факты политической экономіи перепутаны между собою: каждый изъ нихъ въ отдѣльности чрезвычайно многосложенъ. Продолжимъ примѣръ. Мы хотимъ знать, возвышается или упадаетъ благосостояніе рабочаго класса, или, чтобы *упростить* вопросъ, *одного* только разряда рабочаго класса—фабричныхъ рабочихъ (*les ouvriers*) во Франціи и Англіи. Посмотрите, какъ многочисленны причины, отъ которыхъ зависитъ это явленіе; плата (*le salaire*) имъ зависитъ:

1) отъ запроса на фабричныя издѣлія; 2) отъ степени соперничества между фабриками, заставляющаго понижать эту плату; 3) отъ соперничества между нанимающимися рабочими, зависящаго также, 4), отъ состоянія другихъ отраслей промышленной дѣятельности; 5) эта плата зависитъ отъ привычекъ народа (англичанинъ не согласится на плату, которая не даетъ возможности имѣть мясную пищу и чай); 6) отъ трудности фабричной работы и т. д.; то, какъ пользуются рабочіе этою платою, зависитъ, 7), отъ степени прочности ихъ положенія и 8) отъ возможности вслѣдствіе того вести регулярные расходы, и 9) приобрѣтать или сохранять привычку къ регулярной жизни, и 10) развивать или поддерживать *сознаніе* нравственнаго своего достоинства и т. д.; благосостояніе ихъ въ такой же степени зависитъ, 11), отъ цѣны хлѣба, квартиръ и т. д., 12) устройства, чистоты и т. д. ихъ квартиръ; 13) и 14).... Но и этого списка, далеко не полнаго, уже достаточно, чтобы видѣть, какъ трудно разрѣшить уравненіе (говоря математическими терминами), въ которое входятъ столько факторовъ. А это одинъ изъ простѣйшихъ вопросовъ, и въ *упрощенномъ* видѣ. Беремъ, напротивъ, основный вопросъ астрономіи: «по какому закону дѣйствуетъ тяготѣніе?» Чтобы рѣшить его, надобно принять въ соображеніе только *два* фактора; 1) разстояніе и 2) массы тяготеющихъ одно въ другому тѣлъ. Ясно, что опредѣлить этотъ законъ точнымъ обра-

зомъ гораздо проще, нежели рѣшить вопросъ, напримѣръ, о благосостояніи рабочаго класса. Первое условіе быстраго хода науки къ рѣшенію своихъ вопросовъ—простота ея фактовъ. Поэтому даже различныя части одной науки стоятъ очень часто на далеко неравной степени развитія. Такъ (въ физикѣ), оптика гораздо выше по законченности рѣшенія своихъ ненягосложныхъ вопросовъ, нежели метеорологія, разсматриваемые которою факты довольно многосложны; такъ, неорганическая химія, анализирующая тѣла менѣе сложнаго состава, нежели каковъ составъ органическихъ тѣлъ, обработана гораздо лучше органической химіи.

Эта причина трудности точнымъ образомъ рѣшать вопросы политической экономіи—причина, независящая отъ изслѣдователя, холодная, безстрастная. Но есть другія препятствія къ успѣшному рѣшенію ея задачъ—препятствія, поставленныя любовью и пристрастіемъ, благосклонностью и недоброжелательствомъ.

Извѣстно, что доктора никогда не лечатъ близкихъ родныхъ; самый искуснѣйшій и самонадѣяннѣйшій врачъ, когда у него серьезно заболѣетъ жена или дитя приглашаетъ другого, по собственному его и своему убѣжденію, можетъ быть, менѣе искуснаго. Почему это? Слишкомъ сильное участіе, принимаемое докторомъ въ больномъ, мѣшаетъ свѣтлой пронизательности взгляда его на положеніе больного: доставитъ ли у него твердости духа во время убѣдиться въ опасности болѣзни, доставитъ ли хладнокровія, чтобы не увлечься неосновательными опасеніями за послѣдствія рѣшительнаго леченія, рѣшится ли онъ на приговоръ: *medicamenta pro sapient, ferrum canabit?* Нѣтъ, онъ будетъ стараться не замѣчать худыхъ признаковъ, ослѣпляться хорошими, искать паллиативныхъ средствъ, когда они ни къ чему уже не годны. Всякій докторъ—плохой врачъ для мялыхъ ему. Таково почти всегда положеніе политике-эконома, если онъ не бездушная писальная машина. Вопросъ идетъ объ участи людей: кто можетъ не сочувствовать, не желать благопріятнаго отвѣта? А существенное условіе для вѣрнаго рѣшенія научныхъ вопросовъ—безстрастіе и безпристрастіе къ тому, *каковъ* будетъ отвѣтъ. Изслѣдователь истины долженъ искать только истины, а не того, чтобы истина была такова, а не инакова; онъ не долженъ содрогаться отъ мысли о томъ, *что* получится въ отвѣтъ. Математику все равно, положительное или отрицательное количество получится въ результатъ; ему всякій выводъ хорошъ и милъ, лишь бы только былъ истиненъ. Положеніе того, кто наследуетъ историческіе и, тѣмъ болѣе, политико-экономическіе вопросы, совершенно не таково. Онъ не можетъ не желать *благопріятнаго* отвѣта. Желаніе не можетъ не имѣть вліянія на выводъ. Куда хочется придти, туда танеть идти.

Если мы не имѣемъ возможности, то не имѣемъ и права не желать благого для человѣка. Пусть эта любовь замедляетъ путь къ строгой истинѣ; безъ нея мы и не пошли бы къ истинѣ: кто не любитъ человѣка, тотъ не будетъ и думать о человѣкѣ. Но есть другого рода привязанность, мелочная, жалкая въ дѣлѣ науки: это—привязанность къ своимъ личнымъ выгодамъ и къ выгодамъ своихъ одноашиниковъ, хотя бѣ онѣ находились въ противоположности съ благомъ народа и государства. А этимъ пристрастіемъ большая часть людей скованы въ своихъ сужденіяхъ и изслѣдованіяхъ.

Вотъ три изъ главнѣйшихъ препятствій быстрому развитію политической экономіи. Есть и другія, не менѣе важныя. Но—дальше въ лѣсъ, больше дровъ, а мы уже и такъ слишкомъ заговорились. Ни объ одномъ изъ этихъ препятствій

г. Львовъ и не упоминаетъ, разсуждая о «шаткости политической экономіи», а главною помѣхою кажется ему вотъ что: «отсутствіе точнаго разграниченія между наукою и искусствомъ мѣшало успѣхамъ политической экономіи». Видите ли, Дестю (Детю? Destutt) де-Траси сказалъ: «искусство есть собраніе правилъ, наставленій, соблюденіе которыхъ необходимо для полученія желаемаго результата; наука же состоитъ въ открытіи истинъ, посредствомъ изслѣдованія какого нибудь предмета», и лодитико-экономы не обращаютъ надлежащаго вниманія на эти слова: оттого и вся бѣда! Но различіе между наукою и искусствомъ извѣстно по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно различіе между инструкціями (которыя еще Барль Великій давалъ своему управляющему) и ученымъ трактатами; и еслибъ экономисты не знали этого различія, то незнаше было бы слѣдствіемъ, а не причиною шаткаго состоянія науки ихъ: пока будутъ шатки рѣшенія основныхъ вопросовъ науки, шатки будутъ и предѣлы ея; а когда уяснятся основныя вопросы науки, то само собою уяснятся и различіе ея отъ всевозможныхъ искусствъ, даже отъ искусства прикрашивать факты, даже отъ искусства двумя-тремя пустыми фразами о неприкосновенности индивидуальной свободы, отдѣлываясь отъ серьезныхъ превій о введеніи правительственными мѣрами порядка въ убійственную для народа беспорядицу промышленности, переливать изъ пустого въ порожнее,—искусствъ, которыми отличаются авторитеты г. Львова и во главѣ ихъ мнимо-глубокомысленный Баггіа. Но напрасно г. Львовъ думаетъ, что эти господа снѣшиваютъ науку съ искусствомъ: отъ Жана-Батиста Сэ, рѣзко сказавшаго, что «наука политической экономіи только описываетъ, а не хочетъ давать совѣтовъ», насковозъ прониклись этою основною мыслью люди, выучившіе наизусть его творенія, и съ этого основнаго пункта начавшіе свои труды подвиганія науки назадъ. Знаютъ и соблюдаютъ они это различіе, но не уяснили, а только загрязнили науку всѣ эти Баггіа, Россіа, Мишелі Шевалье. Отчего же это такъ?

Оттого, что еще лучше, нежели различіе между наукою и искусствомъ, знаютъ они науку о томъ, что вредно и что полезно—для нихъ самихъ, и искусство говорить только о томъ и только то, что полезно для нихъ самихъ и для ихъ одноклассниковъ, искусство, состоящее, между прочимъ, въ томъ, чтобы, для отвлеченія науки отъ другихъ вопросовъ, переизслѣдовать уже давно рѣшенное, по мѣрѣ возможности сглаживать въ рѣшеніи то, отъ чего еще могутъ поперхнуться ихъ одноклассники, и, по мѣрѣ способностей, доказывать, что фабричному рабочему жить лучше, нежели фабриканту. Прекрасный примѣръ этой стороны искусства представляетъ ученіе о поземельной рентѣ, излагаемое съ ихъ словъ г. Львовымъ. Это ученіе, эти опроверженія Рикардо—преинтересная вещь.

Плата, которую землевладѣлецъ получаетъ за отдачу въ наемъ своей земли, называется поземельною рентою. Какъ велика бываетъ она? Она бываетъ сообразна тому, сколько дохода приноситъ отдаваемая въ наемъ земля; доходъ зависитъ прежде всего отъ плодородія земли. Потому плодородіемъ земли опредѣляется величина платы за нее. Это было всегда всѣмъ извѣстно.

Но Рикардо, но довольствуясь этимъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, захотѣлъ въ точности опредѣлить, сколько же именно отдаетъ арендаторъ за наемъ земли, и отъ какихъ причинъ происходитъ, что за землю платятъ ренту. И, надобно отдать ему справедливость, онъ анализировалъ вопросъ чрезвычайно глубокомы-

Малочисленный народъ приходитъ въ необитаемую землю и начинаетъ воздѣлывать ее. Каждый обрабатываетъ земли, сколько можетъ и какую хочетъ (почти такъ теперь дѣлается въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки, и совершенно такъ было лѣтъ за восемьдесятъ въ юго-восточной Россіи). Само собою разумѣется, что обрабатываются только лучшія земли: кому будетъ охота пахать не самую лучшую землю, когда ея въ волю для всякаго? Положимъ, что этого сорта земля даетъ по десяти четвертей съ десятины. Народонаселеніе размножается; хлѣба, получаемого съ этихъ плодороднѣйшихъ земель, становится недостаточно для его продовольствія. Надобно приступить къ разработкѣ и тѣхъ земель, которыя даютъ только по девяти четвертей съ десятины. Представимъ себѣ, что я хочу заняться въ это время земледѣліемъ. Я могу даромъ взять землю второго сорта, ея еще много не занято; а земли перваго сорта уже всѣ заняты. Но, можетъ быть, кто нибудь изъ владѣющихъ землями перваго сорта не хочетъ заниматься земледѣліемъ: не дастъ ли онъ мнѣ пользоваться своею землею? вѣдь, необрабатываемая, все равно, она ничего ему не принесетъ? Нѣтъ, онъ разсуждаетъ иначе: «если ты будешь даромъ обрабатывать еще незанятую землю, ты получишь съ десятины по девяти четвертей; а моя дастъ тебѣ по десяти четвертей: какъ же ты будешь получать четверть лишнюю? земля моя; а я буду получать выгоду отъ того, что она лучше другихъ; и если хочешь обрабатывать ее, давай мнѣ по четверти съ десятины». И я соглашусь давать, потому что выгоды для меня тѣ же. И вотъ начало платы за пользованіе землею, — начало ренты. А согласился ли бѣ я на это условіе, когда были еще незанятые земли перваго сорта? Нѣтъ, я сказалъ бы землевладѣльцу: «да съ чего же ты взялъ, что я тебѣ ставу давать и по горсти съ десятины? не даешь ты своей земли даромъ, а возьму даромъ еще незанятую». И теперь я сказалъ бы это владѣльцу земли второго сорта, потому что есть еще порожнія земли этого сорта, которыми можно пользоваться даромъ; второй сортъ еще не даетъ ренты. Но вотъ народонаселеніе до того размножилось, что обработаны всѣ земли второго сорта (дающія девять четвертей) и надобно обратиться къ землямъ третьяго класса, дающимъ только восемь четвертей съ десятины. Если тогда вы захотите взять на обработку землю второго сорта, владѣлецъ уже потребуетъ отъ васъ одной четверти съ десятины, потому что даромъ вы не можете обрабатывать земли, дающей болѣе осьми четвертей; а владѣлецъ земли перваго сорта поэтому же самому потребуетъ по двѣ четверти съ десятины. Итакъ, рента измѣняется разницею между доходомъ отъ наихудшихъ изъ обрабатываемыхъ земель и доходомъ отъ земли, отдаваемой въ оброкъ. Чѣмъ болѣе худшіе сорта земли обрабатываются, тѣмъ болѣе возвышается рента съ лучшихъ земель. Ясно, что возможность ея основана на томъ, что не всѣ земли одного качества, что земель лучшихъ сортовъ находится въ странѣ только определенное, далеко не безграничное количество, и что всѣ онѣ обращены уже въ частную собственность.

Но мы говоримъ о платѣ за наемъ натурою, хлѣбомъ; а съ развитіемъ промышленности всѣ платежи начинаютъ производиться деньгами, а не натурою. Посмотримъ же, какую сумму денегъ составляетъ рента въ разные періоды, нами определяемые по сортамъ воздѣлываемой земли. Извѣстно, что нельзя долго заниматься работою, которая не даетъ возможности жить: работникъ раззорится и погибнетъ или оставитъ свое убыточное занятіе. Итакъ, цѣна хлѣба устанавливается такая, чтобы земледѣлецъ могъ существовать; иначе онъ оставитъ земледѣліе.

Предположимъ, что земледѣлецъ можетъ обрабатывать пять десятнвъ земли, и что ему на годовые расходы нужно сто рублей серебромъ. Если по количеству народонаселенія необходимо, чтобы обрабатывались земли не только четвертаго сорта (дающаго семь четвертей съ десятины), но и пятаго (дающаго шесть), то и цѣна хлѣба должна установиться такая, чтобы земледѣлецъ пятаго разряда могъ получить свои сто рублей за свой хлѣбъ (съ пяти десятинъ по шести четвертей, тридцать четвертей), иначе онъ покинетъ земледѣле, земли пятаго сорта перестанутъ обрабатываться, хлѣба будутъ не достаточно для народонаселенія, и онъ еще болѣе возвысится въ цѣнѣ. Итакъ, цѣна хлѣба устанавливается тою цѣвою, ниже которой не можетъ безъ разоренія взять человѣкъ, обрабатывающій самый низкій сортъ изъ обрабатываемыхъ земель. Посмотримъ же, какъ велика будетъ денежная рента при постоянной разработкѣ все худшихъ сортовъ земли.

Первый періодъ. Обрабатываются только земли, дающія 10 четвертей съ десятины. Хлѣба получается земледѣльцемъ съ пяти десятинъ (5×10) 50 четвертей. Цѣна хлѣба (за 50 четвертей надобно получить 100 рублей) 2 рубля. Ренты нѣтъ.

Второй періодъ. Обработка земли второго сорта (9 четвертей съ десятины). Количество хлѣба 45 четвертей. Цѣна (100:45) 2 рубля 22 копѣйки; рента за пять десятинъ перваго сорта (по 1 четверти съ десятины) 2 рубля $22 \times 5 = 11$ рублей. Второй сортъ не даетъ ренты.

Третій періодъ. Обработка земли и третьяго сорта (8 четвертей). Количество хлѣба 40 четвертей. Цѣна (100:40) 2 рубля 50 копѣекъ. Рента за пять десятинъ перваго сорта (по 2 четверти) 25 рублей; второго сорта (по 1 четверти) 12 рублей 25 копѣекъ.

Четвертый періодъ. Обработка земли и четвертаго сорта (7 четвертей). Количество хлѣба 35 четвертей. Цѣна (100:35) 2 рубля 83 копѣйки. Рента за пять десятинъ земли:

Перваго сорта (по 3 четверти) 42 рубля 45 копѣекъ; второго сорта (по 2 четверти) 28 рублей 30 копѣекъ; третьяго сорта по 1 четверти) 14 рублей 15 копѣекъ.

Пятый періодъ. Обработка земли и пятаго сорта (6 четвертей). Количество хлѣба 30 четвертей. Цѣна (100:30) 3 рубля 33 копѣйки. Рента за пять десятинъ земли:

Перваго сорта (по 4 четверти) 66 рублей 66 копѣекъ; второго сорта (по 3 четверти) 50 рублей; третьяго сорта (по 2 четверти) 33 рубля 33 копѣйки; четвертаго сорта (по 1 четверти) 16 рублей 66 копѣекъ.

Итакъ, рента прогрессивно возвышается и отъ увеличенія разницы между количествомъ хлѣба, получаемаго съ земель разныхъ сортовъ, и отъ возвышенія цѣнъ хлѣба. Чѣмъ болѣе народонаселеніе, чѣмъ худшія земли обрабатываются (менѣе получаетъ земледѣлецъ за свой трудъ), чѣмъ выше цѣны хлѣба, чѣмъ болѣе бѣднѣетъ отъ этого народъ, тѣмъ болѣе становится рента.

Все это справедливо, все это глубокомысленно и просто вѣстѣ.

Сказать противъ выводовъ Рикардо ничего нельзя; но — и вотъ доказательство, какъ многосложны вопросы политической экономіи — но это вполне справедливое рѣшеніе вопроса не есть его окончательное рѣшеніе, потому что Рикардо говоритъ объ одной специальной сторонѣ вопроса и не переносятъ своихъ заключеній изъ

области уиозрительныхъ соображеній въ область дѣйствительныхъ, еовременныхъ отношеній; въ этомъ состоитъ справедливая сторона возраженій Мальтуса противъ его теоріи. При опредѣленія цѣны хлѣба, Рикардо принимаетъ въ соображеніе только потребности земледѣльца и всегда предполагаетъ существованіе земель еще везанятыхъ, которыми можно пользоваться задаромъ; и потому ренту составляетъ у него только излишекъ цѣнностей, доставляемыхъ обработываеиъ одиѣхъ земель, надъ количествомъ цѣнностей, доставляемыхъ обработкою другихъ. Но цѣна хлѣба, если не можетъ спускаться ниже поставленной Рикардо границы, то можетъ подниматься выше ея, когда народонаселеніе слишкомъ велико сравнительно съ количествомъ земля, могущей быть обработанною, и хлѣба, ею доставляемаго: тогда хлѣбъ, вслѣдствіе того, что ого больше требуется покупателями, нежели предлагается продавцами, дорожаетъ; и въ пятомъ, напримѣръ, періодѣ (предполагая, что земли пятого сорта худшіи изъ удобныхъ для зоиледѣліи) цѣна хлѣба, вмѣсто выведенной по Рикардо для случаяевъ, когда хлѣба достаточно, 3 р. 33 к., можетъ возвыситься до 3 р. 50 к., 4 р., 5 р. Такъ и бываетъ постоянно въ большей части Западной Европы. Тогда земледѣлецъ получаетъ съ пяти обрабатываемыхъ имъ десятинъ:

Земля	1 сорта (10 четв.)	2 сорта (9 четв.)	3 сорта (8 четв.)	4 сорта (7 четв.)	5 сорта (6 четв.)
Количество хлѣба	60	46	40	36	30
На сумму (полагая 4 р. четв.) .	200	180	160	140	120 р.
Рента, вакъ различіе между до- ходами	80	60	40	20	—

Но земледѣльцу оставалось бы въ этомъ случаѣ 120 р.; а для возможности существовать необходимо только 100 р. Оставить ли земледѣльцу лишніе 20 рублей? Нѣтъ, онъ скажетъ ому: «При избыткѣ народонаселенія, когда всякій хлопочетъ только о насущномъ хлѣбѣ, я всегда найду арендаторовъ, которые удовольствуются 100 рублями дохода и дадутъ мнѣ 20 рублей болѣе, нежели дашь ты; потому или прибавь мнѣ 20 рублей ренты и довольствуйся 100 рублями, или я найду на этихъ условіяхъ другихъ арендаторовъ». Итакъ, выводъ Рикардо надобно дополнить такимъ образомъ: разниа между низшею и вышею рентою дѣйствительно опредѣляется разницею доходовъ отъ земли; но низшая рента опредѣляется излишкомъ дохода съ наихудшихъ земель передъ суммою, необходимою для покрытія издержекъ земледѣльца, и земли саиаго низшаго сорта изъ удобныхъ къ воздѣлыванію приносить ренту (Рикардо опустили это изъ виду) тамъ, гдѣ цѣна хлѣба опредѣляется не издержками производства, а стоитъ (по излишку населенія или другимъ причинамъ) выше ихъ; и суммою этой ренты увеличивается и рента со всѣхъ другихъ земель. Таково положеніе Англіи, Франціи и проч.

Есть еще неполнота въ теоріи Рикардо; изъ общаго закона: «рента опредѣляется количествомъ и цѣною получаемаго хлѣба», вывелъ онъ заключеніе, что рента не имѣетъ уже сама вліянія на цѣну хлѣба, что поэтому даже если бы рента была понижена или уничтожена, то выигралъ бы только классъ фермеровъ, а во весь народъ; потому что цѣна хлѣба не понизилась бы. Ошибочность этого мнѣнія запѣчена еще Сисмонди. Было бы слишкомъ долго разъяснять всѣ отношенія, которыя понизили бы цѣну съ пониженіемъ ренты, и потому замѣтимъ только одно то, что еслибъ у фермера вмѣсто 100 рублей оставалось 120, то 20 рублей,

которые остаются у него за расходами, онъ употребилъ бы на улучшеніе земли, своихъ орудій и т. д. (сталъ бы обрабатывать землю при помощи большаго капитала), и тогда получилъ бы больше хлѣба, вмѣсто 50 четвертей (на землѣ перваго сорта) 60, а вмѣсто 30 (на землѣ 5 сорта) 36; и еслибъ, съ увеличеніемъ количества хлѣба, цѣна его понизилась отъ 4 руб. до 3 руб. 50 коп., то онъ все остался бы еще съ большимъ прежваго барышомъ (50 четв. по 4 руб. дадутъ 200 руб., а 60, по 3 руб. 50 коп., 210 руб., изъ которыхъ за вычетомъ 80 р. ренты осталось бы у него 130 руб. вмѣсто прошлогоднихъ 120 руб.; такъ точно 30 четв. по 4 руб. дадутъ 120 руб., а 36 по 3 руб. 50 коп. 126 руб.) и могъ бы продолжать идти путемъ увеличенія своего производства, пониженія цѣнъ и т. д. А это еще самая ничтожная изъ причинъ, по которымъ пониженіе ренты имѣло бы вліяніе на пониженіе цѣнъ, и мы говорили о ней потому только, что доказать ее проще, нежели другія.

Итакъ, теорія Рикардо совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняютъ только причину различія въ рентѣ различныхъ земель, не принимая, что и самая плохая изъ обрабатываемыхъ земель приноситъ ренту, и не объясняя этого; онъ выводитъ ренту ниже дѣйствительной величины ея, потому что беретъ ренту только при достаточности, а не при недостаточности производства.

Но многимъ теорія Рикардо не нравится; почему, это не наше дѣло, хотя изъ ихъ возраженій видно, *почему* именно она неприятна имъ. И эти возраженія—превосходный образчикъ толковъ о политической экономіи мнимо-ученыхъ, постигшихъ различіе между наукою, ищущею истины, и искусствомъ «мѣшать пріятное съ полезнымъ» для поправленія нарушаемой наукою доброй славы милыхъ и полезныхъ намъ людей. Всѣ эти возраженія — или придирки къ словамъ, или нападеніе на справедливыя, но неудобно-варимыя стороны теоріи. Просмотримъ ихъ по изложенію г. Львова.

Рикардо, по ихъ мнѣшю, этихъ господъ (Bastiat, Carey и т. д.), ошибается, говоря, что воздѣлываніе начинается съ лучшихъ земель, а потомъ, по нѣрѣ надобности, народъ переходитъ къ воздѣлыванію низшихъ сортовъ земель. Видите ли, бѣдная Аттика обрабатывается прежде плодородной Беотіи (откуда это извѣстно?), сухая почва Верхняго Египта прежде плодородной Дельты и т. д. и Московская, или Тверская губернія прежде Симбирской и Саратовской. — Да никто и не думаетъ утверждать, что люди поселялись первоначально именно въ ваплодороднѣйшихъ странахъ земнаго шара (хотя вообще это справедливо: южная Европа заселена и воздѣлана раньше сѣверной: Малая Азія, долины Тигра и Эвфрата и Нила раньше южной Европы), до этого и дѣла нѣтъ: цѣны на хлѣбъ въ Тверской губерніи очень мало зависятъ отъ цѣнъ хлѣба въ Бессарабіи, цѣны хлѣба въ Германіи отъ цѣнъ хлѣба въ Сициліи или Малой Азіи; Рикардо говоритъ объ округахъ земли, составляющихъ одно экономическое цѣлое, которые народъ воздѣлываетъ, не зная, что за тысячу верстъ есть округа болѣе плодородныя, или не имѣя возможности переселиться туда; онъ говоритъ о ходѣ цѣнъ и ренты въ каждомъ отдѣльно округѣ, въ которыхъ цѣны на хлѣбъ однѣ и тѣ же; а такіе округа и теперь еще не велики, а прежде, при худшемъ положеніи путей сообщенія, при меньшемъ развитіи торговли, они были еще меньше. Такъ, у насъ въ каждомъ уѣздѣ свои цѣны на хлѣбъ; такъ, изъ земель французскихъ, въ Эльзасѣ свои цѣны, въ Нормандіи свои, въ Беррв свои и т. д. Только съ этими округами и имѣетъ дѣло теорія Рикардо: что за дѣло

новгородцу, что саратовец продает свой хлѣбъ по 20 копѣекъ за четверикъ? онъ все-таки будетъ продавать свой хлѣбъ по 2 рубля; что за дѣло ему, что въ «долинѣ Амазонской рѣки» лежатъ плодородныя невоздѣланныя земли—онъ будетъ обрабатывать свою глинистую землю, стараясь въ ней только отыскать по возможности лучшіе участки: не ѣхать же ему въ самое дѣлѣ воздѣлывать плодородную «долину рѣки Амазонки». Превосходно понижаютъ авторитеты г. Львова, въ чемъ дѣло; Рикардо говоритъ и долженъ говорить объ округѣ земель, имѣющемъ однѣ цѣны, составляющемъ одно цѣлое, по недалности разстояній; они толкуютъ о томъ, что Москва основана прежде Тамбова! Мы въ правѣ ожидать, что явятся еще глубове-ученѣйшіе противники Рикардо, которые скажутъ: «неправда, что плодороднѣйшая почва воздѣлывается прежде; на Юпитерѣ и Уранѣ богатѣйшіи черноземъ, а англичане еще не воздѣлываютъ его»: да виѣтъ ли средства англичанинъ воздѣлывать плодородную почву Юпитера? Почти столько же средствъ кнѣзь псковичъ воздѣлываетъ мало-азійскую почву.

Далѣе начинаются толки о томъ, что плодороднѣйшая земля иногда бываетъ недоступна для обработки, потому что ее надобно еще очистить и удобрить и т. д.—Удивительно, какъ эти господа не скажутъ опять: «хлѣбъ родился бы лучше всего въ центральной Африкѣ, еслибъ навозить туда воронежскаго чернозема и устроить ломбардское орошеніе, а люди еще не воздѣлываютъ этихъ плодороднѣйшихъ земель; изъ этого слѣдуетъ, что люди и не хотятъ обрабатывать плодороднѣйшихъ земель».

Нельзя спорить противъ подобныхъ возраженій, потому что они нисколько нейдутъ къ дѣлу. Но изъ нихъ выводится, что «сначала люди обрабатываютъ менѣе плодородныя земли, а потомъ переходятъ къ болѣе плодороднымъ (!!!)», что, конечно, противорѣчитъ здравому смыслу и всѣмъ фактамъ, но пиѣтъ видъ глубокомыслія. А изъ этого прекраснаго начала слѣдуетъ, что рента съ теченіемъ времени понижается въ цѣнѣ, хлѣбъ тоже и т. д., что наконецъ въ наше время землевладѣтель, отдавая землю въ наймы, получаетъ наемную плату не за землю, а за свои труды (которые ограничиваются трудомъ подписать свое имя на контрактѣ и сосчитать првнесенныя деньги), и что поэтому, собственно говоря, поземельной ренты и не существуетъ, а существуетъ только доходъ съ земли, какъ существуетъ доходъ съ домовъ (NB. домъ выстроилъ хозяинъ дома, а землю... «а землю создалъ своими трудами ея владѣтель». См. изслѣдованіе г. Львова, стр. 121—131). А изъ этого слѣдуетъ, что англійскій лордъ, живущій въ Римѣ или Парижѣ, своими трудами обрабатываетъ свою землю, а его фермеры — просто дармоѣды, которые пожинаютъ плоды его трудовъ, и даже неизвѣстно за что предоставляютъ себѣ право отдавать лорду только часть, а не всю цѣлость произведеній съ земель, которыя не приносили бы ни колоса, если бы не было по счастью лорда, живущаго въ Римѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что завидна участь пахарей, получающихъ страшные доходы, и достойна состраданія участь бѣднаго лорда, едва имѣющаго нѣгѣ насущный хлѣбъ.

Объ искренности въ критикѣ.

I.

Въ статьѣ, написанной по случаю новаго издашія «Сочиненій А. Погорѣльскаго» («Современникъ», № VI, библиографія), мы говорили о безсиліи нынѣшней критики и указали на одну изъ главнѣйшихъ причинъ этого грустнаго явленія — уступчивость, уклончивость, нигкосердечіе. Вотъ наши слова:

«Причина безсилія современной критики (между прочимъ) та, что она стала слишкомъ уступчива, неразборчива, малотребовательна, удовлетворяется такими произведеніями, которыя рѣшительно жалки, восхищается такими произведеніями, которыя едва сносны. Она стоитъ въ уровень съ тѣми произведеніями, которыми восхищается; какъ же вы хотите, чтобы она имѣла живое значеніе для публики? Она ниже публики; такую критику могутъ быть довольны писатели, плохія произведенія которыхъ она восхваляетъ; публика остается ею столько же довольна, сколько тѣми стихами, драмами и романами, которыя рекомендуются вниманію читателей въ ея нѣжныхъ разборахъ».

И мы заключили статью словами: «нѣтъ, критика должна стать гораздо строже, серьезнѣе, если хочеть быть достойною имени критики». Мы указывали, какъ на примѣръ того, какова должна быть истинная критика, на критику «Моковского Телеграфа», и, конечно, не по недостатку лучшихъ примѣровъ. Но мы удерживались отъ всякихъ — но говоримъ указашій, даже отъ всякихъ намековъ на тѣ или другія статьи того или другого журнала, нѣжность, слабость которыхъ ставать нынѣ въ необходимость напоминать критикѣ о ея правахъ, о ея обязанностяхъ — и мы не хотѣли приводить примѣровъ навѣрное уже не потому, чтобы трудно было набрать ихъ сотни. Каждый изъ нашихъ журналовъ за послѣдніе годы могъ представить но мало матеріаловъ для такихъ указашій; разница была только въ томъ, что одинъ журналъ могъ представить ихъ больше, другой меньше. Поэтому намъ казалось, что дѣлать выписки изъ статей того или другого журнала значило бы только безъ вужды придавать полемическій характеръ статьѣ, писанной съ намѣреніемъ указать недостатокъ, общій до нѣкоторой степени всѣмъ журналамъ, а вовсе не съ цѣлью попрекать тотъ или другой журналъ. Мы считали излишнимъ указывать примѣры потону, что, желая, чтобы критика вообще вспоинила о своемъ достоинствѣ, мы вовсе не хотѣли ставить тотъ или другой журналъ въ необходимость защищать свои слабыя стороны и черезъ это прилѣпляться къ прежнимъ слабостямъ — извѣстно, что принужденный спорить, человекъ дѣлается склоненъ увлекаться положеніями, которыя сначала защищалъ онъ, можетъ быть, только по необходимости отвѣчать, что-нибудь, и которыхъ неосновательность или недостаточность онъ, можетъ быть готовъ былъ бы признать, если бы его не заставляли признаваться открыто. Однимъ словомъ принятіе общаго принципа мы не хотѣли дѣлать затруднительнымъ ни для кого, и потому не хотѣли затрогивать ни чьего самолюбія. Но если кто-нибудь самъ, безъ всякаго вызова, провозглашаетъ себя противникомъ общаго начала, кажущегося намъ справедливымъ, то онъ уже ясно выразилъ, что не признаетъ справедливости общаго начала, а напротивъ.

Послѣ всѣхъ этихъ долгихъ оговорокъ и смягченій, очень ясно доказывающихъ, какъ глубоко прониклись духомъ нынѣшней критики и мы, возстающіе про-

тивъ ея елишкомъ мягкихъ, мягкихъ до неосвязаемости приемовъ, можемъ приступить къ дѣлу и сказать, что «Отечественныя Записки» недовольны прямою нѣкоторыхъ вашихъ отзывомъ о слабыхъ, по нашему мнѣнiю, беллетристическихъ произведенiяхъ, хотя и украшенныхъ болѣе или мевѣ извѣстными именами (ниже мы представимъ этотъ отзывъ вполнѣ), и что мы съ своей стороны также не исключали довольно многихъ критическихъ статей «Отечественныхъ Записокъ» изъ общей массы робкихъ и слабыхъ критикъ, возставать противъ разиноженiя которыхъ мы считали и считаемъ настоятельною необходимостью. Цѣль нашей статьи вовсе не та, чтобы выставить на видъ чужiя мнѣнiя, а та, чтобы яснѣе изложить наши понятiя о критикѣ. И если примѣры критики, несогласной, по нашему мнѣнiю, съ истинными понятiями о серьезной критикѣ, мы заимствуемъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», то вовсе не потому, чтобы мы желали упрекнуть въ слабости критики исключительно «Отечественныя Записки». Повторяемъ, что мы возстаемъ противъ слабости *критики вообще*: если бы она была слаба только въ томъ или другомъ журналѣ, стояло ли бы такъ много хлопотать? Касаемся же мы преимущественно «Отечественныхъ Записокъ», заимствуя исключительно изъ нихъ примѣры, потому, что онѣ взяли на себя трудъ защищать и хвалить «умѣренную и спокойную критику» — гдѣ же, какъ не у защитника, и надобно искать истинныхъ образцовъ защищаемаго?

Вотъ напримѣръ, («Отечественныя Записки» 1853, № 10) разборъ романа г. Григоровича «Рыбаки». Здѣсь главный предметъ критики — разсмотрѣнiе вопроса о томъ, дѣйствительно ли можно ловить писварей одинокому старику *удочкою*, а не бредней (для котораго нужны двое людей) и дѣйствительно ли можно видѣть на Окѣ во время половодья ласточекъ, стрижей, дроздовъ и скворцовъ, или они прилетаютъ не во время половодья, а нѣсколькими днями позже или раньше; однимъ словомъ, тутъ говорится не столько о романѣ, сколько о томъ

Какая птица гдѣ живетъ,
Какія яйца несетъ.

Безъ всякаго сомнѣнiя, говорить о недостаткахъ и достоинствахъ романа съ этой точки зрѣнiя можно и должно очевь хладнокровно.

Вотъ еще разборъ романа г-жи Т. Ч. «Умная Женщина» («Отечественныя Записки» 1853, № 12); сущность отзыва состоитъ въ слѣдующемъ:

«Вотъ сюжетъ «Умной Женщины», одной изъ лучшихъ повѣстей г-жи Т. Ч. Сколько въ этомъ разскаѣ умаго, новаго и занимательнаго. Мы пропустили гдѣ разскаѣ всю прежнюю жизнь холостяка и умной женщины, жизнь, которая занимаетъ по крайней мѣрѣ три четверти романа. Но эта жизнь до насъ не касается».

Хорошъ и занимателенъ долженъ быть романъ, въ которомъ *по крайней мѣрѣ три четверти* не стоить и читать.

Вотъ отзывъ о другой повѣсти того же автора (г-жи Т. Ч.) «Тѣни прошлаго» («Отечественныя записки» 1854, № 1).

«Лицо, взятое авторекъ, очевь интересно; но для полной обрисовки его авторъ какъ *будто пожалѣлъ* красокъ, въ которыхъ у него нѣтъ недостатка (отчего же лицо блѣдно, если авторъ имѣетъ дарованiе ярко обрисовывать лица?) Мы, кажется, се ошибемъ, если скажемъ, что г-жа Т. Ч. мало заботилась о томъ, какъ воспользоваться сюжетомъ; достаточно прочесть выписанныя вами сцены, чтобы убѣдиться, что она *мала* какъ нельзя лучше выполнить такую задачу».

Т. е. «авторъ не еладилъ съ сюжетомъ; но не потону, что не могъ сладить», вѣдь нельзя же прямо сказать: авторъ взялъ сюжетъ не по силамъ.

Дѣйствительно, такіе отзывы состоятъ изъ «загадокъ», какъ и называетъ рецензентъ свой разборъ «Умной Женщины», принимаясь за него («отъ разсужденій о литературѣ переходимъ къ диссертациі о старыхъ холостякахъ, я на ихъ счетъ задаемъ читателю загадку. Пусть отгадаетъ кто можетъ»). Но, во первыхъ, никто не можетъ разгадать ее: во вторыхъ, кому же и охота разгадывать критическіе разборы? Шарадъ и ребусовъ не требуетъ отъ русскихъ журналовъ на одинъ читатель).

Таковы же отзывы о етихотвореніяхъ г. Фета, о романѣ «Мелочи Жизни» и т. д. Никто не отгадаетъ, хороши или дурны, превосходны или несносно плохи произведенія по мнѣнію рецензентовъ. На каждую похвалу или порицаніе у нихъ всегда готова совершенно равносильная оговорка или намекъ въ противоположномъ смыслѣ. Но намъ нельзя утомлять читателей всѣми этими примѣрами; ограничимся однимъ только отзывомъ о романѣ г-жи Туръ «Три поры жизни».

«Слабыя стороны повѣстей и романовъ г-жи Туръ стали вдругъ ярче и замѣтнѣе» (вы ожидаете, что смыслъ этой фразы: г-жа Туръ стала писать хуже прежняго? нѣтъ), это «обстоятельство, въ которомъ наша романистка должна винить не себя, а своихъ цѣнителей», потому что ее уже слишкомъ много хвалили (вы думаете, что эта фраза значить: ее захвалили, она стала писать небрежно, перестала заботиться объ исправленіи своихъ недостатковъ? Нѣтъ, вовсе нѣтъ) журнальныя похвалы и порицанія не могутъ возмущать собственнаго сужденія автора о своемъ талантѣ, потому что «лучшій критикъ для романиста—всегда самъ романистъ» (вы думаете, что это относится къ г-жѣ Туръ? Нѣтъ, потому что) «женщина всегда зависитъ отъ чужого суда» и «въ самой гениальной женщинѣ не отыщется той безпристрастной самостоятельности», которая даетъ мужчинѣ возможность не подчиняться влиянію критики; «на всякую даровитую женщину вредно дѣйствуетъ восторгъ друга, комплиментъ вѣжливаго цѣнителя», вслѣдствіе ихъ «она даетъ своему таланту не самобытное направленіе, сообразное заблужденіямъ своихъ жаркихъ приверженцевъ» (это ведетъ, по вашему предположенію, къ объясненію, что новый романъ г-жи Туръ несамостоятеленъ, что «она сочинила слова на чужой мотивъ?» нѣтъ), «въ послѣднемъ романѣ г-жи Туръ мы видимъ довольно много самостоятельности», «взглядъ романистки на большую часть ея героевъ в героинь принадлежитъ ей собственно»; но эта самостоятельность «затемнена» оборотами, очевидно зародившимися подъ чужимъ влияніемъ». (Вы думаете, что это недостатокъ? Нѣтъ, не въ этомъ онъ). «Въ романѣ г-жи Туръ недостаетъ внѣшняго интереса сюжета, интриги событій» (итакъ въ немъ нѣтъ интриги событій? Нѣтъ, есть, потому что изъ словъ рецензента) «не слѣдуетъ», чтобы «онъ принадлежалъ къ разряду романовъ, въ которыхъ важнѣйшее событіе—наемъ квартиры или что нибудь въ этомъ родѣ». Романъ г-жи Туръ незанимателенъ не по недостатку интриги, а потому, что «герой его, Огинскій, не можетъ занять читателей» (почему же? потому что онъ безцвѣтенъ? нѣтъ, потому что) «г-жа Туръ не сказала намъ, какъ онъ служилъ, путешествовалъ, управлялъ своими дѣлами» (но вѣдь это именно и погубило бы интригу, сюжетъ, котораго вы требуете); Огинскій три раза влюбленъ (вотъ цѣлыхъ три интриги, а вы говорили, что нѣтъ ни одной), а «жизнь мужчины состоитъ не изъ одной любви» (потому-то и надобно было раз-

сказать о всѣхъ, ненужныхъ для романа, подробностяхъ службы и путешествій Огнискаго! Лицо Огнискаго испортило романъ; <онъ принесъ много несчастій произведенію (слѣдовательно это лицо въ романѣ дурно? нѣтъ, хорошо, потому что онъ) могъ бы принести еще болѣе несчастія произведенію, если бы несоняный умъ сочинительницы не исправлялъ дѣла вездѣ, гдѣ можно (хороша похвала! да зачѣмъ же выбранъ такой герой?) Въ исторіи всѣхъ трехъ нѣжныхъ привязанностей Огнискаго <передъ нами дѣйствуетъ слабость, соединенная то съ аффектаціей, то съ экзальтаціей (итакъ романъ испорченъ аффектаціею и экзальтаціею? нѣтъ, напротивъ) <сочинительница питаетъ къ нимъ глубокое отвращеніе> (во если онѣ изображены съ отвращеніемъ, въ истинномъ свѣтѣ, то это достоинство, а не недостатокъ). <Разговоръ живъ>, хотя <по временамъ испорченъ научными выраженіями>; и *хотя* <многіе афоризмы и тирады, влагаемые даже въ уста молодыхъ дѣвушекъ, кажутся намъ достойными ученаго трактата, а все-таки разговоръ представляетъ квинтэссенцію живой рѣчи>. — <Слогъ г-жи Туръ *можетъ быть* во многоиъ *исправленъ* къ лучшему, *если того будетъ угодно* самой сочинительницѣ> (!!)

Вотъ до какихъ противорѣчій, колебаній, доводитъ критику стремленіе къ <умѣренности>, то есть къ смягченію всѣхъ легкихъ сомнѣній въ абсолютномъ достоинствѣ романа, какія только позволяетъ себѣ на минуту предложить смиренный рецензентъ. Сначала онъ какъ будто бы хочетъ сказать, что романъ хуже прежнихъ, потомъ прибавляетъ: нѣтъ, я не это хотѣлъ сказать, а я хотѣлъ сказать, что въ романѣ нѣтъ интриги; но и это я сказалъ не безусловно, напротивъ, въ романѣ есть хорошая интрига; а главный недостатокъ романа тотъ, что не интересенъ герой; впрочемъ лицо этого героя очерчено превосходно; однако—впрочемъ я не хотѣлъ сказать и <однако>, я хотѣлъ сказать <притомъ>... нѣтъ, я не хотѣлъ сказать и <притомъ>, а хотѣлъ только замѣтить, что слогъ романа плохъ, хотя языкъ превосходенъ, да и это <можетъ быть исправлено, если того будетъ угодно самому автору>.

Какой отзывъ можно сдѣлать о подобныхъ отзывахъ? Развѣ слѣдующій, въ томъ же родѣ. <Они очень подробно нечисляютъ сотни крупныхъ достоинствъ, хотя съ еще болѣе крупными оговорками, впрочемъ, не безъ новыхъ похвальныхъ оговорокъ, и потому хотя въ нихъ сказано обо всемъ, но не сказано ничего; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы они были лишены достоинства, котораго существованіе хотя и не замѣтно, однако не оспоримо>. Можно еще выразиться о нихъ словами самихъ <Отечественныхъ записокъ> такъ: что разубѣютъ у насъ подъ словоиъ <критика>? <статью, въ которой авторъ много наговорилъ, не сказавъ ничего>. Можно еще сказать, что къ подобной критикѣ вполне прилагается начало одного романа:

Не говори ви <да>, ни <нѣтъ>,
Будь равнодушна какъ бывала,
И на рѣшительный отвѣтъ
Накинь сомнѣнья покрывало.

Но что особенно дурного сдѣлаетъ критика, если будетъ прямо, ясно и безъ всякихъ недомолвокъ высказывать свое мнѣніе о достоинствахъ и даже (о, ужасъ!) недостаткахъ литературныхъ произведеній, украшенныхъ болѣе или менѣе извѣстными именами? Вѣдь этого именно и требуютъ отъ нея и читатели, и самая польза

литературы? За что ее будетъ можно упрекнуть въ томъ случаѣ? Это скажутъ вамъ «Отечественныя Записки»; эпиграфомъ къ выпискѣ мы возьмемъ слова также «Отечественныхъ Записокъ», сказанныя довольно давно:

«У насъ еще надо толковать о такихъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о которыхъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ».

«Въ послѣднее время въ отзывѣ нашихъ журналовъ о разныхъ писателяхъ привыкли мы встрѣчать тонъ умѣренный, хладнокровный; если же и читали подъ часъ приговоры несправедливые, по нашему мнѣнію, то самый тонъ статей, чуждый всякой запальчивости, обезоруживать насъ. Мы можемъ не соглашаться съ мнѣніемъ автора, но каждый въ правѣ имѣть свое собственное мнѣніе. Уваженіе къ чужому мнѣнію — порука за уваженіе къ нашему собственному. Всѣ журналы не мало способствовали къ обузданію рецензентовъ, ничего не принимающихъ во вниманіе, кромѣ своихъ личныхъ мнѣній, желаній и часто выгодъ. Но мы должны признаться, что въ послѣднее время нѣкоторыя рецензіи «Современника» крайне удивила насъ своею опрометчивостью сужденій, ничѣмъ не доказанною. Взглядъ, противорѣчащій тому, что недавно говорилъ еще самъ «Современникъ» и несправедливость отзыва, обращенная къ такимъ писателямъ, какъ г-жа Евгенія Туръ, г. Островскій, г. Авдѣевъ — придали какой-то странный видъ библиографіи «Современника» послѣднихъ мѣсяцевъ, поставленной въ рѣшительное противорѣчіе съ самой собою. Что она говорила годъ назадъ, то теперь отвергаетъ положительнѣйшимъ образомъ. Еще другія мысли приходятъ въ голову. Пока, напримѣръ, въ «Современникѣ» печатались повѣсти г. Авдѣева, журналъ вѣтъ хвалилъ г. Авдѣева; точно тоже должно сказать и объ отзывѣхъ его объ Евгени Туръ. Или рецензентъ не справился съ нѣжными прежде высказанными въ этомъ журналѣ? или онъ зналъ ихъ, но хотѣлъ отличиться рѣзкою оригинальностью? Вотъ что, напримѣръ, было сказано въ «Современникѣ» Новымъ Повтомъ въ 1853 году, въ апрѣльской книжкѣ по поводу комедіи г. Островскаго «Не въ свои сани не садись» (*ельдууетъ выписки; мы ихъ будемъ здѣсь выпускать потому что сличимъ и объяснимъ ихъ минимумъ противоположность ниже*). Однимъ словомъ, вѣдѣя расхвалена. Теперь посмотрите, что сказано о той же комедіи и еще о другой новой «Бѣдность изъ порока» въ библиографіи майской книжки «Современника» 1854 года, то вѣсть спусти одинъ только годъ (*выписка*). Такіе отзывы получилъ на свою долю г. Островскій. Вотъ что сказано въ той же книжкѣ о послѣднемъ романѣ г-жи Евгени Туръ «Три поры жизни» (*выписка*). Можно ли такъ выражаться объ авторѣ «Племянникъ», «Ошибки», «Долга», еслибъ даже новый романъ г-жи Евгени Туръ былъ и не вѣдучавецъ? Проговоръ несправедливъ, потому что произведение талантливаго писателя, какъ бы оно не удалось, никогда не можетъ быть безусловно дурно; но странно встрѣтить этотъ отзывъ въ «Современникѣ», гдѣ до востоящаго времени о талантѣ г-жи Евгени Туръ говорили совсѣмъ другое. Перечтите, напримѣръ, что было сказано г. И. Т. въ 1852 году о проваведеніяхъ г-жи Евгени Туръ (*выписка*). Какъ встаетъ послѣ этого приведенный вами выше отзывъ о дарованіи г-жи Туръ, гдѣ нѣтъ даже и слова о талантѣ этой писательницы! Съ какою горькою усмѣшкою должны послѣ этого писатели смотрѣть на журнальныя хвалы и порицанія? Неужели критика игрива! Но всего болѣе несправедливый отзывъ едѣлавъ въ «Современникѣ» нынѣшняго же года о г. Авдѣевѣ, одно изъ лучшихъ нашихъ рассказчиковъ, котораго прежде (когда г. Авдѣевъ печаталъ свои произведенія въ «Современникѣ») этотъ журналъ въ своихъ объявленіяхъ о подпискѣ и въ своихъ обзорѣнныхъ литературы всегда ставилъ наряду съ первыми нашими писателями. Доказательствъ этому такъ много, что ихъ трудно и перечислять. Возьмите, напримѣръ, обзоръ литературы за 1850 годъ, гдѣ исчисляются наши лучшие повѣствователи: тамъ г. Авдѣевъ поставленъ наряду съ Гончаровымъ, Григорьевичемъ, Писенскимъ, Тургеневымъ. Чтожь говорится въ февральской книжкѣ «Современника» за 1854 годъ? (*выписка*). А не угодно ли, мы екажемъ вамъ то, что «Современникъ» говорилъ въ 1851 году? Но, можетъ быть, рецензенту нѣтъ дѣла до мнѣній «Современ-

вика»? Въ такомъ случаѣ рецензенту не мѣшало бы подписать свое имя подъ статьей опровергающей мнѣше журнала, въ которомъ онъ пишетъ. Мы ниже приведемъ, что говорилъ «Современникъ» въ 1851 году, теперь выпишемъ еще одно мѣсто, поражающее своею нецеремонностью, далеко нефешенебльною (*выписка*: въ ней, какъ самыя нефешенебльныя выраженія, подчеркнуты слова «Тамаринъ... *показалъ* въ немъ способность къ развитію... Ни одна изъ его повѣстей не можетъ назваться произведеніемъ человека мыслящаго»). Позвольте, г. мыслящій рецензентъ, замѣтить вамъ, что, кажется, вы понимаете мысль только тогда, когда она выражена въ видѣ сентенцій; иначе, какъ бы не видѣть мысли хоть бы и въ «Тамаринѣ» (тамъ рецензентъ былъ облегченъ «Введешемъ», гдѣ изложена мысль произведенія) и въ другихъ повѣстяхъ г. Авдѣева? Но допустимъ, что въ нихъ нѣтъ новой мысли, пусть такъ. А какую особенную мысль рецензентъ найдетъ въ «Обыкновенной исторіи» или въ «Свѣ Обломова» г. Гончарова, въ «Исторіи моего дѣтства» г. Л.—разсказахъ, увлекательныхъ? И наоборотъ: какую прелесть г. рецензентъ найдетъ въ драмѣ г. Похѣхина «Гувернантка», гдѣ въ основаніи лежитъ мысль умная, благородная? Отчего жъ такое презрѣніе къ мастерскому разсказу, который видѣнъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Авдѣева? Вы, говорите, что г. Авдѣевъ исключительно является подражателемъ въ своемъ «Тамаринѣ». Но мы замѣтимъ... Впрочемъ зачѣмъ намъ говорить? Объ этомъ уже сказали свое мнѣше «Современникъ» въ обзорѣни литературы за 1850 годъ. Вотъ оно (мы извинены передъ читателемъ за длинныя выписки, но полагаемъ, читатель видитъ, какъ важны въ этомъ случаѣ цитаты изъ «Современника», который нѣкогда хвалилъ, а теперь бранить тѣхъ же самыхъ писателей) (*выписка*). Что послѣ этого сказать объ отзывахъ рецензента «Современника», рецензента, отъ котораго этотъ журналъ сталъ въ такое странное положеніе относительно своихъ собственныхъ мнѣній? Хвалить и отрицать великое достоинство, говорить въ одно время *да* и *нѣтъ*, не значить ли это—не знать, что сказать о трехъ лучшихъ нашихъ писателяхъ? Хотѣтъ вычеркнуть изъ списка литераторовъ трехъ такихъ писателей, какъ гг. Островскій, Евгенія Туръ и Авдѣевъ, не значить ли брать на свои плечи тяжесть не по силамъ? И за что же такое нападеніе? вопросъ этотъ мы оставляемъ на разрѣшеніе самому читателю.

Для чего мы выписали это длинное мѣсто? Мы желаемъ, чтобы оно послужило образцомъ того, до какой степени нынѣшняя критика позабываетъ иногда о самыхъ элементарныхъ началахъ всякой критики. Наши замѣчанія будутъ говорить только о такихъ понятіяхъ, не сознавая которыхъ рѣшительно невозможно составить понятія о критикѣ. А между тѣмъ, пробѣжавъ наши замѣчанія, пусть потрудится читатель еще разъ прочитать выписку: при всевозможномъ вниманіи не найдетъ онъ никакого слѣда того, что недовольный нами критикъ имѣлъ въ виду эти понятія; они не отразились ни на одной фразѣ, ни на одномъ словѣ.

«Отечественныя Записки» недовольны «Современникомъ» за то, что онъ непослѣдователенъ, противорѣчитъ самъ себѣ. Непослѣдовательность «Современника» состоитъ въ томъ, что прежде онъ хвалилъ произведенія гг. Островскаго, Авдѣева и г-жи Туръ, а теперь поволнлъ себѣ сдѣлать очень неблагопріятный отзывъ о произведеніяхъ тѣхъ же самыхъ писателей. Неужели же надобно объяснять, что такое послѣдовательность? Вопросъ дѣйствительно очень пудренный, едва ли не труднѣе примиренія «да» и «нѣтъ» въ одной статьѣ объ одной и той же книгѣ; потому попробуемъ изложить его самымъ важнымъ тономъ.

Послѣдовательность въ сужденіяхъ состоитъ въ томъ, чтобы о предметахъ одинаковыхъ сужденія были одинаковы. Напримѣръ, въ томъ, чтобы всѣ хорошія произведенія хвалить, всѣ плохія, но полныя претензій, одинаково осуждать. Напр., хвала «Героя нашего времени», хвалить и «Пѣсню про Калашникова»; но отозваться о «Маскарадѣ» такъ же какъ о «Героѣ нашего времени» было бы не по-

слѣдовательно, потону что хотя въ заглавія «Маскарада» выставлено то же имя, какъ на «Героѣ нашего времени», достоинство этихъ произведеній совершенно различно. Изъ этого осмѣлимся вывести правило: если хочешь быть послѣдовательнымъ, то смотри исключительно только на достоинство произведенія, и не стѣсняйся тѣмъ, хорошими или дурными находилъ ты прежде произведенія того же самаго автора; потому что одинаковы вещи бываютъ по существенному своему качеству, а не по клейму, наложенному на нихъ.

Отъ сужденій объ отдѣльныхъ произведеніяхъ писателя, мы должны перейти къ общему сужденію о значеніи всей литературной дѣятельности писателя. Послѣдовательность, конечно, будетъ требовать: одинаково хвалить писателей, имѣющихъ право на похвалу, и одинаково не хвалить не имѣющихъ. Съ теченіемъ времени все измѣняется; измѣняется и положеніе писателей въ отношеніи къ понятіямъ публики и критики. Какъ же поступить, если справедливость потребуетъ отъ журнала измѣнить сужденіе о писателѣ? какъ, напримѣръ, поступали «Отечественныя Записки»? Было время, когда онѣ очень высоко ставили Марлинскаго, и проч., и мы не хотимъ упрекать ихъ за то: общее мнѣніе объ этихъ писателяхъ было тогда таково; потомъ общественное мнѣніе о тѣхъ же самыхъ писателяхъ измѣнилось, можетъ быть, оттого что прошелъ первый пылъ, что ближе и хладнокровнѣе всмотрѣлись въ ихъ произведенія; можетъ быть оттого, что они сами стали писать не лучше и лучше, а хуже и хуже; оттого, говоря техническимъ языкомъ, что они «не оправдали надеждъ» (выреженіе, имѣющее въ нашемъ языкѣ почти столь же обширное примѣненіе, какъ заномогъ, умеръ и т. п.); можетъ быть оттого, что другіе писатели затмили ихъ—все равно, отчего бы то ни было, но мнѣніе пришлось измѣнить, и оно было измѣнено. Неужели послѣдовательность требовала продолжать поклоняться Марлинскому и другивъ. Какая же послѣдовательность была бы въ журналѣ, который бы считалъ себя обязаннымъ, сначала бывши ратникомъ за лучшее въ литературѣ, потомъ сдѣлаться ратникомъ за худшее, только изъ привязанности въ именамъ? Такой журналъ измѣнилъ бы себѣ. Не говоримъ уже о томъ, что онъ лишился бы своего почетнаго мѣста въ литературѣ, потерялъ бы всякое право на сочувствіе лучшей части публики, подвергся бы общему осмѣянію наравнѣ съ своими кліентами. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себѣ, что «Отечественныя Записки» въ 1844 или 1854 году продолжали бы называть, какъ называли въ 1839 году лучшими нашими писателями, авторовъ, признанныхъ посредственными, какое мѣсто въ литературѣ и журналистикѣ было бы занимаемо этимъ журналомъ?

Мы осмѣлимся ожидать, что и въ «Современникѣ» безпристрастными судьями будетъ почтено не виною, а—не хотимъ говорить достоинствомъ—по крайней мѣрѣ исполненіемъ обязанности не отставать отъ мнѣнія просвѣщенной части публики и требованій справедливости, измѣняющихся съ теченіемъ времени, если «Современникъ», говоря о г. X или Z въ апрѣлѣ 1854 года, будетъ думать болѣе о томъ, что по справедливости надобно сказать объ этомъ писателѣ теперь, нежели заботиться о томъ, чтобы сколько возможно буквальнѣе переписать тотъ самый отзывъ, который можно и должно было сдѣлать о произведеніяхъ этого писателя въ апрѣлѣ 1853, 1852 или 1851 года. «Современникъ» надѣется, что ему не поставятъ въ вину равнымъ образомъ и того, если послѣдовательно понимаетъ онъ какъ вѣрность своимъ эстетическимъ требованіямъ, а не какъ слѣпую при-

язавность къ стереотипнымъ повтореніямъ однихъ и тѣхъ же фразъ о писателѣ, отъ самаго его литературнаго отрочества до самой его литературной дряхлости. Что же дѣлать, если писатель «подававшій надежды», заслуживавшій симпатіи лучшей части публики и ободрительныхъ похвалъ критики, «но оправдалъ надеждъ», потерялъ право на симпатію и похвалы? «Говори, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде», и если твои приговоры будутъ основаны на однихъ началахъ, ты будешь послѣдователенъ, хотя бы сначала пришлось сказать тебѣ «да», а черезъ годъ «нѣтъ». Совершенно другое дѣло, если приговоръ однажды произнесенъ на основаніи однихъ началъ, а въ другой разъ на основаніи другихъ—тогда ны буденъ непослѣдователенъ, хотя бы въ оба раза сказали одно и то же (напримѣръ: «одинъ романъ г-жи NN хорошъ, *потому что* въ немъ видна, сквозь экзальтацію, искренняя теплота чувства; стало быть и другой романъ г-жи NN хорошъ, *хотя* въ немъ видна только приторная экзальтація»). Но говорится, какъ мы видимъ, не объ этой измѣнѣ принциповъ, а просто о неодинаковости сужденій, о разныхъ произведешяхъ однихъ писателей. Такое внѣшнее разнорѣчіе не всегда тяжкая вина; иногда отъ него зависитъ даже самая послѣдовательность и достоинство журнала. Но достоинство или недостатокъ—измѣненіе прежнихъ приговоровъ сообразно измѣненію въ достоинствѣ предметовъ, о которыхъ произносится приговоръ, во всякомъ случаѣ ни недостатковъ, ни достоинствъ нельзя признавать за собою, не разсмотрѣвъ, до какой степени справедливо они приписываются намъ. Взглянемъ же, какъ велика на самомъ дѣдѣ разница между прежними и нынѣшними мнѣніями «Современника» о г. Островскомъ, Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ; дѣйствительно ли она ставитъ «Современникъ» въ рѣшительное противорѣчіе съ самимъ собою». Противорѣчіе отзывовъ «Современника» о комедіи г. Островакаго «Не въ свои сани не садись» заключается въ томъ, что Новый Поэтъ въ апрѣльской книжкѣ 1853 года, говорилъ:

«Комедія г. Островакаго имѣла блистательный и полный заслуженный успѣхъ на двухъ сценахъ: петербургской и московской. Въ ней люди грубые, простые, необразованные, но съ душою и съ прямымъ здравымъ смысломъ поставлены рядомъ съ людьми полуобразованными. Авторъ очень ловко воспользовался этимъ контрастомъ. Какъ прекрасны эти мужики въ своей простотѣ, и какъ жалокъ этотъ промотавшійся Вихоревъ. Все это превосходно въ высшей степени вѣрно дѣйствительности. Русаковъ и Бородавкъ—это живыя лица, взятая изъ жизни безъ всякихъ прикрасъ».

Въ февральской книжкѣ 1854 года сказано:

«Въ двухъ послѣдвхъ произведеніяхъ г. Островскій впалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли слабыя и фальшивыя».

Противорѣчіе между этими отдѣльными выписками рѣшительное; но оно совершенно сглаживается, если мы прочитаемъ ихъ въ связи съ тѣмъ, что имъ предшествуетъ въ той и другой статьѣ. Новый Поэтъ разенатриваетъ «Не въ свои сани не садись» въ отношеніи къ другимъ произведешамъ нашего репертуара, говорить о превосходствѣ этой комедіи передъ другими, играющимися на Александринской сценѣ комедіями и драмами. Что касается до существеннаго достоинства «Не въ свои сани не садись», Новый Поэтъ, кажется, довольно ясно высказываетъ свое мнѣніе, прибавляя:

«Но несмотря на это, все-таки въ художественномъ отношеніи эта комедія не можетъ быть поставлена на ряду съ первою его комедіею («Свои люди — сочтемся»).

Вообще «Не въ свои сани не садись» произведение, не выходящее изъ ряда обыкновенныхъ талантливыхъ произведений».

И такъ вакъ статья изъ № II «Современника» нынѣшняго года сравниваетъ эту комедію, «не выходящую изъ ряда обыкновенныхъ произведений» съ истинно замѣчательнымъ первымъ произведеніемъ г. Островскаго, то, называя ее «слабою», эта статья, кажется намъ, не впадаетъ въ противорѣчіе съ Новымъ Поэтомъ, говорящимъ, что «Не въ свои сани не садись» не можетъ быть поставлено на ряду съ «Своими людьми». Одна сторона противорѣчія—о художественномъ достоинствѣ комедіи—не существуетъ. Остается другое противорѣчіе: Новый Поэтъ назвалъ Бородину и Русакова «живыми лицами, взятыми изъ дѣйствительности, безъ всякихъ прикрасъ»; черезъ годъ «Современникъ» говорить, что г. Островскій впалъ (въ комедіяхъ «Не въ свои сани не садись» и въ «Бѣдность не порокъ») «въ приторное прикрашиванье того, что не должно быть прикрашиваемо, и комедіи вышли фальшивыя». Здѣсь мы опять принуждены приняться за изложеніе элементарныхъ началъ, и объяснить, во первыхъ, что въ художественномъ произведеніи, общность котораго проникнута самымъ фальшивымъ воззрѣніемъ и которое поэтому до нестерпимости прикрашиваетъ дѣйствительность, отдѣльныя лица могутъ быть списаны съ дѣйствительности очень вѣрно, и безъ всякихъ прикрасъ. Или не распространяться объ этомъ? Вѣдь всѣ согласны, что наприимѣръ, такъ и случилось въ «Бѣдность не порокъ»: Любимъ Торцовъ, безпутный пьяница съ добрымъ, любящимъ сердцемъ—лицо, сходныхъ съ которымъ найдется въ дѣйствительности очень много; а между тѣмъ «Бѣдность не порокъ» въ цѣломъ—произведение въ высшей степени фальшивое и прикрашенное; и главнымъ образомъ фальшивость и прикрашенность вносятся въ эту комедію именно лицомъ Любима Торцова, которое, отдѣльно взятое, вѣрно дѣйствительности. Это происходитъ оттого, что, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, въ художественномъ произведеніи бываетъ общая идея, отъ которой (а не отъ однихъ отдѣльныхъ лицъ) и зависитъ характеръ произведенія. Есть такая идея и въ «Не въ свои сани не садись», но она еще довольно ловко прикрыта искусною обстановкою, и потому не была замѣчена публикою: замѣчавшіе фальшивость идеи въ этой комедіи надѣялись (изъ любви къ прекрасному таланту автора «Своихъ Людей»), что эта идея—мимолетное заблужденіе автора, можетъ быть даже невѣдомо отъ самого художника вкравшееся въ его произведение; потому и не хотѣли говорить объ этой прискорбной сторонѣ безъ крайней необходимости; а необходимости не было, потому что идея, искусно спрятанная подъ выгодную обстановкою (противопоставленіемъ Русакова и Бородину Вихореву, пустѣйшему негодяю), не была замѣчена почти никѣмъ, не произвела впечатлѣнія и, слѣдовательно, не могла еще имѣть вліянія; изболничать ее, казнить ее не было поэтому никакой еще надобности. Но вотъ явилась «Бѣдность не порокъ»; фальшивая идея смѣло сбросила всякое прикрытіе болѣе или менѣе двусмысленною обстановкою, явилась твердымъ, постояннымъ принципомъ автора, была шумно провозглашена за животворящую истину, была замѣчена всѣми, и, если не ошибаеся, произвела очень сильное неудовольствіе во всей здравомыслящей части общества. «Современникъ» почувствовалъ обязанность обратить вниманіе на эту идею и дать, по мѣрѣ возможности, выраженіе общему чувству. Заговоривъ о идеѣ «Бѣдность не порокъ», «Современникъ» ечиталъ не лиш-

ннхъ сказать два-три слова о прежнихъ произведеніяхъ автора, и, и само собою разумѣется, долженъ былъ сказать, что «Не въ свои сани не садись», была предшественникомъ «Вѣднoсть не порокъ», чего, конечно, не будетъ нынѣ отрицать никто; идея «Не въ свои сани не садись», теперь объясненная для вѣхъ читателей послѣднею комедіею г. Островскаго, уже не могла быть пройдена молчаніемъ, какъ это возможно было прежде, когда она по имѣла никакого значенія для публики, и къ прежнему отзыву о вѣрности нѣкоторыхъ лицъ комедіи (чего и по думадъ отрицать разборъ «Вѣднoсть не порокъ») пришлось прибавить, что идея комедіи фальшива.

Что касается до отзывовъ «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жѣ Турь, то противорѣчіе исчезаетъ даже безъ всякихъ объясненій—стоитъ только сличить мимо противорѣчащія отзывы. «Современникъ» находилъ изряднымъ романъ г-жи Турь «Племянницу» и находить дурнымъ черезъ три года написанный ею романъ «Три поры жизни», ни слова не говоря о другихъ произведеніяхъ этой писательницы; гдѣ же тутъ противорѣчіе? Выписки изъ послѣдняго отзыва по представляемъ, по рѣшительной необходимости ея для объясненія дѣла: просиотрѣвъ № V «Современника» за нынѣшній годъ, читатели могутъ убѣдиться, что наша рецензія послѣдняго романа не говоритъ ни одного слова о «Племянницѣ», «Долгѣ», «Ошибкѣ», и потому не можетъ никакимъ образомъ противорѣчить какому бы то ни было отзыву объ этихъ произведеніяхъ. Остается только попросить читателей взглянуть на статью о «Племянницѣ» (№ I «Современника» за 1852 г.); просиотрѣвъ ее, читатели увидятъ, какъ много и тогда уже «Современникъ» принужденъ былъ говорить о недостаткахъ таланта г-жи Турь; правда, въ этой статьѣ сказано, что есть сходство между хорошими сторонами таланта г-жи Турь и талантомъ г-жи Ганъ, и что «блестящія надежды, возбужденныя г-жею Турь, оправдались на столько, что перестали быть надеждами и сдѣлались достоинствомъ нашей литературы», но эти похвалы (болѣе снисходительныя и деликатныя, нежели положительныя, какъ убѣждаетъ весь тонъ статьи) далеко перевѣшиваются мѣстами, подобными слѣдующему:

«У нея (г-жи Турь), по поводу истинъ всѣмъ извѣстныхъ, является тонъ, полувосторженный, полупоучительный, какъ будто она сама только что ихъ открыла, но и это можетъ статься. Но и это можно извинять. *Таланта*, того независимаго таланта, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи, въ г-жѣ Турь или нѣтъ или очень мало; ея талантъ лирической... *неспособный создавать самостоятельные характеры* и типы. Слогъ г-жи Турь небреженъ; рѣчь ея *болтлива*, почти водяниста... Неприятно намъ было встрѣчать на иныхъ страницахъ «Племянницы» слѣды реторики, что-то такое, отъ чего пахло «Собрашемъ образцовыхъ сочиненій», какія-то претензіи на сочинительство, на литературныя украшенія» («Современникъ». 1852 г. № I, критика, статья г. И. Т.).

Спрашиваемъ, что къ этимъ упрекамъ прибавлено новаго въ отзывѣ о «Трехъ порахъ жизни»? Ровно ничего; вмѣсто обвиненія въ противорѣчіи, скорѣе можно было обвинять рецензента этого послѣдняго романа въ томъ, что онъ слишкомъ пропитался статьею г. И. Т. Правда, рецензентъ не могъ повторить тѣхъ похвалъ, которыми смягчены упреки въ статьѣ г. И. Т., но что же дѣлать? достоинства «Племянницы» померкли до незамѣтности, а недостатки развалились до крайности въ «Трехъ порахъ жизни».

Но болѣе всего «Отечественныя Записки» недовольны отзывомъ «Совре-

менника» о сочиненіяхъ г. Авдѣва («Современникъ» 1854 № 2). Этотъ отзывонъ «Современникъ» сталъ въ «самое странное противорѣчіе съ самимъ собою, потому что (признаемся это «потому что» очень трудно понять) теперь «Современникъ» говоритъ, что у г. Авдѣва замѣчательный талантъ рассказчика», а прежде «причислялъ г. Авдѣва къ нашимъ лучшимъ повѣствователямъ», именно въ 1850 году говорилъ:

«Въ первыхъ прозаическихъ г. Авдѣва найдемъ явные признаки таланта (до-садная осторожность! почему бы не сказать «блестящій талантъ?» нѣтъ, только «признаки» его). Лучшимъ доказательствомъ, что г. Авдѣвъ свлекъ не одною подражательною способностью (а! такъ уже и до 1850 года находили, что г. Авдѣвъ пока силенъ только подражательною способностью!) послужила идиллія г. Авдѣва «Ясные дни». Эта повѣсть очень мила, въ ней много теплаго, искренняго чувства (А ясности понятій о мирѣ и людяхъ много? Впрочемъ нѣтъ, если это достоинство не выставлено на видъ—а рецензія которою недоволены «Отеч. Записки», нападаетъ на этотъ недостатокъ). Преврасный явивъ, которымъ постоянно вѣшать г. Авдѣвъ вѣроятно замѣченъ своими чита-телями».

Попросимъ читателя просмотрѣть разборъ, который будто бы противорѣчить этому отзыву—и мы не знаемъ, найдутъ ли читатели, но говоримъ, противорѣчія, а хоть какое ввбудъ разногласіе въ немъ съ этою выпискою изъ прежняго отзыва. Прежде «Современникъ» причислялъ г. Авдѣва къ лучшимъ нашимъ повѣствователямъ—но в послѣдняя рецензія начинается именно словами: «Г. Авдѣвъ милый, пріятный рассказчикъ» и т. д. въ этомъ родѣ; на слѣдующей страницѣ (41) опять читаемъ: «Г. Авдѣвъ—полная честь ему за это — хороший, очень хороший рассказчикъ»; послѣ многократныхъ повтореній той же фразы, кончается рецензія словами (стр. 53) «онъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ рассказчика»... и предположеніемъ что, при соблюденіи извѣстныхъ условій, «онъ дастъ намъ много истинно прекраснаго» (самыя послѣднія слова рецензіи). Прежній отзывъ говоритъ, что въ «Ясныхъ дняхъ» нѣтъ подражанія—и послѣдняя рецензія не думаетъ подвергать этого сомнѣнію; прежшій отзывъ не думаетъ отрицать, что «Тамаринъ» подражаніе; и послѣдняя рецензія доказываетъ это; прежшій отзывъ видитъ въ «Ясныхъ дняхъ» теплоту чувства—и послѣдняя рецензія не подвергаетъ это въ малѣйшему сомнѣнію, называя лица этой идилліи «любимцами» г. Авдѣва, людьми ему «милыми». Намъ кажется, что противорѣчія во всемъ этомъ нѣтъ ни капли. Намъ кажется даже, что скорѣе можно обвинить послѣднюю рецензію въ слишкомъ щепетильномъ изученіи прежнихъ отзывовъ, точно также, какъ можно обвинить и разборъ романа г-жи Туръ «Три поры жизни» въ слишкомъ близкомъ сходствѣ съ статьею г. И. Т. о «Племянницѣ».

Однимъ словомъ всякій, кто внимательно сличитъ съ прежними отзывами «Современника» рецензіи, которыя такъ недовольны нынѣ, найдетъ между этими рецензіями и прежними отзывами не противорѣчіе а самую обыкновенную между статьями одного и того же журнала одинаковость во взглядѣ. И хотя очень пріятно было бы «Современнику» какъ можно чаще давать своимъ читателямъ статьи, отличающіяся новостью взгляда, но онъ долженъ признаться, что этотъ-то именно достоинствою всего менѣе отличаются рецензіи, вызвавшія неудовольствіе. И мы свое элементарное изложеніе понятій о послѣдовальности

должны заключить отвѣтохъ, какой дѣлали въ свое время сами «Отечественныя Записки» на подобныя неудовольствія противъ нихъ за новизну, будто бы, мнѣній о значеніи разныхъ знаменитостей нашей литературы, именно: «Мнѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, *«не новы и не оригинальны»*,—особенно для читателей «Современника». Чѣмъ же они могли привлечь на себя нерасположеніе? Неужели тѣмъ, что высказаны прямо, безъ обиняковъ, недомолвокъ и оговорокъ? Не тѣмъ ли, что сказано: «Тамаринъ—подражаніе», мы не прибавивъ, по обыкновенію, укореняющемуся съ нѣкотораго времени въ нашей критикѣ: «впрочемъ, мы этимъ не хотимъ сказать, что г. Авдѣевъ въ «Тамаринѣ» былъ подражателемъ; мы находимъ въ этомъ романѣ много самостоятельнаго и въ тѣмъ мѣстѣ прекраснаго» и т. д.; сказавъ «Три поры жизни»—экзальтированный романъ безъ всякаго содержанія», не прибавили: «впрочемъ, въ немъ очень много свѣтлаго и спокойнаго пониманія жизни, и еще больше многозначительныхъ идей, свидѣтельствующихъ о томъ, что авторъ не даромъ думалъ о многомъ? и не тѣмъ ли, что не прибавили къ этому общихъ мѣстъ о «несоинѣнныхъ дарованіяхъ», о томъ, что разбираемыя книги «составляютъ отрадное явленіе въ русской литературѣ» и т. д.? Если такъ, то отвѣтъ на это уже есть готовый въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Въ нашей критикѣ замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонничество живымъ и мертвымъ, лицемерство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно, а говорятъ другое». Напомнивъ это мѣсто, мы перейдемъ къ изложенію «самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ понятій» о томъ, что такое критика и до какой степени она должна быть уклончива и можетъ обходиться безъ прямоты,—перейдемъ къ ученію о томъ, до какой степени хорошо дѣлаетъ критика, когда по выраженію «Отечественныхъ Записокъ», говорить «голосомъ обезоруживающимъ» даже при несправедливости, своею смиренностью.

II.

Полемическая форма въ нашей статьѣ—только средство заинтересовать сухихъ и слишкомъ незаныеловатымъ предметомъ тѣхъ, которые не любятъ сухихъ предметовъ, какъ бы они важны ни были, и считаютъ ниже своего достоинства обращать хоть отъ времени до времени къ размышленію о простыхъ вещахъ свое вниманіе, постоянно занятое «живыми и важными» вопросами искусства (напримѣръ, о томъ, какъ велико достоинство какого нибудь дюжиннаго романа). Теперь мы можемъ оставить эту форму, потому что читатель, пробѣжавшій болѣе половины статьи, вѣроятно не оставитъ безъ вниманія и ея окончанія. Мы будемъ прямо излагать основныя понятія, напомнить о которыхъ мы считали нужнымъ.

Критика есть сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ какого нибудь литературнаго произведенія. Ея назначеніе—служить выраженіемъ мнѣнія лучшей части публики и содѣйствовать дальнѣйшему распространенію его въ массѣ. Само собою разумѣется, что эта цѣль можетъ быть достигаема сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ только при всевозможной заботѣ о ясности, опредѣленности и прямотѣ. Что за выраженіе общественнаго мнѣнія выраженіе обоюдное, темное? Какимъ образомъ дать критика возможность познакомиться съ этимъ мнѣніемъ,

объяснить его насѣ, если сама будетъ нуждаться въ поясненіяхъ и будетъ оставлять мѣсто недоразумѣніямъ и вопросамъ: «да что же вы думаете въ самомъ-то дѣлѣ, г. критикъ? да въ какомъ же смыслѣ надобно понимать то, что говорите г. критикъ? Поэтому критика вообще должна сколько возможно избѣгать всякихъ недомолвокъ, оговорокъ, тонкихъ и тѣмныхъ намековъ и всѣхъ тому подобныхъ околичностей, только мѣшающихъ прямоѣ и ясности дѣла. Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французскихъ фельетоновъ; эта уклончивость и мелочность не во вкусъ русской публики, нейдетъ къ живымъ и яснымъ убѣжденіямъ, которыхъ требуетъ совершенно справедливо отъ критики наша публика. Слѣдствія уклончивыхъ и позолоченныхъ фразъ всегда были и будутъ у насъ одинаковы: сначала эти фразы вводятъ въ заблужденіе читателей, иногда относительно достоинства произведеній, всегда относительно мнѣній журнала о литературныхъ произведеніяхъ, потомъ публика терпѣть довѣріе къ мнѣніямъ журнала; и потому всѣ наши журналы, желавшіе, чтобы ихъ критика имѣла вліяніе и пользовалась довѣріемъ, отличалась прямоѣю, неуклончивостію, неуступчивостію (въ хорошемъ смыслѣ) своѣй критики, называвшей всѣ вещи—сколько то было возможно—прямыми ихъ именами, какъ бы жестки ни были имена. Приводить примѣры считаемъ излишнимъ: одни въ памяти у всѣхъ, другіе мы напомнили, говоря о старыхъ разборахъ сочиненій Погорѣльскаго. Но какъ же надобно судить о рѣзкости тона? Хороша ли она? даже позволительна ли она? Что отвѣчать на это? *c'est veilon*; каковъ случай и какова рѣзкость. Иногда безъ нея не можетъ обойтись критика, если хочетъ быть достойною имени живой критики, которую, какъ извѣстно, можетъ писать только живой человекъ, то есть способный проникаться и антузіазномъ, и сильнымъ негодованіемъ,—чувства, которыя, какъ тоже всѣмъ извѣстно, изливаются не въ холодной и вялой рѣчи, не такъ, чтобы никому отъ ихъ изліянія не было ни тепло, ни холодно. Примѣры указывать опять считаемъ излишнимъ уже и потому, что у насъ есть пословица; «кто старое вспоминаетъ, тому глазъ вонъ». А для осязательнаго доказательства, какъ необходима иногда бываетъ въ живой критикѣ рѣзкость тона, предположимъ еще такой случай (еще не изъ самыхъ важныхъ). Та манера писать, которая была изгнана изъ употребленія ѣдкими сарказмами дѣльной критики, начинаетъ опять входить въ моду, вслѣдствіе различныхъ причинъ, между прочимъ и ослабленія критики, быть можетъ, увѣренной, что цвѣтистое пустословіе не можетъ оправиться отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Вотъ опять, какъ во времена Марлинскаго и Полевого, появляются на свѣтъ, читаются большинствомъ, одобряются и ободряются многими литературными судьями произведенія, состояція изъ набора риторическихкихъ фразъ порожденныя «плѣнной мысли раздраженіемъ», ненатуральною экзальтаціою, отличающіяся прежнею приторностію, только съ новымъ еще качествомъ—шаликовскою граціозностію, миловидностію, нѣжностію, мадригальностію; появляются даже какія-то новыя «Марьины рожи» съ Усладами; и эта реторика, оживши въ худшемъ видѣ, опять угрожаетъ наводнить литературу, вредно подѣйствовать на вкусъ большинства публики, заставить большинство писателей опять забыть о содержаніи, о здоровомъ взглядѣ на жизнь, какъ существенныхъ достоинствахъ литературнаго произведенія. Предположивъ такой случай (а бываютъ еще болѣе горькіе), спрашиваемъ: обязана ли критика вмѣсто изобличеній писать мадригалы этимъ хилымъ но опаснымъ явленіямъ? или она можетъ поступать въ отношенія къ новымъ бо-

дѣзненнымъ явленіямъ такъ, какъ въ свое время было поступаемо относительно подобныхъ явленій, и безъ околичностей говорить, что въ нихъ нѣтъ ничего хорошаго? Вѣроятно, не можетъ. Почему же? Потому что «талантливый авторъ, не могъ написать дурного сочиненія». Да развѣ Марлянский былъ талантливъ менѣе выѣшнихъ эпигоновъ? Развѣ «Марьяну рошу» написалъ не Жуковский? А скажите, что хорошаго въ «Марьиной рошѣ»? И за что можно похвалить произведеніе безъ содержанія, или съ дурнымъ содержаніемъ? «Но оно написано хорошаго языкомъ». За хорошій языкъ можно было прощать жалкое содержаніе тогда, когда главною потребностью нашей литературы было выучиться писать не тарбарскимъ языкомъ. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ было особенною честью для чловека анаше ороографіи; и дѣйствительно, тогда кто умѣлъ ставить на мѣстѣ буквы ѣ, тотъ по справедливости могъ назваться образованнымъ чловекомъ. Но не совѣстно ли было бы теперь знаніе правописанія ставить въ особенную заслугу кому нибудь, кромѣ Вити, выведеннаго г. Островскимъ? Писать дурнымъ языкомъ—теперь недостатокъ; умѣнье писать недурно теперь не составляетъ особеннаго достоинства. Припомнимъ выписанную нами въ статьѣ о Погорѣльскомъ фразу «Телеграфа»: «Неужели за то прославляютъ «Монастырку», что она гладенько написана?» и оставимъ составителю «Памятнаго листка ошибокъ въ русскомъ языкѣ» пріятную и многотрудную обязанность выдавать похвальные листы за искусство писать удовлетворительнымъ языкомъ. Эта раздача отняла бы слишкомъ много времени у критика, да и вовлекла бы въ слишкомъ большіе расходы на бумагу: сколько стоить потребовалось бы для похвальныхъ листовъ, если награждать всѣхъ достойныхъ?

Возвратимся однако къ вопросу о рѣзкости отзывовъ. Позволительна ли неподслащенная прямота осужденія, когда дѣло идетъ о произведеніи «извѣстнаго» писателя?—Неужели вы хотите, чтобы позволялось «нападать развѣ уже на саянаго круглаго и беззащитнаго сироту»? Развѣ во всеоружіи бранной, съ калеными стрѣлами сарказма идти на бой противъ какого нибудь бѣднаго Макара, на котораго всѣ шишки валятся? Если такъ, отдайте же свое критическое кресло тѣмъ гоголевскимъ господамъ, которые «хвалятъ Пушкина и съ остроумными колкостями говорятъ объ А. А. Орловѣ».—Да виноваты; мы начали писать неясно и неубѣдительно; мы позабыли о своемъ намѣреніи—всегда начинать съ самаго начала. Пополняемъ опущеніе. Критика достойная своего имени пишется не для того, чтобы господни критикъ щеголялъ остроуміемъ, не для того, чтобы доставить критику славу водевильнаго куплетиста, возвеселяющаго публику своими каламбурдами. Остроуміе, ѣдкость, жолчь, если ими владѣетъ критикъ, должны служить ему орудіемъ для достиженія серьезной цѣли критики—развитія и очищенія вкуса въ большинствѣ его читателей, должны только давать ему средство соотвѣтственнымъ образомъ выражать мнѣнія лучшей части общества. А развѣ общественное мнѣніе интересуется вопросами о достоинствахъ писателей, никому неизвѣстныхъ, ни кѣмъ не почитаемыхъ за «прекрасныхъ писателей»? Развѣ лучшая часть общества возмущается тѣмъ, что какой нибудь ученикъ Федота Кузичева или А. А. Орлова написалъ новый романъ въ четырехъ частяхъ по 15 втраничекъ каждая? Развѣ «Любовь и вѣрность» или «Страшное мѣсто» (см. Библиографію этой книжки «Современника») или «Похожденія Георга милорда англійскаго» портитъ вкусъ публики? Если хотите, изощряйте и надъ ними свое остроуміе, но помните, что вы занимаетесь въ такомъ случаѣ «журнальнымъ пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее», а не критикою.

«Но срогвмъ осужденіемъ можетъ огорчиться авторъ» — это другое дѣло; если вы человѣкъ, не любящій огорчать ближняго, то не нападайте уже ни на кого, потону что и малоизвѣстнаго автора, столько же, сколько самаго знамениаго, огорчить указаніе недостатковъ его литературнаго дѣтиса. Если вы думаете, что говорить кому нибудь непріятное нельзя ни въ какомъ случаѣ, ни для какого блага, то положите на уста ваши палець молчанія, или откройте ихъ за тѣмъ, чтобы доказывать, что всякая критика вредна, потону что всякая кого нибудь огорчаетъ. Но не торопитесь осуждать безусловно всякую критику. Каждый согласится, что справедливость и польза литературы выше личныхъ ощущеній писателя. А жаръ нападенія долженъ быть соразмѣренъ степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силѣ вліянія, на которые вы нападаете. Слѣдовательно, если передъ вами два романа, отличающихся фальшивою экзальтаціею и савтинентальностью, и одинъ изъ нихъ носить имя неизвѣстное, а другой имя, пользующееся вѣсомъ въ литературѣ, то на который вы должны напасть съ большею силою? На тотъ, который болѣе важенъ, т. е. вреденъ для литературы. Перенесемъ за шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Вы нѣмецкій критикъ. Передъ вами лежитъ превосходная въ художественномъ отношеніи, но приторная «*Heinrich und Dorothea*» Гете и какая нибудь другая идиллическая поэма какого нибудь посредственнаго писака, довольно складно написанная, и столько же приторная, какъ «художественно-прекрасное созданіе» великаго поэта. На которую изъ этихъ двухъ поэмъ должны вы напасть со всѣхъ жаромъ, если вы считаете (какъ всякій умный человѣкъ) приторное идеальничанье очень вредною для нѣмцевъ болѣзнию? И которую поэму вы можете разобрать уступчивымъ, мягкимъ и можетъ быть даже ободрительнымъ тономъ? Одна изъ нихъ пройдетъ незамѣченною, безвредною, несмотря на вашъ уступчивый отзывъ; другая вотъ уже 57 лѣтъ восхищаетъ нѣмецкую публику. Очень хорошо поступили бы вы, еслибъ, бывши нѣмецкимъ критикомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, излили всю жолчь негодованія на эту вредную поэму, отказались бы на вреня слушаться мягкихъ внушеній вашего глубокаго уваженія къ вмени того, кто былъ славою нѣмецкаго народа, но побоялись бы упрековъ въ запальчивости, въ опрометчивости, въ неуваженіи къ великому имени, и холодно и коротко сказавъ, что поэма написана очень хорошо (на это найдутся сотни перьевъ и кромѣ вашего), какъ можно яснѣе и рѣзче напали бы на вредную савтинентальность и пустоту ея содержанія. постарались бы на сколько силъ вашихъ достать доказать, что поана великаго Гете жалка и вредна по содержанію, по направленію. Говорить о произведеніи Гете такимъ образомъ было бы, конечно, не легко для васъ: и вамъ самимъ горько возставать на того, кого хотѣли бы вы вѣчно прославлять, и дурно подумаютъ о васъ многіе. Но что же дѣлать? Того требуетъ отъ васъ обязанность.

Какой патетическій тонъ! мы забыли, что Гете между нашими литераторами давно уже не отъяскивалось, слѣдовательно русской современной критикѣ приходится говорить только о такихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе близки къ простынѣ смертнымъ, и, вѣроятно, геройской рѣшимости вовсе не нужно для того, чтобы осмѣлиться, когда кто нибудь изъ нихъ напишетъ плохое произведеніе, назвать произведеніе плохимъ безъ всякихъ околичностей и оговорокъ, а когда кто нибудь выскажетъ это мнѣніе, то не огорчаться его ужаснымъ дерзновеніемъ.

Потому намъ кажется, что если находить недостатки напр. въ рецензій «Современника» о «Трехъ порахъ жизни», то надобно было бы выставять на видъ

не то, что знаменитый авторъ этого романа стоитъ выше критики, а напротивъ, развѣ уже то, что едва ли стоило много толковать о такой книгѣ, которой, по всей вѣроятности, вовсе не суждено надѣлать шуму въ публикѣ. И намъ кажется, что читатели могли быть не совсѣмъ довольны нашею длинною рецензіею за ея длину; она могутъ думать, что было бы гораздо лучше и было бы совершенно достаточно ограничиться двумя-тремя словами, напр. хоть только тѣми, которыя выписываютъ «Отечественныя Записки» (въ «Трехъ порахъ» нѣтъ ни мысли, ни правдоподобія въ характерахъ, ни вѣроятности въ ходѣ событій; есть только страшная аффектація, представляющая все какъ разъ навыворотъ противъ того, какъ бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Надъ всѣмъ этимъ господствуетъ неизмѣримая пустота содержащаго); но «Современникъ» вовсе не потому и распространялся объ этомъ романѣ, что романъ самъ по себѣ стоитъ большого вниманія, — намъ казалось, что онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ одинъ изъ многихъ подобныхъ ему аффектированныхъ романовъ, число которыхъ размножилось въ послѣднее время очень замѣтно. Что входитъ въ моду, то должно подвергнуться ближайшему разсмотрѣнію уже по этому обстоятельству, хотя бы и не заслуживало того по своему существенному значенію. И это подаетъ намъ случай пожалѣть о томъ, что въ послѣдніе годы наша литература развивалась слишкомъ медленно; а какъ значительно бывало прежде развитіе ея въ теченіе пяти-шести лѣтъ! Но, скажите, на много ли ушла она впередъ со времени появленія «Племянницы», «Тамарина» и особенно прекраснаго произведенія г. Островакаго «Свои люди—сочтемся»? И по этому-то самому застою литературы сужденія «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жи Туръ въ 1854 году не могли значительно разниться отъ мнѣшій его объ этихъ писателяхъ въ 1850 году. Мало измѣнилась литература, мало измѣнилось и положеніе писателей въ литературѣ.

А все-таки застои въ литературѣ былъ не совершенный—нѣкоторые писатели (напримѣръ, г. Григоровичъ, съ которымъ иные продолжаютъ ставить на ряду г. Авдѣева, какъ ставили прежде) двинулись впередъ, заняли въ литературѣ гораздо болѣе видное мѣсто, нежели въ 1850 году; другіе, напримѣръ г-жа Туръ, еще значительно подвинулись назадъ; третьи, немногіе, какъ г. Авдѣевъ, остались совершенно на прежнемъ мѣстѣ; слѣдовательно прежніе ряды уже разстроились, образовались новыя. И теперь для всякаго читателя показалось бы смѣшно, если бы стали ставить на ряду, напримѣръ, съ г. Григоровичемъ г. Авдѣева и тѣмъ болѣе г-жу Туръ. До нѣкоторой степени понятія объ этихъ послѣднихъ измѣнились. И развѣ (будемъ говорить только о г. Авдѣевѣ), развѣ каждый читатель не скажетъ теперь, что при появленіи первыхъ произведеній г. Авдѣева должно было надѣяться отъ него гораздо большаго, нежели до сихъ поръ онъ могъ произвести? Развѣ не всякій говоритъ, что до сихъ поръ онъ «еще не оправдалъ надеждъ»? а прошло уже лѣтъ пять или шесть, онъ написалъ уже пять или шесть повѣстей, пора было бы оправдать эти надежды. И если отъ него надобно дѣйствительно ожидать чего-нибудь лучшаго (надежда, которую мы раздѣляемъ и которую выразили въ своей статьѣ), то не пора ли, не давно ли уже пора обратить вниманіе «дѣйствительно даровитаго» разсказчика на то, что до сихъ поръ онъ еще *ничего* не сдѣлалъ для упроченія своей извѣстности? Когда онъ издаетъ всѣ свои произведенія за пять или за шесть лѣтъ, не должно ли обратить его вниманіе на существенныя недостатки всѣхъ его произведеній (отсутствіе мысли и безотчетность, съ какою разливаетъ онъ свое теплое чувство)? Къ счастью, исправить эти недостатки «онъ можетъ,

если ему будетъ угодно» (счастливое выреженіе!) потому-то и надобно яснѣе выставить ихъ ему на видъ—это можетъ быть небезполезныя. Другое дѣло коренная испорченность (встиннаго или предполагаемаго?) таланта — этому едва ли можно пособить, какъ ни указывай недостатки; потому-то въ одной изъ трехъ рецензій (не о «Тамаринѣ» или «Вѣдность по пороку»), о которыхъ идетъ рѣчь, «Современникъ» и не высказать никакихъ надеждъ. Но недостатки, которыми страдаетъ талантъ г. Авдѣева, могутъ исчезнуть, если онъ этого серьезно захочетъ, оттого, что лежать не въ сущности его дарованія, а въ отсутствіи тѣхъ необходимыхъ для плодovitаго развитія таланта качествъ, которыя не даются природою, какъ дается талантъ; которыя даются иному тяжалымъ опытомъ жизни, иному наукою, иному обществомъ, въ которомъ онъ живетъ; на эти условія «Современникъ» старался обратить вниманіе г. Авдѣева всею своею рецензіею и по возможности ясно высказалъ ихъ въ концѣ. Жалѣемъ, что не можемъ начать толковать о нихъ здѣсь, отчасти уже и потому, что это значило бы повторять сказанное очень еще недавно. Но всѣ толки объ этихъ «простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о какихъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ», приводятъ насъ къ тому, чтобы сказать два-три слова о томъ, что такое «мысль» — понятіе, приводящее въ недоумѣніе нѣкоторыхъ, конечно, очонь немногихъ, и о которомъ поэтому считаемъ достаточнымъ сказать только два-три слова, не распространяясь относительно предмета столь общезвѣтнаго.

«Что такое «мысль» въ поэтическомъ произведеніи?» Какъ бы это объяснить просто и коротко? Вѣроятно, всякому случалось замѣчать разницу между людьми, разговоръ которыхъ приходилось ему слышать. Просидишь два часа съ инымъ человѣкомъ—и чувствуешь, что провелъ время не даромъ; находишь по окончаніи бесѣды, что или узналъ что-нибудь новое, или сталъ яснѣе смотрѣть на вещи, или сталъ больше сочувствовать хорошему, или живѣе оскорбляться дурнымъ, или чувствуешь побужденіе подумать о чемъ нибудь. Послѣ иной бесѣды ничего такого не бываетъ. Поговоришь, кажется, столько же вренени и, кажется о тѣхъ же самыхъ предметахъ, только съ человѣкомъ другого разбора, — и чувствуешь, что изъ его разсказовъ не вынесъ ровно ничего, все равно, какъ будто бы занимался съ нимъ не разговоромъ, а пусканьемъ мыльныхъ пузырей, все равно, какъ будто бы и не говорилъ. Неужели надобно объяснить, почему это такъ? потому, что одинъ собесѣдникъ либо человѣкъ очень образованный, либо человѣкъ, издавшій многое на своемъ вѣку и издавшій не безъ пользы для себя, «бывалый» человѣкъ, либо человѣкъ призадумывавшійся надъ чѣмъ-нибудь; а другой собесѣдникъ — то, что называется «пустой» человѣкъ. Неужели должно пускаться въ доказательства и объясненія, что книги раздѣляются на такіе же два разряда, вакъ и разговоры? Однѣ бываютъ «пустыя», — иногда съ этинъ вмѣстѣ и надутым — другія «непустыя»; и вотъ о непустыхъ-то и говорится, что въ нихъ есть «мысль». Мы думаемъ, что если позволительно смѣяться надъ пустыми людьми, то, вѣроятно, позволительно смѣяться и надъ пустыми книгами; что если позволительно говорить: «не стоитъ вести и слушать пустыхъ разговоровъ», то вѣроятно, позволительно и говорить «не стоитъ писать и читать пустыхъ книгъ».

Прежде постоянно требовалось отъ поэтическихъ произведеній «содержаніе»; наши нынѣшнія требованія, къ сожалѣнію, должны быть гораздо умѣреннѣе, и потому мы готовы удовлетвориться даже и «мыслью», т. е. самымъ стремленіемъ къ

содержаніе, вѣяніемъ въ книгѣ того субъективнаго начала, изъ котораго возвыкаетъ «содержаніе». Впрочемъ, быть можетъ, надобно объяснять, что такое «содержаніе»? Но мы вѣдь пишемъ в многотрудныхъ вопросахъ, а ученые трактаты не могутъ обходиться безъ цитатъ. Потому напомнимъ слова «Отечественныхъ Записокъ»:

«Иной пожалуй скажетъ, что эти слова употреблялись еще въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Мнемозинѣ», въ «Атенѣ» и проч., были всѣмъ понятны назадъ тому лѣтъ двадцать и не возбуждали ничего въ удивленія, ни негодованія. Увы! что дѣлать! До сихъ поръ мы жарко вѣрили ходу впередъ, а теперь приходится намъ повѣрнуть движенію назадъ».

Хуже всего въ этомъ отрывкѣ то, что онъ совершенно справедливъ. Поэтому напомнимъ, что «Обыкновенная исторія» и «Тамаринъ» или «Ясные дни» явились не за двадцать лѣтъ назадъ: тогда поняли бы, какое огромное различіе между этими произведеніями. Поняли бы, конечно, и то, что въ основаніи драмы г. Потѣхина «Гувернантка» (т. о. «Вратъ и сестра»?) лежитъ мысль фальшивая и аффектированная, какъ это, впрочемъ, уже и было доказано «Современникомъ».

Возвратимся, однако, опять къ «рѣзкости» тона. Мы говорили, что во многихъ случаяхъ это единственный тонъ, приличный критикѣ, понимающей важность предмета и но холодно смотрящей на литературные вопросы. Но мы также сказали, что рѣзкость бываетъ разныхъ родовъ и до сихъ поръ говорили только объ одномъ случаѣ,—томъ, когда рѣзкость тона происходитъ оттого, что мысль справедливая выражается прямо и по возможности сильно безъ оговорокъ. Другое дѣло — неразборчивость въ словахъ; ее, разумѣется, не хорошо позволять себѣ, потому что быть грубымъ значить забывать собственное достоинство. Мы не дунаемъ, чтобы въ этомъ могли упрекнуть насъ, потому что вотъ каково самое жестокое изъ выраженій, подчеркнутыхъ за «нецеромонность, далеко не фешенэбльную»:

«Тамаринъ» заставилъ насъ ожидать отъ г. Авдѣева новаго и лучшаго, показавъ въ немъ способность въ развитію; но ни одна изъ его изданныхъ до сихъ поръ повѣстей не можетъ еще назваться произведеніемъ человѣка мыслящаго.

Едва ли эти слова осудить и гоголевскія дамы, говорящія «обойтись посредствомъ платка», но уже ни въ какомъ случаѣ не долженъ «поражаться» ими тотъ, кто самъ тутъ же позволяетъ себѣ выраженія, гораздо менѣе фешенэбльныя. Да, не хорошо быть неразборчивымъ на слова; но все еще это гораздо простительнѣе, нежели позволять себѣ темные намеки, заподозривающіе искренность того, къ кому вы недовольны. Ихъ мы не совѣтовали бы употреблять никому, оттого, что они, именно по своей темнотѣ, прилагаются ко всему; и если напримѣръ «Отечественныя Записки» намекнутъ, что «Современникъ» несправедливъ къ г. Авдѣеву и г-жи Туръ потому, что произведенія этихъ писателей не печатаются болѣе въ «Современникѣ», то какъ легко (удержимся отъ другихъ намековъ) объяснить этотъ намекъ такою фразою: «Отечественнымъ Запискамъ» мнѣнія «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ кажутся несправедливыми потому, что эти авторы печатаютъ нынѣ свои произведенія въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но лучше оставить всѣ подобныя мелочи, рѣшительно смѣшныя: неужели «Отечественныя Записки» верстали хвалить г. Бенедиктова потому, что произведенія этого поэта, украшавшіе первые вуиера журнала, потомъ перестали появляться въ «Отечественныхъ За-

пискахъ?» Неужели не ясно для всякаго, что могло не быть между этими фактами никакой связи, что, наконецъ, дѣло могло быть и наоборотъ? Оставивъ это. Критика не должна быть «журнальною перебранкою»; она должна заняться дѣломъ болѣе серьезнымъ и достойнымъ—преслѣдованіемъ пустыхъ произведеній и, сколько возможно, обличеніемъ внутренней ничтожности и разладицы произведеній съ ложнымъ содержаніемъ.

И въ законъ бы журналъ ни встрѣчалъ «Современникъ» критику съ подобнымъ отренленіемъ, онъ всегда радъ встрѣчать ее, потому что потребность въ ней дѣйствительно сильна.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе *Сергія Соловьева*. Томъ четвертый. Москва, 1854.

Четвертый томъ сочиненія г. Соловьева состоитъ изъ трехъ главъ. Первые двѣ разсказываютъ княженія Василія Дмитріевича и Василія Васильевича Темнаго. Въ третьей, важнѣйшей по содержанію и самой большой по объему (она занимаетъ двѣ трети тома), описывается «внутреннее состояніе русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины великаго князя Василія Васильевича Темнаго (1228—1462)». Намѣреваясь при первой возможности помѣстить въ «Современникѣ» подробный разборъ важнаго труда нашего достойнаго историка, мы здѣсь ограничимся обзоромъ содержанія интереснѣйшихъ отдѣловъ послѣдней главы вновь вышедшаго тома, именно отдѣловъ, излагающихъ очеркъ нравовъ и образа жизни русскаго народа въ XIII—XV вѣкахъ. Матеріалы, доставляемые историкомъ лѣтописями, грамотами и другими произведеніями тогдашней письменности, для возстановленія картины внутренняго быта нашихъ предковъ въ этотъ періодъ чрезвычайно скудны. Лѣтописи сухи и заключаютъ мало подробностей; грамотъ осталось намъ отъ этого времени мало; другихъ памятниковъ еще меньше. Потому и картина быта по необходимости должна быть неполна и блѣдна; но тѣмъ интереснѣе тѣ неизносія черты нравовъ и образа жизни, которыя можно уловить въ скудныхъ источникахъ.

Важнѣйшими мастерствами были, какъ видимъ изъ разсказа лѣтописи объ основаніи города Холна, оружейное, кузнечное и мѣдное, отчасти мастерство серебряныхъ дѣлъ. О существованіи другихъ маестеровыхъ, кромѣ плотниковъ, каменщиковъ и живописцевъ, нѣтъ никакихъ извѣстій. Потому г. Соловьевъ думаетъ, что остальные ремесла, напримѣръ, сапожное, портное, отправлялись домашнею прислугою. Объ удобствахъ жизни также не имѣемъ никакихъ извѣстій, и должно предполагать, что ихъ существовало очень мало. Богатый Волынскій князь Владиміръ Ваеильковичъ, во время продолжительной своей болѣзни, лежалъ на соломѣ. Изъ подробныхъ описей имущества московскихъ князей, находящихся въ ихъ завѣщаніяхъ, видимъ, что цѣнныхъ вещей у нихъ было очень мало. Такъ напримѣръ, Іоаннъ Калита оставилъ послѣ себя двѣнадцать цѣпей золотыхъ, восемь поясовъ золотыхъ, шесть золотыхъ чашъ и два золотые кубка, золотую коробочку, три кожуха, вышитые жемчугомъ, и три или четыре другихъ платьевъ, также вышитыхъ жемчугомъ. Еще гораздо менѣе подобныхъ вещей показано въ завѣща-

нихъ Дмитрія Донскаго, Василя Дмитріевича и Василя Темнаго. Это уменьшеніе богатствъ г. Соловьевъ принимаетъ Тохтамышеву нашествію, большимъ издержкамъ въ ордѣ, снова усилившейся и раздраженной, и междуособиизъ временъ Василя Темнаго. Если такъ мало было цѣннаго имущества у великихъ князей, продолжаетъ г. Соловьевъ, то у простыхъ людей ничего нельзя было найдти, кромѣ самой простой и необходимой рухляди. О пищѣ нѣтъ подробностей; можно только видѣть, что бѣдные люди употребляли въ пищу овсяный хлѣбъ. Относительно нравовъ г. Соловьевъ замѣчаетъ, что въ сѣверовосточной Руси они были грубѣе, нежели на югѣ; онъ приписываетъ это различіе въ нравахъ отчасти сосѣдству полудикихъ племенъ, отчасти вліянію самаго климата, болѣе суроваго; еще сильнѣе было, по его мнѣнію, вліяніе тяжкихъ историческихъ обстоятельствъ на огрубѣше нравовъ XIII—XV столѣтій въ сравненіи съ предшествовавшими.

«Нравы грубѣли; привычка руководствоваться истиннымъ самосохраненіемъ вела къ господству всякаго рода матеріальныхъ побужденій надъ нравственными; грубость нравовъ должна была отражаться на дѣлѣ, на словѣ, на всѣхъ движеніяхъ человѣка. Въ это время имущества гражданъ прятались въ церквахъ и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хотя не всегда безопасныхъ; сокровища нравственныхъ имѣли нужду также въ безопасныхъ убѣжищахъ—въ теремахъ: женщина спѣшила удалиться, или ее спѣшили удалить отъ общества мужчинъ, чтобы волею или неволею удержать чистоту семейную; не вслѣдствіе византийскаго или татарскаго вліянія явилось затворничество женщинъ въ высшихъ сословіяхъ, но вслѣдствіемъ извѣстной нравственной экономіи въ народномъ тѣлѣ. Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: что случилось бы съ нами въ XIV вѣкѣ безъ терема? Но понятно, что удаленіе женщины, бывшее слѣдствіемъ огрубѣша нравовъ, само въ свою очередь, могло производить еще большее огрубѣше».

Всякаго рода безпорядки, грабежи и воровство были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; страсть къ вину выказывается въ сильной степени; часто мужья жили съ женами безъ вѣнчанія. До какой степени чуждались иноземцевъ, доказывается тѣмъ, что псковичи недоумѣвали, позволительно ли пользоваться хлѣбомъ, виномъ и овощами, привозимыми изъ нѣмецкой земли.

Въ концѣ главы г. Соловьевъ высказываетъ свой общій взглядъ на нашу исторію до Іоанна III:

«Мы окончили тотъ отдѣлъ русской исторіи, который по преимуществу носить названіе древней исторіи; мы не можемъ разстаться съ нимъ, не показавши его общаго значенія, не показавши его отношеній къ слѣдующему періоду. На великой сѣверовосточной равнинѣ, на перекрестномъ открытокъ пути между Европой и Азіей, основалось государство Русское. То была обширная, дѣятельная страна, ожидавшая населенія, ожидавшая исторіи. Отсюда древняя русская исторія есть исторія страны, которая колонизируется. Отсюда постоянное сильное движеніе народонаселенія на огромныхъ пространствахъ. Населить какъ можно скорѣе, перезвать отсюда людей на пустыя пространства, приманить всякаго рода льготами; уйти на новыя, лучшія мѣста, на выгоднѣйшія условія, пѣ болѣе мирный, спокойный край; съ другой стороны удерживать населеніе, возвратитъ, заставить другихъ не принимать его—вотъ важные вопросы колонизирующей страны, вопросы, которые мы встрѣчаемъ въ древней русской исторіи. Изъ этого, по мнѣнію г. Соловьева, легко понять происхожденіе льготныхъ грамотъ, жалуемыхъ землевладѣльцамъ, населятелямъ земли».

Остановимся здѣсь на минуту, и замѣтимъ, что колонизація обширныхъ областей, лежащихъ на востокъ отъ Кіева, Чернигова, Смоленска и Новгорода, дѣйствительно очень важный фактъ древней русской исторіи; быть можетъ, спра-

ведливо кажется онъ г. Соловьеву даже важнѣйшимъ ея фактомъ, хотя съ этимъ труднѣе согласиться безусловно; во всякомъ случаѣ заслугою г. Соловьева остается, что онъ обратилъ на него вниманіе. Но трудно дать въ исторіи нашей важное мѣсто заботамъ о привлеченіи населенія, и объяснять ими происхожденіе льготныхъ граней. Скорѣе давались онѣ для того, чтобы привязать къ себѣ, удержать власть отъ принятія въ князья соперника, нежели съ тѣмъ, чтобы привлечь новое населеніе. (Объ этомъ думали гораздо меньше. Правда, плѣнныхъ часто выводили для поселенія въ своихъ земляхъ; но также часто продавали ихъ иноземцамъ и жителямъ другихъ волостей, вакъ видно, болѣе дорожа прибылью въ имуществѣ, нежели въ народѣ. Что исканіе новыхъ земель, болѣе, нежели исканіе новыхъ льготъ, было побужденіемъ къ колонизаціи, видно изъ обширности колоній Новгорода, переселенцы изъ котораго, конечно, не могли ожидать новыхъ льготъ. Могли бы мы предполагать, что иногда колонистами управляли стремленія, подобныя тѣмъ, подъ влияніемъ которыхъ образовалось впоследствии донское и запорожское казачество, стремленія къ совершенной самостоятельности; но и этому желанію нельзя приписывать большого круга дѣйствій, потому что не видимъ въ пограничныхъ волостяхъ особенныхъ наклонностей къ автономіи, какъ потомъ замѣчается у донцовъ и запорожцевъ; не видимъ и того даже, чтобы жители новозаселенныхъ земель отличались отъ оставшихся на старыхъ мѣстахъ по Днѣпру и Ильменю энергіей и слѣдствіемъ ея — мужествомъ въ бояхъ. Напротивъ, кажется, справедливо г. Соловьевъ считаетъ дружины и ополченія кievскія, черниговскія в новгородскія болѣе крупными въ бою, нежели войска восточныхъ князей. А удалство и отважность обыкновенно характеризуютъ колонистовъ. Потому едва ли не должно предположить, что колонизація происходила слабо и медленно, не оказывая большаго влияния ни на характеръ жителей, ни на общественныя отношенія. Не должно представлять себѣ слишкомъ обширнымъ и то поле, по которому она разливалась въ X—XV вѣкахъ: за исключеніемъ вологодскихъ и вятскихъ поселеній, очень немногочисленныхъ, какъ это ясно изъ ихъ состоянія даже въ XVII вѣкѣ, въ это время колонизовалось только пространство, занимаемое теперь губерніями Орловской, Калужской, Тульской, Рязанской, Московской, Владимирской, южными и западными частями губерній Тверской, Ярославской, Костромской в Нижегородской; всего въ теченіе пяти или шести вѣковъ область новыхъ земель, занятыхъ, конечно, не густымъ русскимъ населеніемъ, обняла пять, много семь тысячъ квадратныхъ миль — пространство, вдвое, если не втрое, меньшее страны, которую занимали сплошныя коронныя поселенія русскихъ славянъ въ IX вѣкѣ. Населеніе этого пространства и теперь вдвое уступаетъ числомъ населенію малорусскихъ, бѣлорусскихъ, Псковской и Новгородской губерній; между тѣмъ извѣстно, что въ XV—XVIII вѣкахъ оно умножалось гораздо скорѣе, нежели населеніе западныхъ губерній; во сколько же разъ оно должно было уступить этому последнему въ XIII—XV вѣкахъ? Не забудемъ также, что въ его массѣ было довольно много ославянившихся потомковъ туземцевъ — нѣкоторые даже полагаютъ, что большинство народа составилось изъ нихъ — сообразивъ это все, мы едва ли не должны будемъ убѣдиться, что колонизація восточныхъ волостей въ X—XV вѣкахъ совершалась медленно и число переселившихся не было громадно по сравненію съ населеніемъ, оставшимся на своихъ прежнихъ мѣстахъ: изъ нѣсколькихъ милліоновъ переселилось въ теченіе пяти или шести вѣковъ нѣсколько сотенъ тысячъ, можетъ быть десятая,

пятнадцатая часть всей массы приднѣпровскихъ и ильменскихъ жителей. Если же припомнимъ, что много въ томъ числѣ было уведенныхъ туда въ плѣнъ, то добровольное стремленіе населенія съ юга на сѣверъ, съ запада на востокъ окажется еще менѣе сильнымъ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно предполагать, чтобы много заботились о сильнѣйшемъ возбужденіи его льготами и т. д. Въ самыхъ понятіяхъ г. Соловьева о различіи общественныхъ отношеній старыхъ и новыхъ городовъ можно найти подтвержденіе мнѣнію, которое осмѣлялись мы здѣсь высказать, и которое, точно также, какъ и мнѣніе г. Соловьева, ему противоположное, нуждается въ болѣе точныхъ изысканіяхъ для того, чтобы получить или потерять право на прочное мѣсто въ наукѣ. Возвращаемся однако же къ его очерку общаго характера событій нашей древней исторіи. Объяснивъ причины, по которымъ русскіе славяне должны были довольствоваться этимъ сѣвернымъ и восточнымъ направлениемъ, отказываясь отъ направленія на югъ, отъ котораго были отрѣзаны наплывомъ угровъ, печенѣговъ, половцевъ и татаръ, г. Соловьевъ продолжаетъ, что, впрочемъ, и не было у русскихъ славянъ даже въ IX—X вѣкахъ особеннаго стремленія покидать свою родину, какъ это было въ IV—VII у германцевъ, тѣсныхъ съ востока и сѣверовостока:

«Славянскія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства, раскинулись широко и привольно по огромной сѣверовосточной равнинѣ Европы; оня не получали никакого толчка съ сѣвера и сѣверовостока; ничто не понуждало ахъ повидать землю великую в обильную, и отправляться искать новыхъ земель, какъ то дѣлывали германскія племена на западѣ, ничто не побуждало ихъ предпринимать стремительнаго движенія цѣлыми массами съ сѣвера на югъ, и Святославъ вовсе не былъ предводителемъ подобвыхъ массъ: онъ оставилъ назади громадное владѣніе, рѣдкое населеніе котораго вовсе не хотѣло переселяться на югъ, хотѣло, чтобы князь жилъ среди его и защищалъ его отъ дикихъ степныхъ ордъ: «Ты, князь, чужой земли ищешь, а насъ здѣсь чуть не взяли Печенѣги», говорятъ киевляне въ преданіи—знакъ, что у Киевлянъ была своя земля, а чужой онъ не искали».

Мы выписали это мѣсто между прочимъ и потому, что оно служитъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія о незначительности стремленія нашихъ предковъ къ переселенію. Но вскорѣ обстоятельства измѣняются—говоритъ г. Соловьевъ—южныя области постоянно подвергаются спльнымъ нападенимъ сначала печенѣговъ, потомъ половцевъ, наконецъ татаръ. Куда же было удалиться русскимъ людямъ отъ плѣна и разоренія? свободный путь оставался одинъ—на сѣверовостокъ. Въ XIII вѣкѣ и послѣдующихъ татары тѣснить не только съ юга, но и съ востока, съ запада начинаютъ тѣснить Литва: «такимъ образомъ—заключаетъ г. Соловьевъ—съ востока, юга и запада населеніе, такъ сказать, сгоняется въ средину страны, гдѣ на берегахъ Москвы рѣки завязывается крѣпкой государственной узелъ». Что Московскія, Владимірскія, Тульскія области для жителя Кіевской крайины могли быть убѣжищемъ отъ половцевъ, мы согласны; но еще ближе было искать отъ нихъ убѣжища въ Галицкихъ и Владиміровольнскихъ областяхъ и связи между Галичемъ и Кіевомъ въ XII—XIII вѣкахъ гораздо тѣснѣе, нежели между Кіевомъ и Суздалемъ или Владиміромъ на Клязьмѣ. Если было сильное переселеніе изъ Кіевской волости, то конечно на Волынь и въ Галичъ; но мы не думаемъ, чтобы половцы въ XII—XIII вѣкахъ могли далеко оттѣснить насъ на югъ, потому что и въ IX—X вѣкахъ южныя границы русскаго населенія не заходили далеко за Кіевъ, а половцы грабили почти только одни города по Руси—

до Кіева они доходили но часто. Отъ Литвы едва ли бѣжало много народа, потому что скоро Литовское княжество вступило въ тѣснѣйшую связь съ южно-русскими, и нашествія Гедигининовыхъ войскъ едва ли казались нашествіями чужде-мевняковъ; и опять естественнымъ убѣжищемъ отъ врага, идущаго съ сѣвера, были бы для бѣлоруссовъ и Волынянъ но Московскія, а Галицкія волости; что касается эпохи позднѣйшей борьбы Литовскаго княжества съ Московскимъ, въ это время болѣе ужасались татарскихъ нашествій съ востока, нежели литовскихъ съ запада и едва ли могъ быть приливъ населенія, напримѣръ, изъ Смоленска въ Калугу, грабимую татарами. Что татарскія нашествія могла оттѣснить населеніе Рязанскихъ и Тульскихъ волостей къ Москвѣ, съ этимъ нельзя не согласиться. Такимъ образомъ изъ всѣхъ иноземныхъ притѣсненій, исчисляемыхъ г. Соловьевымъ, одни татарскія могли, намъ кажется, содѣйствовать усилению московской волости, сравнительно съ Курскою, Тульскою, Рязанскою; но сравнительно съ западными областями, сама московская много проигрывала отъ татарскихъ нашествій, и потому трудно сказать, больше ли они вредили ей или приносили пользы. Окончимъ однако же нашу выписку, не задерживая читателей замѣчаніями о послѣдующихъ воззрѣніяхъ г. Соловьева, потому что эти замѣчанія требовали бы гораздо подробнѣшаго развитія, нежели какое могло быть дано имъ въ настоящей статьѣ и найдутъ себѣ мѣсто въ разборѣ, о которомъ говорили мы въ началѣ вашей статьи.

«Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ ходъ древней русской исторіи. Уже давно, какъ только начали заниматься русскою исторіею съ научною цѣлью, подмѣнены были главныя, особенно выдающіяся въ ней событія, событія поворотныя, отъ которыхъ исторіи замѣтно начинаютъ новый путь. На этихъ событіяхъ начали останавливаться историки, дѣлить по нимъ исторію на часта, періоды... Обыкновенно каждый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника: мы не будемъ продолжать этихъ споровъ; мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый, въ свою очередь, указывалъ на новую сторону предмета и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его. *(Вотъ языкъ, достойный истиннаго ученаго: какой прекрасный примѣръ подаетъ г. Соловьевъ этими словами!)* Но съ теченіемъ времени наука мукаетъ, и является потребность соединить то, что прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать, какъ новое произошло изъ стараго, соединить разрозненныя части въ одно органическое цѣлое, является потребность замѣнить атомическое изученіе предмета физиологическимъ».

«Исторія знаетъ различныя виды образованія государствъ: или государство, начавшись незамѣтною точкою, въ короткое время достигаетъ огромныхъ размѣровъ, въ короткое время покоряетъ себѣ многіе различныя народы; обыкновенно такія государства, какъ скоро возросли, также скоро и падаютъ; такова, напримѣръ, участь азіатскихъ громадныхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство начинается на ничтожномъ пространствѣ, и потомъ, въ слѣдствіе постоянной напряженности силъ отъ внутренняго движенія, въ продолженіе довольно долгаго времени, распространяетъ свои владѣнія насчетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло, и наконецъ распадается на части, въ слѣдствіе самой громадности своей и въ слѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, исчезновенія внутреннихъ живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства римскаго. Образованію всѣхъ этихъ древнихъ громадныхъ государствъ, какова бы ни была въ другихъ отношеніяхъ разница между ними, можно назвать образованіемъ неорганическимъ, ибо они обыкновенно состоятъ изъ востановленія извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей посредствомъ завоеванія. Иной характеръ представляется намъ въ образованіи новыхъ европейскихъ, христіанскихъ государствъ: здѣсь государства при самомъ рожденіи своемъ, въ слѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій, являются уже въ тѣхъ же почти границахъ,

въ каквѣхъ имъ предназначено дѣйствовать въ послѣдствія; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго востановленія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видѣнномъ раздѣленіи, потомъ это раздѣленіе мало по малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется. Такое образованіе ны имѣютъ право назвать высшимъ, органическимъ».

«Какое же образованіе нашего государства?» продолжаетъ г. Соловьевъ и общимъ очеркомъ событій показываетъ, что оно—второго рода, высшего, органическаго. Русскіе славяне, положившіе основаніе будущей Россійской имперіи, въ IX вѣкѣ занимали большую половину европейской Россіи; восточная часть этой обширной площади, не занятая славянами, едва могла назваться населенною, будучи обитаема только разсѣянными и малочисленными племенами финскими, не полагавшими почти никакого препятствія колонизаціи, почти добровольно и во многихъ случаяхъ совершенно добровольно соединявшимися съ славянами (преданіе о призваніи Рюрика Весью, Новгородцами и Кривичами) и скоро превращавшимися въ славянъ. Всѣ эти страны очень быстро и безъ большихъ затрудненій сливаются въ одно цѣлое. Потомъ онѣ, въ такъ называемомъ удѣльномъ періодѣ, распадаются на множество небольшихъ владѣній, подобно тому, какъ распалась, незадолго передъ тѣмъ, держава Карла Великаго, и г. Соловьевъ проводитъ прекрасную параллель между родовыми отношеніями нашихъ князей съ одной стороны, и феодальною связью западно-европейскихъ владѣльцевъ съ другой; потомъ родовыя отношенія на Руси уступаютъ мѣсто государственнымъ, и Русь соединяется въ Московское царство, какъ на западѣ изъ феодалныхъ владѣній составляются большія государства.

Излишне говорить, что вновь вышедшій томъ «Исторіи Россіи» своимъ достоинствомъ равняется предшествовавшимъ частямъ огромнаго труда г. Соловьева; излишне также повторять, что трудъ этотъ составляетъ, вмѣстѣ съ изданіями Археографической Коммиссіи, важнѣйшее приобрѣтеніе нашей исторической науки въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, и въ скоромъ времени мы надѣемся подробно рассмотреть его отношеніе къ предшествовавшимъ трудамъ, и показать, на сколько двинута впередъ наука новѣйшими изслѣдователями, въ главѣ которыхъ стоитъ г. Соловьевъ.

Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича. Сочиненіе П. Медовикова. Москва 1854.

Сочиненіе г. Медовикова не отличается ни полнотою, ни особенными достоинствами изложенія; оно не уясняетъ ни одного вопроса. Что давно было извѣстно всякому, хотя нѣсколько занимавшемуся русскою исторіею, только то и повторилъ авторъ въ своей книгѣ; новаго не сказалъ онъ ничего; факты изложены въ такомъ объемѣ, что нѣкоторые отдѣлы главы о царствованіи Алексѣя Михайловича въ «Руководствѣ» г. Устрялова полнѣе соответствующихъ отдѣловъ книги г. Медовикова; другія событія рассказаны полнѣе въ такихъ общезвѣстныхъ сочиненіяхъ, какъ «Исторія російской церкви». Поэтому казалось бы, что не можетъ быть основаній считать сочиненіе г. Медовикова заслуживающимъ большой по

хвалы. Правда, написано оно добросовѣстно; авторъ пересмотрѣлъ всѣ важнѣйшія изданія, въ которыхъ могъ найти что-нибудь нужное для себя; ему хорошо извѣстны не только отдѣльныя сочиненія, но и статьи періодическихъ изданій, касающіяся его предмета. Онъ знаетъ литературу русской исторіи. Однако если не знать литературы своего предмета важный недостатокъ, то знать ее не есть еще заслуга со стороны человѣка, рѣшающагося писать ученое сочиненіе. Но не это одно достоинство мы находимъ въ трудѣ г. Медовикова; есть въ немъ качества болѣе рѣдкія—отсутствіе ученаго самолюбія и опрометчивыхъ претензій на то, чтобы «выставить предметъ въ новомъ свѣтѣ; открыть въ немъ новыя стороны, поднять новыя вопросы, показать неосновательность, односторонность прежнихъ объясненій», однимъ словомъ — придумать какое нибудь «новое воззрѣніе на предметъ».

Эти качества дѣйствительно довольно рѣдки. Сколько есть ученыхъ, несправедливыхъ къ своимъ предшественникамъ! Недавно мы указали одинъ подобный случай, говори о мелочныхъ критическихъ замѣчаніяхъ на драгоцѣнный трудъ г. Снегирева. А такихъ примѣровъ сотни. Одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ считаетъ нужнымъ анатомически разбирать «Исторію Государства Россійскаго», отыскивая, не взялъ ли Карамзинъ у Щербатова или Хилкова мысль о томъ, что «просвѣщеніе смягчаетъ нравы», во заимствовалъ ли онъ у Татищева или Болтина понятія о томъ, что Святославъ былъ отважный воитель, а Олегъ привелъ въ трепетъ византійцевъ. Зачѣмъ онъ тратитъ время на подобныя сближенія? Что «Исторія Государства Россійскаго» имѣетъ свои недостатки, было уже доказываемо двадцать лѣтъ назадъ Арцибашевымъ и Полевымъ; а теперь напрасно и говорить объ этомъ; что Карамзинъ пользовался трудами своихъ предшественниковъ, также вещь извѣстная всякому, и столь же естественная, какъ и то, что ученые, занимающіеся нынѣ русскою исторіею, пользуются трудами Карамзина и, напримѣръ, Эверса, который уже давно говорилъ о развитіи государственнаго быта язъ племеннаго. Наконецъ, что Карамзинъ занялъ у Щербатова мысль о благотвѣнномъ вліяніи просвѣщенія на нравы, столь же очевидно, какъ и то, что новѣйшіе математики заняли у Магницкаго правила сложенія и вычитанія. Неужели нужно анализировать исторію Карамзина для того, чтобы наши читатели лучше могли постичь превосходство нашихъ собственныхъ трудовъ? Ужо одно опасеніе, что читатели наши могутъ придти къ такой мысли—надѣмся, несправедливой—относительно нашихъ чувствъ, должно было бы удержатъ насъ отъ бесполезнаго труда, ставящаго насъ въ самое неловкое положеніе. Приведенъ другой примѣръ. Въ послѣднее время стали довольно часто являться прекрасныя — можетъ быть нѣсколько сухія, недостатки второстепенный — монографія по части исторіи русской литературы. Не будемъ изслѣдовать, какимъ именно условіемъ обязана своимъ происхожденіемъ страсть къ нимъ: быть можетъ, мы нашли бы, что необходимость, заставившая обратиться къ библиографическимъ изысканіямъ, не такъ отрадна, какъ благородная и самоотверженная любовь къ труду на пользу русской литературы, поддерживающая предавшихся ему въ работѣ утомительной и неблагодарной: каково бы ни было происхожденіе трудовъ, результаты ихъ прекрасны. Но скажите, во многихъ ли изъ этихъ произведеній найдете вы вѣяніе естественной симпатіи къ трудамъ предшественниковъ? Сто разъ повторяется: «Евгеній ошибочно говоритъ» и едва ли разъ найдется фраза: «Евгенію обязаны мы...» Нѣтъ,

въ большей части этихъ вонографій слышится увѣренность авторовъ, что до нихъ ничего, ровно ничего не было сдѣлано, что они дѣлають что-то небывалое, неслыханное, что они новые Анкетили, открывающіе Зевдавесту, о которой никто не вѣдалъ до сихъ поръ. Нѣтъ, достойные, но забывчивые изслѣдователи: были прежде васъ люди, съ которыми не сравнились еще вы ни обширностью вашего знанія, ни значеніемъ вашихъ трудовъ—это не стыдъ вамъ, потому что вы трудитесь только годы, а другіе трудились десятки лѣтъ, и быть можетъ вы со временемъ станете выше ихъ. Но то будетъ еще впереди, а теперь... теперь гордитесь преданностью дѣлу своему, а не тѣмъ, что не было никогда людей, подобныхъ вамъ. Были они, вы должны это знать лучше всѣхъ васъ, вы должны знать, что, напримѣръ, въ «Очеркахъ русской литературы» однимъ человѣкомъ, среди десяти другихъ важнѣйшихъ дѣлъ, собрано больше матеріаловъ для исторіи русской литературы, нежели получили мы до сихъ поръ отъ всѣхъ васъ вмѣстѣ. Назвавъ Пушкина, ии, быть можетъ, напомнимъ вамъ о другомъ дѣятелѣ на поприщѣ исторіи русской литературы. Но говоримъ уже о трудахъ Евгенія. «Но его словари наполнены ошибками». Хорошо было бы, еслибъ у васъ вашлось не въ десять разъ болѣе ошибокъ, хотя вы сдѣлали во сто разъ меньше.

Отчего происходитъ эта придирчивость, это стремленіе показать, что заслуги нашихъ предшественниковъ были не такъ велики, какъ воображаютъ неспециалисты? Мы никакъ не думаемъ, чтобъ это происходило отъ какихъ вѣдудь сознательныхъ побужденій, и рѣшительно отвергаемъ всякіе толки о неблагодарности, непризнательности, неуваженіи, будучи твердо убѣждены, что подобныя чувства очень рѣдко совмѣщаются съ характеромъ ученаго человѣка, по самой натурѣ своей чистыиъ; гораздо основательнѣе объяснять дѣло мелочнымъ преувеличеніемъ важности собственныхъ открытій, и эту мелочность приписывать преимущественно чистосердечному, но слишкомъ восторженному увлеченію; а причиною увлеченія мелочами надобно, разумѣется, считать то, что увлекающіеся мало успѣли еще сдѣлать истинно важнаго. Свое каждому дорого; и кону принадлежить еще одно только не слишкомъ важное, тотъ почти всегда поставляетъ въ этомъ неважномъ чрезвычайную важность.

Помните ли время, когда вы слушали лекціи? Какъ часто казалось вамъ тогда, что два часа назадъ выслушанная вами лекція удивительно проясняетъ и измѣняетъ взглядъ на цѣлую науку, что въ ней то именно и есть ключъ къ правильному пониманію всей науки. Потомъ вы увидѣли, что такъ казалось вамъ просто потому, что вы еще мало знали науку, что въ наукѣ сотня понятій гораздо важнѣйшихъ, нежели казавшіяся вамъ ея краеугольной основой; вы увидѣли, что сущность русской исторіи, напримѣръ, заключается не въ одномъ вопросѣ о происхожденія варяго-русовъ или въ доказательствѣ древности лѣтописей. Припоинвете годы, еще болѣе далеже, когда вы учились русской грамматикѣ; не правда ли, что, выучивъ наизусть раздѣленіе именъ существительныхъ на два склоненія и осьмнадцать окончаній, вы нѣсколько времени экзаменовали всѣхъ вашихъ знакомыхъ, в готовы были считать невѣждою первѣйшаго ученаго въ мірѣ, если онъ не могъ сказать, къ 10 или 11 окончанію принадлежить слово «рука?» Но когда вы начали учиться по латинѣ, ваша гордость наслаждалась истинными триумфами, и вы не разъ восторжествовали надъ своимъ учителемъ, доказавъ ему, что крохѣ десяти словъ мужескаго рода на букву *x*, перечисленныхъ въ учебномъ вашемъ

руководствѣ, есть еще два или три такихъ слова, найденныя вами въ большой грамматикѣ Цумпта? О, какъ послѣ этого выросли вы въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ товарищей! рѣшено было всеми единогласно, что вы знаете по латинѣ лучше самого учителя, и вы сами чувствовали въ душѣ, что это правда!

Но такъ какъ рѣчь зашла о латинской грамматикѣ, то намъ хочется привести анекдотъ изъ старинной «Латинской грамматики, составленной по Бредеру Н. Кошанскии»: къ этой грамматикѣ приложена небольшая хрестоматія, обильная занимательными разсказами, и вотъ одинъ изъ нихъ, называющійся въ подлинникѣ *Cato et rusticus*— «Катонъ и поселянинъ».

«Одному римскому поселянину случилось узнать, что черезъ ихъ деревню будетъ проходить Катонъ, знаменитый своей ученостью. Онъ вышелъ посмотрѣть на этого извѣстнаго историка. Но Катонъ, подошедши къ поселянину, спросилъ его: «скажи мнѣ, мой другъ, какъ называется сосѣдняя деревня, и какою дорогою надобно мнѣ идти туда?» Послѣ этого поселянинъ часто говаривалъ: «вотъ, сказывали, будто Катонъ ученый человѣкъ, а онъ не знаетъ даже имени сосѣдней деревни и дороги въ нее».

Мы увѣрены, что рѣдкій изъ ученыхъ, достигшихъ той же высоты знанія, на которой стояли его предшественники, не уважаетъ ихъ въ глубинѣ души. Въ каждомъ большомъ трудѣ находится много недостатковъ и ошибокъ; это онъ будетъ знать по собственному опыту.

Итакъ, мы сказали, что сочиненіе г. Медовикова очень выгодно отличается отъ многихъ другихъ тѣмъ, что авторъ не старается поколебать довѣріе къ трудамъ своихъ предшественниковъ для того, чтобы возвысить контрастомъ достоинство собственного труда. Другая, не менѣе пріятная черта сочиненія—отсутствіе стремленія придумывать новыя воззрѣнія и ставить эти воззрѣнія краеугольнымъ камнемъ зданія, воздвигаемаго авторомъ. А этотъ недостатокъ также очень сильно вредитъ достоинству и основательности очень многихъ ученыхъ трудовъ. Примѣровъ множество.

Одинъ ученый открываетъ понятіе объ «изгойствѣ» и на немъ основываетъ построеніе цѣлаго періода нашей исторіи, едва ли даже не всю систему своихъ понятій о древнемъ нашемъ бытѣ; не рѣшаемъ, правильно ли или нѣтъ объясняется нинѣ слово изгой, но во всякомъ случаѣ встрѣчается оно такъ рѣдко, что понятіе, имъ выраженное, едва ли могло играть важную роль въ исторіи. Другой отыскиваетъ слово «подручникъ», всего только одинъ разъ попадающееся въ нашихъ лѣтописяхъ и граиотахъ, и опять вездѣ видитъ «подручниковъ»; третій открываетъ, что свѣтлый значитъ первоначально «быстрый», и также при всякомъ случаѣ основываетъ свои труды на тождествѣ понятій быстроты и свѣта; четвертый находитъ, что какой нибудь малоизвѣстный писатель былъ умный человѣкъ (хотя это еще нуждается въ болѣе ясныхъ доказательствахъ, нежели то, что у него встрѣчаются мысли, попадающіяся во всякой безъ исключенія книгѣ того времени) выводитъ изъ этого, что онъ былъ великимъ писателемъ, какъ будто бы всякій умный человѣкъ непременно долженъ быть замѣчательнымъ писателемъ. Пятый идетъ далѣе, и утверждаетъ, что мы не имѣемъ понятія о старинной нашей литературѣ, потому что до появленія его изысканій не знали, въ 1757 или 1756 году написана какая нибудь ода Сумарокова, хотя и овъ этого не могъ узнать. Однимъ словомъ, на основаніи всѣхъ этихъ открытій оказывается, что мы ничего не знали ни о древ-

немъ рускомъ бытѣ, ни о русской исторіи, ни о русской литературѣ, хотя къ тѣмъ горамъ матеріаловъ, которые собраны были и собираются безъ помощи этихъ ученыхъ, они едва еще успѣли прибавить нѣсколько песчинокъ; оказывается, что не основанія новыхъ открытій долженъ совершенно измѣниться взглядъ на нашу исторію и литературу; можетъ быть, онъ долженъ измѣниться, но мы еще ожидаемъ, пока намъ это докажутъ болѣе важными трудами и открытіями.

Г. Медовиковъ не имѣетъ подобныхъ стремленій открывать неслыханное, показывать невиданное; онъ не думаетъ, чтобы наши прежшія понятія о значеніи царствованія Алексѣя Михайловича были совершенно несправедливы, и что ему необходимо было заботиться измѣнить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ важнѣйшія «положенія», принимаемыя г. Медовиковымъ:

«Царствованіе Алексѣя Михайловича по своему характеру, принадлежитъ еще вполнѣ древней (*точно было бы выразиться: старой или старинной*) Руса, хотя и появляются нѣкоторые признаки скорого наступленія эпохи преобразованій. Передъ эпохою преобразованія древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ.

«Возвышеніе патріаршей власти въ Никонѣ обусловливалось какъ его энергичскою личностію, такъ и событіями въ Россіи съ конца XVI вѣка; но оно противорѣчило прежнимъ у насъ отношеніямъ духовной власти къ свѣтской».

«Присоединенію Малороссіи къ Московскому государству было результатомъ исторической необходимости; личностію Хмельницкаго только ускорено событіе, которое рано или поздно должно было совершиться. Первое начало отиженія особнаго быта Малороссіи положено уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича».

Читатели видятъ, что это—положенія общепринятія и не подлежащія спору. Если бы сочиненіе г. Медовикова было простою компиляціею, составленною при помощи двухъ-трехъ книгъ, не опирающеюся на большой запасъ свѣдѣній и на основательное углубленіе въ предметъ,—не было бы ничего особеннаго и въ томъ, что авторъ не выставилъ оригинальныхъ результатовъ; но авторъ трудился надъ своимъ сочиненіемъ прилежно и много, узналъ свой предметъ хорошо, и однако же не почелъ за нужное изобрѣтать эффектные воззрѣнія, которыя поражали бы своею новизною, признавая удовлетворительность прежнихъ трудовъ — это прекрасно и довольно рѣдко.

Изъ нашихъ словъ не слѣдуетъ однако, чтобы похвалами книгъ г. Медовикова хотѣли мы унижать ученое достоинство какихънибудь другихъ трудовъ: несмотря на свои недостатки, о которыхъ мы говорили за тѣмъ, чтобы яснѣе выставить на видъ достоинства разбираемой нами книги, несмотря на преувеличиваніе неважныхъ открытій и мелочную критику предшествовавшихъ трудовъ или слишкомъ гордое молчаніе о нихъ, сочиненія, отъ которыхъ эта книга выгодно отличается въ одномъ отношеніи, стоятъ несравненно выше ея во многихъ другихъ отношеніяхъ, и гораздо важнѣе по своему значенію для науки. Мы только хотѣли бы убѣдить, что если книга, не замѣчательная ни въ какомъ другомъ отношеніи, становится достойной уваженія и полезною черезъ осмотрительность выводовъ и безпристрастіе автора къ себѣ и другимъ, то еще больше могли бы выиграть отъ этихъ качествъ другіе труды, уже по своему содержанію имѣющіе важность. И если одинъ ученый имѣетъ достаточно скромности, чтобы не обнаружить никакихъ притязаній на оригинальность позрѣній, то гораздо легче могли бы устоять противъ увлеченія подоб-

выми стремлениями тѣ ученые, которымъ удалось на самомъ дѣлѣ открыть что-нибудь новое и замѣчательное.

Не слѣдуетъ изъ нашихъ похвалъ скромнымъ достоинствамъ книги г. Медовикова и то, чтобы мы утверждали, будто бы русская исторія уже достаточно разработана и всѣ важнѣйшія задачи ея рѣшены удовлетворительнымъ образомъ. Если исторія древняго классическаго міра, столько вѣковъ разрабатываемая соединенными усилиями всѣхъ образованныхъ народовъ, еще безпрестанно уясняется и обогащается новыми воззрѣніями, то странно было бы воображать, что въ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ ученая разработка русской исторіи достигла окончательнаго совершенства, и мы должны находить выработанныя воззрѣнія на ея событія вполне основательными и достаточными. Напротивъ, разработка русской исторіи, точно такъ же, какъ и разработка исторіи русской литературы, только что начинается: удовлетворительнымъ образомъ разрѣшены еще немногіе вопросы, и то преимущественно касающіеся вѣдѣній, фактической исторіи; очевь многіе изъ важнѣйшихъ вопросовъ остаются еще нетронутыми; особенно должно сказать это о вопросахъ внутренней исторіи жизни русскаго народа. Мы признаемъ необходимость новыхъ воззрѣній и объясненій, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они были полнѣй и основательнѣе прежнихъ. Да и какъ не признавать, когда относительно интереснѣйшихъ вопросовъ мы до сихъ поръ принуждены довольствоваться столь же неопредѣленными и неудовлетворительными объясненіями, какъ, напримѣръ, слѣдующее, которымъ начинается книга г. Медовикова, и которое заимствовано изъ круга новѣйшихъ поватій о русской исторіи:

«Въ половинѣ XVII вѣка умолкаетъ древнее лѣтописаніе, вмѣщающее въ себѣ заветныя преданія нашей старины съ того времени, когда пошла русская земля, представляющее, въ непрерывномъ рядѣ свазаній, судьбы нашего отечества съ сакаго водворенія въ немъ государственнаго начала. Священная повѣсть временныхъ лѣтъ прекращается, какъ бы едѣлавъ послѣднее усиліе въ «Лѣтописи о мятежахъ» и «Новомъ лѣтописцѣ». Причинъ такого явленія должно искать... въ переворотѣ, который готовился въ государственной и общественной жизни нашей, въ стремленія личности вырваться изъ оковъ, наложенныхъ на нее бытомъ древней Руси. Подъ влѣпшемъ личнаго начала безымяннаго сказавія лѣтописцевъ — отшельниковъ, трудившихся единственно «любве ради Господа Бога и своего отечества» стали уступать мѣсто запискамъ очевидцевъ, которые въ повѣтованіе свое вносили собственные взгляды на предметъ. *(Итакъ вмѣсто лѣтописей являются мемуары? Нѣтъ—ихъ у насъ не было въ XVII вѣкѣ, это говоритъ и г. Медовиковъ на слѣдующей строкѣ).* Но, въ сожалѣвію, XVII вѣвъ представляетъ въ этомъ родѣ слишкомъ мало историческихъ памятниковъ».

Или, лучше сказать, ни одного, до самаго конца царствованія Алексѣя Михайловича. Какъ же стремленіе писать мемуары, еще не рождавшееся, могло заставить покинуть лѣтописи? Положимъ, что причина прекращенія лѣтописей, указываемая Татищевымъ, недостаточна; хотя и надобно предполагать, что этотъ основательный историкъ говорилъ не наудачу, и хотя съ нимъ соглашался Шлёцеръ; во объясненіе, которымъ теперь замѣнили этотъ старый взглядъ на сущность дѣла, очевидно не выдерживаетъ критики. Отдѣльныя историческія сказанія писались и прежде XVI, не только XVII вѣка; наши лѣтописи наполнены ими; довольно много ихъ сохранилось и отдѣльно отъ лѣтописей: почему же до XVII в., особенно, до XVI вѣка не мѣшали они продолженію лѣтописей? Съ другой стороны: первыя три-четверти XVII вѣка представляютъ менѣе отдѣльныхъ сказаній, не-

желези предъидущія времена; итакъ не лѣтописи замѣнились сказаніями, а напротивъ, сказанія подверглись въ XVII вѣкѣ влінію той же причины, которая уничтожила лѣтописи. Если не ошибаемся, давно уже было замѣчаемо подобное ослабленіе и замираніе всей литературной дѣятельности въ Руси XIII—XIV, особенно XV—XVII вѣка. Такъ, напримѣръ, сличивъ «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ» съ Словомъ о полку Игоревѣ», всѣ увидѣли, что произведеніе XV вѣка блѣдное и слабое подражаніе произведенію XII вѣка; подобно поэтической дѣятельности уменьшилась и проповѣдническая: отъ XII вѣка мы имѣемъ Кирилла Туровскаго, въ XIII былъ еще Серапіонъ; позднѣйшіе проповѣдники наши далеко уступаютъ своимъ предшественникамъ, и наконецъ при Алексѣѣ Михайловичѣ исчезли уже и слѣды обычая говорить проповѣди собственнаго сочиненія. Точно то же и съ лѣтописями—съ теченіемъ времени становятся онѣ все суше и суше, все меньше и меньше замѣчается въ лѣтописцахъ умѣнья рассказывать и историческаго такта; всѣ послѣдующія лѣтописи далеко ниже Несторовой по своему достоинству. Итакъ замираніе и прекращеніе лѣтописей надобно объяснить не изъ того случайнаго обстоятельства, что онѣ были безыменны, потому несовмѣстны «съ стремленіемъ личности вырваться изъ оковъ» этой безыменности: если бы дѣло зависѣло только отъ этого, вмѣсто лѣтописей безыменныхъ явились бы у насъ лѣтописи съ надписью имени лѣтописца. Нѣтъ, причины явленія, о которомъ говорятъ г. Медовиковъ, надобно искать гораздо глубже: вся общественная и умственная жизнь въ XIV—XVI вѣкахъ подвергалась влінію неподвижности, застоя, одѣленности. окончательнымъ результатомъ чего была необходимость преобразованій Петра Великаго.

Въ первыхъ же строкахъ книги г. Медовикова, представляющей сводъ всѣхъ сдѣланныхъ до него изысканій и воззрѣній, мы нашли примѣръ того, какъ необходимы новыя изысканія и воззрѣнія; и почти каждая изъ послѣдующихъ страницъ могла бы служить доказательствомъ того же самаго. Остается только желать чтобы свѣдѣнія о дѣятеляхъ на поприщѣ русской исторіи были соразмѣрны трудности въ просовѣ, которые ожидаютъ рѣшенія.

О средствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. Составилъ *А. Гильфердингъ*. Спб. 1853.

Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ. Изслѣдовавшіи *А. Гильфердингъ*. Москва. 1858.

Первое изъ поименованныхъ здѣсь сочиненій г. Гильфердинга, въ первый разъ напечатано въ «Прибавленіяхъ» къ «Извѣстіямъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ» и потомъ издано отдѣльной книгой; второе есть не что иное, какъ продолженіе перваго и заключаетъ въ себѣ выводы объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ языковѣдѣе, освободясь отъ практическихъ цѣлей, сдѣлалось самостоятельной наукой, въ сравнительно-исторической части этой науки былъ большою пробѣгъ: не было основательно наслѣдовано отношеніе языка славянскаго къ санскритскому и къ другимъ родственнымъ языкамъ, т. е. къ язы-

камъ индо-европейской отрасли. Это произошло оттого, что сравнительно-историческое языковедѣніе было разрабатываемо преимущественно нѣмецкими писателями, мало знакомыми съ языкомъ славянскимъ. Дополнить такой важный недостатокъ есть обязанность славянскихъ и преимущественно русскихъ ученыхъ. Отношеніе славянскаго языка къ санскритскому и другимъ родственнымъ языкамъ интересно не только для русской, но и для европейской науки. На такомъ то видномъ поприщѣ является съ своими изслѣдованіями г. Гильфердингъ. Уже за одну мысль приняться за эти изслѣдованія должна быть ему благодарна наука. И г. Гильфердингъ выполнилъ эту мысль хотя далеко не вполне, чтб и невозможно съ перваго раза, но съ добросовѣстнымъ трудолюбіемъ и знаемъ дѣла.

Въ первомъ сочиненіи своемъ г. Гильфердингъ сравниваетъ звуки и ихъ соединенія въ языкѣ санскритскомъ со звуками и ихъ соединеніями въ языкѣ славянскомъ.

Санскритскій языкъ имѣетъ только три простыхъ гласныхъ: *а*, *и*, *у*. Съ теченіемъ времени изъ гласной *а* выдѣляются два новыхъ звука *е* и *о*, изъ которыхъ первый образуетъ какъ бы переходъ отъ *а* къ *и*, второй—отъ *а* къ *у*. Въ противоположность другимъ языкамъ европейскимъ (кроме готскаго и литовскаго) давшимъ перевѣсъ новымъ гласнымъ *е* и *о* надъ древними *а*, *и*, *у*, славяне въ значительномъ большинствѣ случаевъ удержали звуки первобытные: можно принять что на два славянскихъ корня, сохранившихъ древнія гласныя, приходится одинъ въ которомъ они перешли въ *е* или *о*. Мы замѣтимъ здѣсь, съ своей стороны, что для опредѣленія количественнаго отношенія гласныхъ звуковъ между двумя языками должно принимать въ разчетъ не одни корни, во весь составъ словъ: тогда результатъ можетъ получиться совершенно другой. Одни соединительныя гласныя *о* и *е* въ славянскомъ языкѣ составляютъ значительное количество. Съ другой стороны, екажемъ въ защиту г. Гильфердинга, что для опредѣленія ближайшаго родства между языками корни, какъ наименѣе измѣняемыя части словъ, важны прочихъ частей: наибольшее измѣненіе корней означаетъ наибольшее удаленіе одного языка отъ другого. Кроме общаго всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ перехода въ *е* и *о*, гласный звукъ *а* въ славянскомъ подвергся еще другому измѣненію: его стали произносить короче и неопредѣленно, стали его, такъ сказать, скрадывать и, такимъ образомъ, произошли два новыхъ звука, означаемые въ кирилловской азбукѣ начертаніями *ѣ* и *ь*. Слѣдую той формаци, которая произвела гласный звукъ *е*, т. е. приближаясь къ *и*, коренное *а* перешло въ *ѣ*; слѣдую формаци произведшей гласный звукъ *о*, т. е. приближаясь къ *у*, оно измѣнилось въ *ь*. На концѣ словъ скрадываніе гласнаго звука, т. е. обращеніе *а* въ *ѣ* и *ь*, *и* въ *ѣ*, *у* въ *ь*, составляетъ органическое, постоянное свойство языка славянскаго и въ грамматическомъ построеніи отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ языковъ индо-европейскихъ; но корни, въ которыхъ находятся *ѣ* и *ь*, не составляютъ и сотой доли всего лексическаго запаса языка славянскаго и имѣютъ характеръ не господствующаго закона, а исключенія. Зато не исключимъ, а общимъ закономъ славянской фонетики является употребленіе *а*-ра и *ѣ*-ря при *р* и *л*. Господство звуковъ *рѣ* и *лѣ* (или, по выраженію нѣкоторыхъ грамматиковъ, *р* и *л* гласныхъ) составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ свойствъ языка славянскаго. Ни въ одномъ изъ языковъ европейскихъ нѣтъ подобнаго явленія; но оно вполне развито въ языкѣ санскритскомъ, въ которомъ такъ называемый *и*-гласный точь-въ-точь соотвѣтствуетъ сла

вѣкоу *рз* и *лз* (звуки *р* и *л* въ смыслѣ этинологическомъ совершенно тождественны). Славянскій языкъ вѣрнѣе санскритскаго сохранилъ коренное *р*. Это объясняется тѣмъ, что во время, отъ котораго дошли до насъ письменные памятники, послѣдній началъ уже кое-гдѣ подвергаться порчѣ. Однако, эта порча, несмотря на то, что развилась въ языкѣ санскритскомъ преимущественно во время позднѣйшее, безъ сомнѣнн, началась въ доисторическую эпоху, когда славянское племя еще не отдѣлялось отъ индѣйскаго: потому подлѣ формъ, сохранившихъ коренное *р*, существуютъ и у славянъ такія, которыя его потеряли и еходствуютъ съ санскритскими. Сверхъ того, сравнивая славянскій языкъ съ санскритскимъ, вслѣдствіе подвижности гласныхъ звуковъ, мы находимъ въ немъ довольно часто переходъ *а* въ *и*, *а* въ *у*, *у* въ *и* и обратно. Присовокупленіемъ *а* (короткаго) и *û* (долгаго) къ гласнымъ *i*, *i*, *и*, *û* для усиленія ихъ въ санскритскомъ языкѣ образуются двогласныя *ai*, *ai*, *au*, *au*. Этими четырьмя санскритскимъ двогласнымъ въ славянскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ два звука: *ъ*, заступающее санскритское *é(ai)* и *ai*, и *ы*, заступающее *ô(au)* и *au*. *Ъ* есть усиленіе кореннаго *i* приставкою гласнаго звука *а*, который слился съ нимъ въ одинъ звукъ; *ы* такимъ же путемъ образовалось изъ *и*. Переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ составляютъ звуки *ј* и *ѵ*, будучи только видоизмѣненіемъ гласныхъ *i* и *и*. Въ славянскомъ языкѣ эти звуки, особливо первый, имѣютъ весьма важное значеніе. Славянскія нарѣчія, преимущественно же новѣйшія, но терпятъ гласныхъ въ началѣ словъ; потому они либо смягчаютъ ихъ (т. е. соединяютъ ихъ съ *ј*), либо приставляютъ къ нимъ букву *б*. Законъ смягченія и стремленіе осуществить его присутствовали одинаково въ языкахъ санскритскомъ, литовскомъ и славянскомъ, но въ дѣйствительности смягченіе проявилось въ нихъ уже послѣ ихъ обособленія и во въ равной силѣ: языкъ санскритскій представляетъ его въ зародышѣ, но въ историческомъ ходѣ, произведемъ изъ него пракритское нарѣчіе, оное развилъ первую степень смягченія, которой подверглись согласныя *д* и *т*; языкъ литовскій стоитъ наравнѣ съ пракритскимъ; но въ историческомъ ходѣ, образовавшемъ латышскій языкъ, явилось въ немъ смягченіе звуковъ гортанныхъ в шипящихъ, а звуки *д* и *т* подчинились смгччию вторичному; наконецъ, славянскій языкъ, въ которомъ имѣютъ мѣсто вѣ означенныя явленія, развилъ и третью степень, овладѣвшую звукомъ *р* (смягчающимся въ *рж*, *и*) и губными согласными (смягчающимися приставкой *л*). Весьма замѣчательнѣ—прибавляетъ г. Гильфердингъ—этотъ параллельный ходъ смягченія у индѣйцевъ, литовцевъ и славянъ: такъ какъ ничего подобнаго нѣтъ въ прочихъ языкахъ индо-европейскихъ, то нельзя не признать, что въ рѣчи этихъ трехъ племенъ есть какое-то общее звуковое устройство. Мы думаемъ, съ своей стороны, что прежде, чѣмъ дѣлать такое рѣшительное заключеніе, г. Гильфердингу надобно было наслѣдовать, нѣтъ ли подобнаго явленія и въ другихъ языкахъ индо-европейскихъ. Въ греческомъ языкѣ подобное смягченіе составляетъ такъ вазываемый *зетаизмъ*. Смягченіе замѣчаемъ въ средневѣковой латыни: именно, *zobolas* вмѣсто *diabolus*. Въ историческомъ развитіи итальянскихъ нарѣчій изъ языка латинскаго видимъ постоянное увеличеніе смягченія. Зендскій языкъ часто представляетъ смягченіе тамъ, гдѣ оно есть въ славянскомъ и латышскомъ, но гдѣ его нѣтъ ни въ санскритскомъ, ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ: именно, санскритская *hima*, греческое *χεῖμων*, латинское *hiems*, славянское *зима*, литовское *zieta*, зендское *zjas*; санскритское *bhumi*, греческое *χαῖ(αι)*, латин-

ское *humus*, славянское *земь, земля*, латышское *zieme*, зендское *zēm*; санскритское *aham*, греческое *εγώ*, латинское *ego*, славянское *азь*, литовское *isz*, латышское *es*, зендское *azem*. Касательно этого предмета мы отсылаем наших читателей къ двумъ сочиненіямъ: разсужденію г. Каткова «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», и къ разсужденію г. Новикова «О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій». Вообще г. Гильфердингъ не любитъ ссылаться на сочиненія другихъ ученыхъ. Между тѣмъ мы дуаемъ, что ему никакъ нельзя было обойти превосходнаго сочиненія г. Каткова. Да и вообще, прежде, чѣмъ рѣшать данный вопросъ науки, должно показать, въ какой степени развитія находится рѣшеніе его въ настоящее время. По поводу носовыхъ звуковъ, соотвѣствующихъ въ славянскомъ и латинскомъ языкахъ санскритской *анусваръ*, которая употребляется въ корняхъ передъ шипящими согласными, и придыханіемъ *h* и кромѣ того по общепринятому правописанію и произношенію замѣняетъ *n* и *m* передъ всѣми другими согласными на концѣ словъ, г. Гильфердингъ дѣлаетъ такое же заключеніе о ближайшемъ родствѣ языковъ санскритскаго, латышскаго и славянскаго. Но носовые звуки мы замѣчаемъ также въ языкахъ греческомъ, латинскомъ и въ итальянскихъ нарѣчійхъ. Тамъ носовые звуки являются и выпадаютъ—точно такое же явленіе, какъ въ языкѣ славянскомъ. Напримѣръ, греческое *λαβῆν, λαβάνω*, латинское *cosol, consul*, санскритское *abhi*, греческій *αμφί*, латинское *ambo*, санскритское *masa*, латинское *mensis*. Если въ славянскомъ языкѣ носовой звукъ имѣетъ одно начертаніе съ предъидущимъ гласнымъ звукомъ, а въ греческомъ и латинскомъ онъ изображается особенной буквой, то здѣсь различіе только въ начертаніи, въ буквѣ, а не въ звукѣ. То же заключеніе выводитъ г. Гильфердингъ изъ сравненія шипящихъ звуковъ и изъ перехода звуковъ *k* и *g*, *ч* и *ж(дж)* въ языкахъ санскритскомъ и славянскомъ. Санскритскій языкъ имѣетъ три шипящихъ согласныхъ: *ç, ш, с*. Звукъ *ç* не имѣетъ аналогіи ни въ одномъ изъ языковъ европейскихъ. По своему происхожденію, онъ есть видоизмѣненіе древняго *k*, которое и соотвѣтствуетъ ему постоянно въ языкѣ греческомъ, латинскомъ и кольтскомъ; германскія нарѣчія замѣняютъ *ç* звуками, образовавшимися изъ *k*, вслѣдствіе извѣстныхъ фоветическихъ законовъ. У славянъ же и литовцевъ находимъ, что, въ одной половинѣ словъ, *ç*, какъ въ прочихъ языкахъ европейскихъ, замѣняется гортаянымъ *k* (или *ц, ч*, видоизмѣненіями *k*), въ другой—шипящими *с, ш*. Это показываетъ, что развитіе звука *ç* изъ первобытнаго *k* началось, когда уже обособились отъ общаго индо-европейскаго корня племена кельтское, греческое и германское, но когда славяне и литовцы еще жили вмѣстѣ съ предками индѣйцевъ; но это развитіе продолжалось и послѣ того, какъ славяне и литовцы выдѣлились изъ семьи, такъ-что они унесли съ собою много словъ съ кореннымъ *k*, въ которыхъ потомъ языкъ санскритскій замѣнилъ его звукомъ *ç*. Подобнымъ образомъ—говоритъ г. Гильфердингъ—слѣдуетъ, кажется, предположить, что звуки *ч* и *дж* въ санскритскомъ языкѣ стали появляться вмѣсто *k* и *g* въ эпоху, послѣдовавшую за отдѣленіемъ племенъ греческаго, латинскаго, кельтскаго и германскаго, однако еще въ то время, когда литовцы и славяне не начинали самобытной жизни, но что образованіе ихъ не кончилось при обособленіи этихъ послѣднихъ, почему славянскій языкъ и удержалъ нерѣдко *k* и *g* тамъ, гдѣ санскритскій потомъ превратилъ ихъ въ *ч* и *дж*. Далѣе г. Гильфердингъ сравниваетъ прочіе согласные звуки и соединенія звуковъ въ язы-

какъ санскритскомъ и славянскомъ и заключаетъ слѣдующими выводами: 1) что въ славянскомъ языкѣ находится болѣе, нежели въ прочихъ языкахъ европейскихъ, корпей и словъ, родственныхъ съ санскритскими; 2) что всё славянскія нарѣчія сохранили въ одинаковой мѣрѣ древнія слова, восходившія до эпохи первобытнаго единства семьи индо-европейской; 3) что языкъ славянскій, взятый въ цѣлости, не отличается отъ санскритскаго никакимъ постояннымъ, органическимъ измѣненіемъ звуковъ, равно какъ и языкъ литовскій, тогда какъ всё прочіе индо-европейскіе языки подчинились разнымъ звуковымъ законамъ, которые исключительно свойственны каждому изъ нихъ въ отдѣльности; 4) что ближайшее родство языковъ санскритскаго, литовскаго и славянскаго еще яснѣе доказывается тѣмъ, что въ нихъ равномерно развиты многіе звуки, чуждые прочимъ вѣтвямъ индо-европейскаго племени, каковы въ особенности: носовые звуки *ç*, замѣняющее коренное *k* (санскритское *ç*), *ч* и (*ж дж*), и наконецъ *р*-гласный (славянскій *рз*); 5) что смягченіе согласныхъ составляетъ также одно изъ тѣхъ свойствъ, которыя связываютъ тѣснѣйшимъ родствомъ славянскій языкъ съ литовскимъ и санскритскимъ и отдѣляютъ отъ нихъ соплеменные вѣтви.

Второе сочиненіе г. Гильфердинга есть не что иное, какъ повтореніе тѣхъ же самыхъ выводовъ, основанныхъ на сравненіи звуковъ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, формъ грамматическихъ. Упомянувъ вкратцѣ объ извѣстнѣйшихъ трудахъ по части сравнительно-историческаго языковеденія и сдѣлавъ различіе между *постоянными*, или *органическими*, и *случайными* измѣненіями звуковъ, г. Гильфердингъ перебираетъ всё языки индо-европейскіе: зендскій, греческій, албанскій, латинскій, осскій, умбрійскій, германскій, кельтскій, обозначая, канія произошли отъ нихъ органическія видоизмѣненія въ звукахъ. Затѣмъ г. Гильфердингъ приводитъ уже знакомые намъ *пять главныхъ звуковыхъ законовъ*, которыми славянскій и литовскій языки связываются съ санскритскимъ и отдѣляются отъ прочихъ языковъ родственныхъ, т. е.: 1) *р*-гласный (славянскій *рз*, *лз*); 2) носовые звуки (санскритскій *анусвара*); 3) *ç*, замѣняющее коренное *k* (санскритскій *ç*); 4) переходъ *k* и *g* въ *ч* и *ж*; 5) смягченіе. Затѣмъ приводятся образцы сближенія корней и словъ славянскихъ и литовскихъ съ санскритскими. Г. Гильфердингъ заключаетъ свое сочиненіе сравненіемъ нѣкоторыхъ формъ въ склоненіи именъ существительныхъ и въ спряженіи глаголовъ въ языкахъ славянскихъ и санскритскихъ; но это сравненіе такъ неполно, такъ отрывочно, что изъ него невозможно получить никакого понятія объ *отношеніи славянскаго языка къ языкамъ родственнымъ* касательно грамматическаго состава. Между прочимъ г. Гильфердингъ исчисляетъ совершенно догматически и безъ всякаго основанія логическія формы глагола, опредѣляемая *временемъ* (*времена*), *отношеніями* дѣйствія къ лицу, которое его производитъ либо ему подвергается; или къ другому дѣйствію (*наклоненія* и *залог*), *количествомъ* и наконецъ *качествомъ* дѣйствія (*виды*). Здѣсь г. Гильфердингъ обнаруживаетъ незнакомство даже съ Беккеромъ. Онъ поставилъ *времена* и *наклоненія* подъ разныя категоріи, между тѣмъ какъ они вмѣстѣ съ *лицами*, которые г. Гильфердингъ совершенно опустилъ изъ виду, показываютъ отношеніе сказуемаго къ лицу говорящему и составляютъ формы вообще сказуемаго, а не глагола только; *наклоненія* же и *залог* поставилъ въ одну категорію, между тѣмъ какъ *залог* и *виды*---

собственно глагольным формы: залогом показывают отношение действия к предметам (относительное свойство действия), а виды — внутреннее, безотносительное свойство действия самого по себе. Г. Гильфердинг говорит, что виды в славянском языке выражают категорию качества: неужели и кратность действия есть качество, а не количество?

Мы проследили вкратце содержание обоих сочинений г. Гильфердинга, сделав некоторые частные замечания. Скажем теперь наше мнение об основной мысли обоих сочинений и о достоинстве каждого из этих сочинений в отдельности.

Г. Гильфердинг усиливается сблизить славянский и литовский языки с санскритским и составить из них одну — *восточную* — ветвь языков индо-европейских, в противоположность другой — *западной* — ветви той же отрасли. Что славяне и литовцы после вышли из своей азиатской прародины, нежели прочие народы Европы, в этом, кажется, нет сомнения. Къ филологическим доказательствам г. Гильфердинга, впрочем далеко не вполне убедительным, мы прибавим еще доказательство историко-географическое. Все европейские народы пришли в Европу через Кавказские ворота; славяне и литовцы живут на восток Европы: следовательно, они пришли в нее после всех. Итак, если вследствие позднейшего прихода в Европу, славяне и литовцы в языке своем сохранили более сходства с языком санскритским, удержав и такие звуки, которые развились в языке санскритском уже после отделения от индийского племени других европейских народов, то это только доказывает, что они дольше жили в своей азиатской прародине, — и больше ничего. Но г. Гильфердинг выводит другое, гораздо отдаленнейшее заключение:

«Соплеменные языки западные, получивши прежде самостоятельную жизнь, вынесли из древняго единства стихии менее определенные и от того поддались так легко, уже на своей почве, каждый совершенно особенным склонностям. Все эти языки давно исчезли и оставили по себе вторичные наречия, тогда как на восток еще живут и процветают два великие языка первичаго образования — славянский и литовский: уж не произошла ли смерть первых от того, что они рано начали жить сами по себе и, *отделившись прежде полного развитія*, должны были многое выработать собственными силами и *тѣмъ скоро истощились*? А долговѣчность языков литовскаго и славянскаго, не совпадает ли она с их поздним обособлением и богатством вынесеннаго из Азии звуковаго наслѣдства, котораго восполнять имъ не было нужды? И наконецъ этотъ различный характеръ индо-европейской рѣчи въ западной Европѣ и въ восточной не соответствует ли историческому характеру двухъ великихъ половинъ Европы? На той же сторонѣ, гдѣ находимъ раннее обособленіе языка и господство частныхъ звуковыхъ законовъ, мы видимъ и преобладаніе *личности* надъ *общиною*, и скорѣйшее развитіе, которому помогло это преобладаніе личности; а на другой сторонѣ позднее отдѣленіе языка славянскаго и его вѣрность звукамъ, вынесеннымъ изъ доисторической родины, изъ Азии, не согласно ли съ медленнѣйшимъ ходомъ славянскаго племени, въ которомъ менее высказывалась личность, но крѣпче хранилось общественное начало?»

Итакъ, развитіе романскихъ языковъ изъ латинскаго произошло оттого, что латинскій языкъ отделился отъ санскритскаго прежде полного развитія и скоро

истощился! Г. Гильфердингъ говоритъ о славянскомъ языкѣ, какъ о языкѣ первичнаго образованія. Но мы не знаемъ такого языка; мы знаемъ только славянскія нарѣчія: первичный же славянскій языкъ, изъ котораго они произошли, намъ неизвѣстенъ. Слѣдовательно, различіе здѣсь только въ томъ, что языкъ, отъ котораго произошли, напримѣръ, романскія нарѣчія, оставилъ по себѣ богатую литературу, а первоначальный славянскій языкъ, отъ котораго произошли славянскія нарѣчія, не оставилъ по себѣ никакихъ памятниковъ. Г. Гильфердингъ говоритъ, что «Славяне обратили творческую силу языка своего не на вещественную его сторону, не на звуки, которые остались у нихъ, какъ были, а на выраженіе мысли, на внутреннее опредѣленіе глагола, самой живой и духовной стихіи нашего слова». Итакъ, звуковое измѣненіе языка соотвѣтствуетъ развитію личности, а измѣненіе глагола—крѣпости общественнаго начала! Вотъ до какихъ несообразностей доводитъ и людей, добросовѣстно трудящихся для науки, заднія мысли.

Первое сочиненіе г. Гильфердинга есть трудъ дѣльный и добросовѣстный. Сочиненіе это не докончено и далеко еще не докончено. Если же его почитать конченнымъ, то должно переимѣнить его заглавіе, обозначивъ его, какъ сравненіе звуковъ въ языкахъ санскритскомъ и славянскомъ. Сравненіе полного грамматическаго состава этихъ языковъ еще ожидаетъ трудолюбивыхъ дѣлателей. Второе сочиненіе есть только извлеченіе изъ перваго и еще менѣе соотвѣтствуетъ своему заглавію. Если г. Гильфердингъ и хотѣлъ здѣсь изложить результаты, добытые имъ въ первомъ наслѣдованіи, то онъ долженъ бы былъ ограничиться показаніемъ *отношенія славянскаго языка къ санскритскому касательно звуковъ*. Г. Гильфердингъ измѣнилъ своему собственному намѣренію сравнивать первоначально славянскій языкъ съ каждымъ изъ другихъ индо-европейскихъ языковъ въ отдѣльности и слишкомъ рано взялъ на себя слишкомъ трудную задачу. Гораздо лучше, еслибъ второе сочиненіе его было не извлеченіемъ изъ перваго, а продолженіемъ его.

Несмотря на все это, труды г. Гильфердинга какъ сами по себѣ чрезвычайно замѣчательны и, конечно, обратятъ на себя вниманіе каждаго филолога, такъ въ особенности много общаются въ будущемъ. Г. Гильфердингу нужно только:

1) Изучить организмъ языка вообще. Въ опредѣленіи глагольныхъ принадлежностей онъ показалъ чрезвычайно сбивчивыя понятія. То же видимъ въ названіяхъ звуковъ. Г. Гильфердингъ называетъ звуки *д* и *т* *зубными*, между гѣмъ какъ другіе (также произвольно) называютъ ихъ *язычными*; звуки *ч* и *ж* онъ называетъ *нёбными*, между тѣмъ какъ ясно, что въ произношеніи ихъ нёбо нисколько не участвуетъ. (Мы думаемъ съ своей стороны, что всѣ согласные звуки должно раздѣлить на *зубные*, произносимые губами, наружнымъ органомъ рта, безъ помощи языка, и *язычные*, произносимые внутренними органами рта съ помощію языка, что язычные должно подраздѣлить на *нёбные*, произносимые языкомъ и нёбомъ, куда относятся такъ называемые гортанные, плавные и язычные, и *зубные*, произносимые языкомъ и зубами, куда относятся такъ называемые шипящіе, шелелеватые, свистящіе: законъ органическихъ противоположностей ясно выказывается здѣсь). Г. Гильфердингъ не оставилъ еще стараго обыкновенія *звуки* называть *буквами*. Организмъ языка долженъ быть свѣтильникомъ на пути сравнительно-историческихъ послѣдовацій.

2) Изучить отдѣльные языки, которые онъ желаетъ сравнивать, прежде, нежели выводить объ отношеніи ихъ между собою общіе и положительныя результаты.

3) Брать для сравненія слова изъ живой рѣчи, гдѣ они только и имѣютъ свой смыслъ, а не изъ лексиконовъ. Учиться языку по лексикону все равно, что по азбучному списку собственныхъ именъ учиться географіи. Притомъ должно дѣлать различіе и въ самыхъ памятникахъ. Напримѣръ, г. Гильфердингъ беретъ славянскія слова изъ Миклошвча и пишетъ *врѣхъ, дрѣзати*, а не *врѣхъ, дрѣзати*, какъ эти слова пишутся въ Острошровомъ Евангеліи, самомъ важнымъ памятникомъ языка славянскаго, откуда ихъ и слѣдовало брать.

При такихъ условіяхъ мы вполне надѣемся, что г. Гильфердингъ съ своими дарованіями и трудолюбіемъ принесетъ несомнѣнную пользу сравнительно-историческому языковѣдѣнію.

Комнатная магія или увеселительныя фокусы и опыты, основанныя на физикѣ и химіи. Сочиненіе Г. Ф. Амарантова. Москва 1854.

Умѣете ли вы «переносить воду въ рѣшетѣ?» Если не умѣете, «Комнатная магія» научитъ васъ этому:

«Стоитъ только накрыть верхъ рѣшета гладкою доскою (*мы прибавимъ: еще вѣрнѣе достигнете вы цѣли, если крѣпко обтянете верхъ рѣшета полотномъ, а потомъ уже на полотно положите доску*) и придерживать полотно, такъ чтобы воздухъ не могъ проходить. Если погрузить такимъ образомъ накрытое рѣшето въ воду, вь когда оно наполнится, опять вынуть (*опять прибавимъ: погружать рѣшето надобно бокомъ, а вынимать его не наклоняя на бокъ*), то вода, въ немъ находящаяся, не будетъ вытекать до тѣхъ поръ, пока не отнимется доска. Это объясняется тѣмъ, что воздухъ, давя снизу, препятствуетъ выходу воды, потому что присутствіемъ доски отстраняется противоудѣствующее давленіе вѣзду».

Изъ этого видно 1) что опыты и фокусы изложены въ «Комнатной магіи» въ совѣстѣ полно; 2) что они дѣйствительно основаны на физикѣ и химіи, а не на проворствѣ рувъ, и потому удобоисполнимы для каждаго желающаго ими заняться; 3) что поэтому взрослые и не взрослые дѣти могутъ довольно забавно проводить время при помощи «Комнатной магіи»; 4) что г. Амарантовъ имѣетъ похвальное стремленіе объяснять загадочныя явленія.

Умѣете ли вы «заставить среди зимы разцвѣсть въ комнатѣ вѣтвь, срубленную въ саду и замерзшую?» Ни вопроса этого, ни отвѣта на него въ «Комнатной магіи» мы не нашли; въ сотняхъ другихъ подобныхъ книжекъ вы найдете слѣдующій отвѣтъ: посадите замерзшую вѣтвь въ наполненное известью и водою ведро, и она распустится и расцвѣтетъ въ нѣсколько часовъ.

Изъ этого видно 1) что далеко не всѣ фокусы помѣщены въ «Комнатной магіи»; 2) что имѣя подъ руками нѣсколько подобныхъ книжекъ можно давать удовлетворительныя отвѣты и на такіе вопросы, которыхъ нѣтъ въ «Комнатной магіи».

Итакъ, предполагая, что у любителя подобныхъ задачъ есть достаточный запасъ книгъ, мы попросимъ его дать отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: на дняхъ вышла книжка подъ заглавіемъ—

Первая любовь. Повѣсть. Сочиненіе *А. К-ва*. Москва. 1854.

Повѣсть эта очень плоха, плоха такъ, какъ нельзя больше. Въ ней два злодѣя, изъ которыхъ одного, для эффекта, зовутъ Жукомъ; есть два эпизодическіе разсказа, написанные явно съ цѣлью соперничать съ «повѣстью о капитанѣ Копѣйкинѣ», даже подобно ей напечатанные съ особынъ заглавіемъ: вотъ образцы ихъ:

«Столоначальникъ и говорить: это, говорить, не такъ написано; говорить: надо вотъ такъ и такъ; тутъ вотъ, говорить, написано то, а надо вотъ то, и прочее, въ этомъ родѣ, понимаете...»

«Вхожу въ переднюю-сь. Танъ лакеище этакой неподвижный, знаете, мурлыстый такой, хватистый, грузный изъ себя. Кого вамъ? говорить.—Я говорю: барышню вотъ, говорю, платокъ отдать».

Есть добродѣтельный чудакъ, есть соблазнитель, есть преступный старивъ, есть ядъ, даже два раза, есть—что всего ужаснѣе—страшный юноръ... однимъ словомъ, читатель, вѣроятно, ужъ убѣдился въ качествахъ «Первой любви». Итакъ, предлагается слѣдующая задача:

«Какъ сдѣлать, чтобы книжка, заключающая въ своей оберткѣ «Первую любовь», была рѣдкимъ и замѣчательнымъ явленіемъ въ литературѣ?»

Неправда-ли; это кажется невозможно? А между тѣмъ это ужъ сдѣлано—на основаніи химіи, на основаніи физики, или на основаніи чего-нибудь другого, это пока все равно, но это сдѣлано. Какимъ же образомъ? вотъ какимъ:

«Первая любовь» есть рѣдкое и замѣчательное явленіе въ литературѣ, потому что, если не считать сѣробумажныхъ романовъ, подобныхъ «Бриліантовой лунѣ» и «Люби и вѣрности», эта книжка есть единственная русская книжка, содержащая въ себѣ беллетристическое русское произведеніе, появившаяся въ теченіе болѣе нежели полугода.

Теперь остается разрѣшить только вопросъ: какимъ образомъ русская литература въ теченіе болѣе нежели полугода могла произвести только одну книжку беллетристическаго содержанія?

Для многихъ отвѣтъ затруднителенъ; а для многихъ вовсе незатруднителенъ: «толстые журналы поглотили всю нашу беллетристику». Но почему же не поглощали прежде?

КРИТИКА.

Пѣсни разныхъ народовъ. Перевелъ *Н. Бергъ.* Москва. 1854.

Говорятъ, будто бы человѣкъ не бываетъ вичѣмъ доволенъ. Дѣйствительно, такъ иногда случается, и нельзя не сказать, что въ избытой фразѣ о ненасытности человѣка, о безграничности его требованій есть своя доля правды, какъ есть своя доля правды во всемъ, что когда нибудь было или будетъ сказано. Но гораздо болѣе справедливости въ противоположной мысли, которая слышится но столь часто: человѣкъ вообще чрезвычайно склоненъ къ самодовольству и, вслѣдствіе того, къ довольству всѣмъ, что считаетъ своимъ. Посмотрите, какъ неумѣренно каждый народъ превозноситъ свое участіе въ исторіи, какъ ставитъ онъ себя первымъ въ мірѣ народовъ! Для насъ, напримѣръ, постороннихъ, и потому до высокой степени безпристрастныхъ зрителей, забавно видѣть, какъ французы почитаютъ первую въ мірѣ литературою свою литературу, англичане свою, нѣмцы свою; мало этого, даже итальянцы до сихъ поръ продолжаютъ считать себя стоящими въ челѣ всемірнаго движенія, воображаютъ, будто бы ихъ поэты и ученые—не Данте или Аріосто, не Джордано Бруно или Галилей, нѣтъ, современные, неважные ни для кого, кромѣ самихъ итальянцевъ, поэты и ученые—первые двигатели умственного и нравственного міра. Послѣ этого легко будетъ оцѣнить и степень основательности притязаній каждаго новаго поколѣнія на безусловную справедливость стремленій своего вѣка. Безпрестанно повторяется старая исторія присужденія греками награды тому человѣку, который наиболѣе содѣйствовалъ побѣдѣ надъ Ксерксомъ: когда началась балотировка, каждый изъ присутствовавшихъ клалъ въ урну свое собственное имя. Мы не говоримъ, чтобы всѣ притязанія настоящаго поколѣнія на славу были несправедливы; мы даже не хотимъ рѣшать и того, справедливы ли притязанія нашего времени на первенство надъ всѣми предъидущими историческими эпохами, на безусловную справедливость того «духа вѣка», который вѣетъ нынѣ. Мы только хотимъ сказать, что похвала изъ собственныхъ устъ ненадежна, что самодовольство не ручается еще за справедливость и превосходство, что надобно ждать похвалы отъ другихъ, не опираясь на собственную, что истина не есть исключительная привилегія одного какого нибудь поколѣнія, и что полезнѣе подвергать строгому по возможности анализу свои понятія о «собственныхъ» достоинствахъ, нежели успокоивать свое самолюбіе фразами: «мы обладатели полной, всесторонней истины; всѣ наши предшественники ошибались; мы выше и лучше всѣхъ; наши стремленія безусловно

безопасны». Любовь къ себѣ такъ сильна, что можетъ нуждаться только въ разумномъ обузданіи, а не въ безотчетныхъ подстреканіяхъ.

Одно изъ любимыхъ обвиненій со стороны нашего вѣка противъ предыдущаго—«наши отцы и дѣды мало заботились о народности». Какъ полно прилагается теперь эта мѣрка самовосхваленія, напримѣръ, къ русской литературѣ! «Элементъ народности слабъ у Карамзина и Жуковского; потому содержаніе ихъ произведеній безконечно ниже того содержанія, какое находимъ въ современной литературѣ». Быть можетъ и справедливо, что въ наше время литература развила въ себѣ содержаніе болѣе высокое и живое, нежели какое влагалось въ нее нашими отцами; не хотимъ рѣшать этого вопроса, онъ можетъ быть рѣшенъ только послѣдующими поколѣніями, и для насъ было бы горько рѣшить его отрицательно. У кого поднимается рука на то, что кажется ему своимъ? Но если трудно для насъ признаться, что мы ниже нашихъ отцовъ, что

«Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума в слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,
Нв гешемъ вачатаго труда.
И прахъ нашъ съ строгостью судья и гражданина
Потомовъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ»,

если намъ трудно отказаться отъ претензій на превосходство, то, быть можетъ, не такъ тяжело для насъ взглянуть, дѣйствительно ли наше превосходство основывается на тѣхъ стремленіяхъ, которыя считаются отличительными чертами нашего вѣка и которыми такъ гордится нашъ вѣкъ.

Исключительное развитіе племенныхъ особенностей и общечеловѣчность—противуположные элементы; стремленіе къ одному изъ нихъ необходимо обращается въ ущербъ пристрастію къ другому. Въ окончательномъ результатѣ, правда, народность развивается соразмѣрно развитію общечеловѣчности: только образованіе даетъ индивидуальности содержаніе и просторъ; варвары все сходны между собою; каждая изъ высоко-образованныхъ націй отличается отъ другихъ рѣзко обрисованною индивидуальностью. Потому, заботясь о развитіи общечеловѣческихъ началъ, мы въ то же время содѣйствуемъ развитію своихъ особенныхъ качествъ, хотя бы вовсе о томъ не заботились. Исторія всехъ націй свидѣтельствуетъ объ этомъ. Французскій характеръ выработался только тогда, когда подъ древне-классическимъ, итальянскимъ и испанскимъ влияніемъ развилось во Франціи общее образованіе: Рабле, Корнель и Мольеръ—чистые французы; между тѣмъ французскіе трубадуры и труверы чрезвычайно мало отличаются отъ средневѣковыхъ пѣвцовъ остальныхъ земель западной Европы. То же самое надобно сказать объ англичанахъ и нѣмцахъ: Шекспиръ явился, когда все въ Англіи заботилось о древне-классической и итальянской литературѣ; Лессингъ, Гете и Шиллеръ были воспитаны не изученіемъ средневѣковой поэзіи, а влияніемъ древне-классической и англійской образованности и литературы. Развитіе самостоятельности идетъ вслѣдъ за образованностью. Истина, по видимому, очень простая. О ней и не говорили сто или даже шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И мы не знаемъ, до какой степени слѣдуетъ нашему времени гордиться тѣмъ, что стало необходимо напоминать о ней.

Совершенно къ другому результату приводитъ то, когда преимущественное вниманіе обращается на развитіе содержанія специально принадлежащаго тому или другому народу. Эта племенная особенность не можетъ быть понимаема иначе, какъ

сѣиха тѣхъ особенностей, которыми извѣстная нація на извѣстной степени развитіи отличается отъ остальныхъ народовъ, и преимущественно отъ образованныхъ народовъ, потому что, какъ мы говорили, необразованные народы существенно не отличаются другъ отъ друга. Заботясь о развитіи столь исключительнаго содержанія, необходимо становишься въ отталкивающее положеніе противъ общечеловѣчныхъ эlementовъ; временное и случайное проявленіе становится въ этомъ случаѣ выше общаго начала, форма выше содержанія. Въмѣсто движенія превозносится застой, вмѣсто живаго духа начинаетъ господствовать мертвая буква. Если мы захотѣли найти поразительный примѣръ всего этого въ ближайшихъ временахъ и земляхъ, мы должны были бы припомнить грустную исторію тевтоноаші, которая нанесла такъ много вреда блистательно начавшемуся возрожденію Германіи, которая заглушила благородныя сѣмена жизни, посѣянные императоромъ Іосифомъ II, Фридрихомъ Великимъ, Лессингомъ, Кантомъ, Шиллеромъ. Здѣсь было бы неумѣстно повторять исторію жалкаго нѣмецкаго романтизма въ наукѣ и литературѣ и выказывать его внутреннюю слабость и несообразность. Все это уже было краснорѣчиво высказываемо на русскомъ языкѣ, и желающіе припомнить давно читанное, но въ послѣднее время позабытое многими, лучше всего сдѣлаютъ, если обратятся къ изученію тѣхъ понятій, которыя были высказываемы въ эпоху Лермонтова и Гоголя. Возвращаясь къ примѣру, нами представленному, укажемъ только на состояніе нѣмецкой литературы въ настоящее время. Она наводнена переводами домасовскихъ романовъ. Вотъ къ чему привела тевтономанія: она, думая возвысить специальную самостоятельность въ литературѣ, убила ее; трудами Шлегелей, Тика и т. д. нѣмецкая литература приведена совершенно въ то же состояніе, отъ котораго избавили ее гуманическія усилія Лессинга; разница развѣ только въ томъ, что въ нынѣшній разъ упала она гораздо ниже того уровня, на которомъ стояла до Лессинга, въ эпоху Виланда. Такое печальное слѣдствіе необходимо, и объясняется очень просто. Забота объ оригинальности губитъ оригинальность; истинно самостоятеленъ только тотъ, кто и не думаетъ о возможности быть не саностоятельнымъ. Толкуетъ объ энергіи своего характера только слабохарактерный, боится подчиняться чужому влиянію только тотъ, кто чувствуетъ, что его легко подчинить. Прочно мы владѣемъ только тѣмъ, чего не боимся потерять. Итакъ хлопоты о самостоятельности служатъ уже признакомъ отсутствія самостоятельности. Сознательная забота объ оригинальности есть забота о формѣ. У кого есть содержаніе, тотъ не будетъ хлопотать, чтобъ отличиться оригинальностью. Онъ не можетъ не быть оригиналенъ, потому и не думаетъ объ этомъ. А забота о формѣ приводитъ къ пустотѣ и ничтожности. За ничтожностью слѣдуетъ подчиненіе.

Поклоненіе народной поэзіи болѣе всего основывается на подобныхъ заботахъ о томъ, чтобы «литература прониклась своеобразнымъ содержаніемъ». Высказанія нами убѣжденія достаточно свидѣлствуютъ, что мы не увлекаемся безпредѣльнымъ пристрастіемъ къ народнымъ нѣснямъ. Мы не думаемъ ставить, какъ это дѣлаютъ многіе, цыганскаго хора выше оперы или концерта. «Ай, вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ» выше моцартовской или россиніевской аріи, не считаемъ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореній» Кирши Данилова выше «Стихотвореній Пушкина». Намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго, исключительные почитатели народной поэзіи, въ томъ числѣ и г. Бергъ, могутъ упрекнуть насъ въ холодности къ ней, и никто не причисляетъ насъ къ ихъ разряду. Итакъ, если въ продолженіи нашей

статьи мы должны будем высказать о достоинствах народной поэзии сужденія, которыя для незнакомыхъ съ нею близко могутъ показаться слишкомъ высокими, то читатели могутъ быть увѣрены, что высокое уваженіе къ народной поэзии вызывается въ насъ только требованіями справедливости, а не безотчетнымъ пристрастіемъ и никакими нибудь посторонними соображеніями, какъ это часто бываетъ.

Отношеніе народныхъ пѣсень къ произведеніямъ письменной литературы почти совершенно соотвѣтствуетъ отношенію періода, въ которомъ онѣ развиваются, къ характеру послѣдующаго развитія народа. «Крайне трудно опредѣлить — говорить г. Бергъ — при какихъ именно условіяхъ является хорошая пѣсня у народа. Если скажутъ: у народа, способнаго къ литературѣ—можно указать случаи, гдѣ хорошая пѣсня является вовсе не у литературнаго народа. Если скажутъ: у благодѣвствующаго—и тутъ можно найти опроверженіе, и выставить случаи, гдѣ неблагоденствіе вакъ будто помогаетъ явленію лучшей пѣсни. Новая Греція тогда запѣла свои прекрасныя клефтическія пѣсни, когда нагрянули турки, и внесли въ Морею смерть и опустошеніе. Можетъ быть, нѣтъ ничего столь прихотливаго какъ пѣсня». Совершенно справедливо, что степень развитія народной поэзии у извѣстнаго народа не опредѣляется ни послѣдующимъ богатствомъ его литературы, ни его благоденствіемъ. Но самъ г. Бергъ опредѣляетъ время процвѣтанія народной поэзии, говоря: «всегда движеніе цивилизаціи уничтожало пѣсню. Являясь у народа младенчествуящаго, но чуткаго къ своему слову (?), пѣсня впоследствии замѣнялась произведеніями отдѣльныхъ лицъ. Простой человѣкъ терялъ къ ней привязанность и забывалъ ее для новыхъ романсовъ». Итакъ народная поэзія принадлежитъ спеціально младенческому періоду народной жизни. Этого общепринятаго опредѣленія однако недостаточно. Не у всѣхъ младенчествуящихъ народовъ есть прекрасная и богатая народная поэзія. Чѣмъ же обусловливается ея разцвѣтъ? Энергією народной жизни. Только тамъ являлась богатая народная поэзія, гдѣ масса народа (нѣтъ надобности прибавлять, что слово *народа* мы здѣсь принимаемъ въ смыслѣ націи, племени, говорящей однимъ языкомъ) волновалась сильными и благородными чувствами, гдѣ совершались сплю народа всякія событія. Такими періодами жизни были у испанцевъ войны съ маврами, у сербовъ и грековъ войны съ турками, у малоруссовъ войны съ поляками. Прослѣдимъ ближе характеръ младенчествуящаго народа, чтобы справедливымъ образомъ оцѣнить достоинство произведеній, выражающихъ понятія и высказывающихъ жизнь того времени; потомъ взглянемъ на причины паденія народной поэзии, чтобы видѣть, почему не удовлетворяется ею народъ, какъ скоро начинаетъ цивилизоваться.

Одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка высказалъ идею о томъ, что высшая степень развитія по формѣ совпадаетъ съ совершенною неразвитостію, существенно отличаясь отъ нея содержаніемъ. Въ приложеніи къ исторіи такая идея оказывается совершенно справедливою. Мы видимъ теперь, что конечный результатъ историческаго развитія состоитъ въ тѣснѣйшемъ сближеніи всѣхъ членовъ націи въ одно плотное духовное цѣлое. Таково же положеніе людей до начала цивилизаціи. Все младенчествуящее племя проникается совершенно одинаково духовною жизнью. Въ народѣ необразованномъ масса понатій такъ незначительна, что семейныя преданія, патріархальныя наставленія старшихъ въ семействѣ совершенно достаточны для того, чтобы познать каждого изъ членовъ патріархальнаго общества со всею массою пдѣй и познаній, врашающихся въ обще-

ствъ. Нѣсколько наблюденій надъ свойствами травъ, нѣсколько правилъ относительно обращенія съ больнымъ или раненымъ,—и патриархальный человѣкъ постигъ всю премудрость отечественной медицины; нѣсколько именъ самыхъ яркихъ звѣздъ и созвѣздій,—и патриархальный человѣкъ знаетъ все, что извѣстно его соплеменникамъ объ астрономіи. То же самое должно сказать относительно удобствъ и образа жизни. Ихъ такъ мало, что самые могущественные, самые богатые члены патриархальнаго общества живутъ почти совершенно также, какъ и вся масса народа. Вспомнимъ о гомеровыхъ герояхъ, которые сами готовятъ кушанье, которыхъ жены и дочери сами ткуть и шьютъ платье, сами его моютъ. Нераздѣленные отъ остальной массы населенія ни привычками къ особенному образу жизни, ни степенью образованности, высшіе классы общества сливаются съ другими въ одно цѣлое, неразрывное по своимъ чувствамъ и стремленіямъ. Не отталкиваемая различіемъ понятій и образа жизни изъ постоянныхъ и домашнихъ соотношеній съ могущественнѣйшими членами общества, остальная масса не принуждена сознать своего ничтожества. Напротивъ, каждый членъ племени проникнутъ чувствомъ собственного достоинства. Оно всегда сильно развито въ младенчествующемъ обществѣ. Удобствъ жизни почти совершенно не существуетъ; всѣ привыкли довольствоваться самымъ простымъ удовлетвореніемъ первѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Потому нищета и соединенныя съ нею чувства замѣчаются рѣдко. Въ сущности всѣ бѣдны, но этого никто не сознаетъ, никто этимъ не тяготится. Общественныя отношенія таковы, что масса населенія принимаетъ непосредственное участіе въ дѣлахъ (вспомнимъ о характерѣ общественнаго устройства у германцевъ и славянъ при ихъ появленіи въ исторіи); національные вопросы такъ просты и близки къ выгодамъ каждаго, что каждый членъ племени вполне понимаетъ ихъ и принимаетъ въ нихъ самое живое участіе. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы эти ограничиваются нападеніями на сосѣдей для грабежа или защитою собственнаго имущества отъ раззореній. Однимъ словомъ, вся масса народа составляетъ однообразное цѣлое, въ которомъ каждый отдѣльный членъ совершенно подобенъ другимъ. При всеобщности чувства собственнаго достоинства, патриархальное общество вообще проникнуто какою-то нравственною возвышенностью; при всеобщей самостоятельности и участіи въ національныхъ дѣлахъ, каждый членъ его представляется мыслителемъ, мудрецомъ; вообще, каждый привыкъ жить умственно и нравственно, привыкъ имѣть какую-то возвышенную, благородную настроенность духа. Кроме того, по малочисленности развитыхъ потребностей, по самой малочисленности способовъ пріискивать имъ удовлетвореніе, по многимъ другимъ обстоятельствамъ, у каждаго остается очень много времени, свободнаго отъ физическихъ работъ. Такимъ образомъ у народа, находящагося на степени патриархальности, существуютъ всѣ условія поэтическаго настроенія духа, и нужно только, чтобы какія нибудь событія возбудили энергію въ народѣ, дали пищу его нравственной жизни, тогда необходимо возникаетъ могущественная народная поэзія. Мы говорили, что умственная и нравственная жизнь для всѣхъ членовъ такого народа одинакова, потому и произведенія поэзіи, порожденной возбужденіемъ такой жизни, одинаково близки и понятны, одинаково милы и родственны всѣмъ членамъ народа.

Итакъ народная поэзія возникаетъ при отсутствіи рѣзкихъ различій въ умственной жизни народа, и тѣснѣйшимъ образомъ связана съ патриархальнымъ бытомъ. При выходѣ изъ этого быта, при самомъ началѣ цивилизаціи, народъ распадается на различныя подраздѣленія, изъ которыхъ каждое отличается отъ осталь-

ныхъ степенью образованности, образомъ жизни и т. д. Это — первое явленіе въ исторіи народнаго развитія. Имъ разрушаются вой условія существованія общенародной поэзіи. Здравый смыслъ едва ли допускаетъ идею о томъ, что необходимость цивилизаціи нуждается въ доказательствахъ, что неизмѣримое превосходство цивилизованнаго быта надъ варварскимъ или полуварварскимъ можетъ подлежать сомнѣніямъ. Но какъ и все на венѣ, развитіе цивилизаціи сопровождается не одними выгодами. Какъ первые лучи солнца озаряютъ только вершины горъ, и проходить долгое время, пока они достигнутъ низменныхъ долинъ, такъ и цивилизаціею сначала проникаются одни только могущественнѣйшіе, высшіе члены общества. Большинство остается въ прежнемъ бытѣ. Мало того; время и силы его все болѣе и болѣе поглощаются чисто физическимъ трудомъ. Всѣ условія поэтической настроенности исчезаютъ; нѣтъ и содержанія для народной поэзіи съ тѣхъ поръ, какъ масса народа перестала быть живою и сознательною участницею національныхъ предпріятій. Народная поэзіи увядаетъ и гибнетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ этой чисто литературной точки зрѣнія цивилизація можетъ представляться въ невыгодномъ свѣтѣ. Потому-то приверженцы поэзіи, принадлежащей патриархальному быту, могутъ быть и часто бываютъ возбуждаемы къ непріязни противъ цивилизаціи соображеніями, вытекающими изъ благороднаго образа мыслей. Тѣмъ не менѣе ихъ понятія никогда не могутъ заслужить одобренія. Они существенно ошибочны.

Люди, познакомившіеся съ выгодами и прелестью цивилизаціи, нивакимъ образомъ не могутъ быть приведены къ тому, чтобы отказаться отъ нея. Ихъ отвѣтъ всегда будетъ одинъ и тотъ же: «вкусивъ сладкаго, мы отвратились отъ горькаго»; и потому всѣ сожалѣнія о паденіи патриархальнаго быта и, чтобы спеціальнѣе говорить о нашемъ предметѣ, объ увяданіи народной поэзіи, совершенно бесполезны.

Существенныя качества народной поэзіи, достойной своего имени, очевидны изъ качествъ народа, которому она принадлежитъ, изъ обстоятельствъ ея происхожденія и роли, какую играетъ она въ народной жизни. Народная поэзія развивается только у народовъ энергическихъ, свѣжихъ, полныхъ кипучей жизни, искренности, достоинства и благородства. Потому она всегда полна свѣжаго, энергическаго, истинно поэтическаго содержанія. Она всегда возвышенна, цѣломудренна, если можно такъ выразиться, чиста, проникнута всѣми началами прекраснаго, которые вполнѣ развиваются въ человѣкѣ, правда, только цивилизаціею, но которые, однако же, лежатъ въ сущности нашей нравственной организаціи, потому инстинктивно владычествуетъ человѣкомъ, если онъ не испорченъ неблагоприятными обстоятельствами. Она принадлежитъ цѣлому народу, потому чужда всякой мелочности и пустоты, которой въ неиспорченномъ народѣ можетъ поддаваться только отдѣльный человѣкъ, а не цѣлая масса; она вообще полна жизни, энергіи, простоты, искренности, дышетъ нравственнымъ здоровьемъ. Каково ея содержаніе, такова и форма ея: проста, безыскусственна, благородна, энергична. Г. Бергъ говоритъ: «Первое, почему народная пѣсня заслуживаетъ вниманія образованнаго человѣка, есть достоинство ея языка, свѣжаго, яркаго, нескаженнаго чуждымъ вліяніемъ». Мы совершенно согласны, что она обладаетъ этимъ достоинствомъ, но думаемъ, что оно въ ней уже второстепенное, какъ всѣ достоинства формы въ произведеніяхъ поэзіи вообще, и само есть слѣдствіе свѣжести, яркости, и самостоятельности ея

содержанія. Такимъ образомъ въ народной поэзіи мы находимъ несравненно высшее достоинство, нежели какое указываетъ даже г. Бергъ, ея страстный поклонникъ.

Чрезвычайно высокое поэтическое достоинство народной поэзіи обнаружилось для всѣхъ знающихъ людей съ тѣхъ поръ, какъ доказано было, что гомеровы поэмы не болѣе, какъ сборники народныхъ греческихъ пѣсенъ; точно также прекрасное твореніе Фирдуси, иранская «Книга царей», только сборникъ и передѣлка народныхъ пѣсенъ. Въ ней много есть эпизодовъ, подобныхъ которымъ по красотѣ не найдется даже въ «Илиадѣ» и «Одиссеѣ». Прекрасные романсы о Сидѣ также показываютъ, что не однимъ греванъ досталось на долю развить чудную народную поэзію. Но мы можемъ указать примѣры еще болѣе близкіе къ намъ. Сербскія эпическія пѣсни прекрасны не менѣе греческихъ. Жалѣемъ, что не можемъ на этотъ разъ воспользоваться книгою г. Берга, у котораго не находимъ достойныхъ эпическихъ пѣсенъ, и потому принуждены для доказательства нашихъ словъ представить въ жалкомъ прозаическомъ переводѣ одинъ изъ отрывковъ несравненно прекрасной сербской эпопеи. Для примѣра мы выбираемъ пѣсни о косовской битвѣ (1389 г.), въ которой погибло сербское войско, погибъ князь сербскій Лазарь, которая на четыре вѣка предала Сербію во власть турокъ. Для объясненія собственныхъ именъ довольно будетъ сказать, что князь Лазарь былъ женатъ на Миланѣ, дочери Юга-Богдана, у котораго было девять сыновей (девять Юговичей), что Вукъ Бранковичъ, первый сербскій вельможа, передался на сторону турокъ, и что въ одной изъ пѣсенъ предстаетъ, будто бы онъ передъ битвою старался оклеветать лучшаго воина сербскаго, Милоша Обилича, который дѣйствительно погонтъ пожертвовать собою въ битвѣ для того, чтобы убить Мурата, успѣлъ заколоть его и былъ тутъ же изрубленъ его гѣлохранителями. Наконецъ замѣтимъ, что у сербовъ есть обычай побратимства (братства во оружію). Побратимство такая же крѣпкая и тѣсная связь, какъ родство по крови. Побратимы неразлучны на жизнь и смерть. Три главные богатыри или юнака — Милошъ Обиличъ, Иванъ Косанчичъ и Товлица Милавъ — побратимы.

«Султанъ Муратъ идетъ на Косово поле; пришедши, пишетъ онъ письмо и посылаетъ его въ городъ Крушевецъ, къ сербскому князю Лазарю: «Лазарь, сербскій князь! Никогда не бывало и не можетъ быть, чтобы въ одной землѣ были два господина, чтобы одинъ подданный давалъ двѣ дани. Мы не можемъ оба царствовать. Пришли же мнѣ ключи и дань, золотые ключи отъ всѣхъ городовъ, и дань за семь лѣтъ впередъ. А если не приплешь, выходи на Косово поле, и подѣлимъ саблями землю». Получилъ Лазарь письмо, читаетъ его, а самъ крупными слезами плачетъ.

«Вотъ какое заклятье наложилъ князь Лазарь: «кто не пойдетъ на бой на Косово, пусть не родится ничто отъ рукъ его, ни на полѣ бѣлая пшеница, ни въ виноградникѣ лоза»!

«Пиръ пируетъ сербскій князь Лазарь, въ Крушевцѣ, крѣпкомъ городѣ. Всѣхъ господъ и дѣтей господскихъ посадилъ онъ за столъ: по правую руку стараго Юга Богдана (своего тестя), и подлѣ него девятерыхъ Юговичей (его сыновей, своихъ шурьевъ); а по лѣвую руку Вука Бранковича (эпатиѣйшаго изъ вельможъ) и всѣхъ остальныхъ господъ по порядку; а на конецъ стола воеводу Милоша

(славѣйшаго богатыря) и подлѣ него двухъ другихъ воеводъ, Ивана Коеанчича и Топлицу Милана. Берегъ царь золотой кубокъ вина и говоритъ сербскииъ господамъ: «За чье здоровье нять ивѣ этотъ кубокъ? Если по старшинству, то за стараго Юга Богдана; если по вельможеству, за Бука Бранковича; если по родству, за моихъ девятыхъ шурьевъ, Юговичей; если по красотѣ, за Ивана Коеанчича; если по росту, за Топлицу Милана; если по богатрству за воеводу Милоша. Ни за кого другого не стану же я пить, выпью за здоровье Милоша Обилича: Твое здоровье, Милошъ, вѣрный и измѣнникъ! Прежде вѣрный, а потомъ ивѣнникъ! Завтра выдашь ты невя на Косовонъ полѣ, и перебѣжишь къ турецкому царю Мурату. Твое вдоровье! Пей же вино! отдаю тебѣ кубокъ». Всакиваетъ Милошъ на легкія ноги и кланяется до черной земли. «Благодарю тебя, славный князь Лазарь, благодарю тебя за твой тостъ, за твой тостъ и подарокъ, только не благодарю тебя за такую рѣчь. Клянусь жизнью, никогда не бывалъ я измѣнникомъ, не бывалъ и никогда не буду. Нѣтъ, завтра на Косовомъ полѣ хочу я умереть за христианскую вѣру. Измѣнникъ сидитъ подлѣ тебя; это проклятый Вукъ Бранковичъ. Завтра мы увидимъ на Косовомъ полѣ, кто вѣренъ, а кто измѣнникъ. Клянусь я Богомъ великимъ, зарѣжу я завтра на Косовомъ полѣ турецкаго царя Мурата, стану на горло ему ногою. А если даетъ мнѣ Богъ и счастье мое воротиться живымъ въ Крушевецъ, схвачу я Вува Бранковича, привяжу его въ боевою копью, какъ баба кудель на пряслицу, и отнесу его на Косово поле».

Какая чудвая сцева! Измѣнникъ Вукъ старается поколебать увѣренность князя въ преданности лучшаго богатыря; князь вѣритъ клеветѣ и говоритъ богатырю:

— Теперь ты сталъ измѣнникомъ, но, все-таки, пью за твое здоровье!

— Завтра мы увидимъ, измѣнникъ ли я, отвѣчаетъ богатырь.

Послѣ этого Милошъ посылаетъ своего побратима, Ивана Коеанчича, осмотрѣть турецкій лагерь, высмотрѣть, гдѣ шатерь Мурата.

— Ну что, много ли войска у турокъ, можемъ ли мы съ ними биться? Можемъ ли побѣдить турокъ? спрашиваетъ Милошъ его по возвращеніи.

— Сильное войско у турокъ, братъ мой Милошъ Обиличъ! Если бы мы всѣ обратились въ еоль, но осолили-бъ о насъ рукъ турки. Пятнадцать дней ходилъ я по турецкому стану, не нашелъ ему края. Отъ мрамора до сухого явора, отъ явора до Саалин, отъ Саалин до желѣзнаго моста, отъ желѣзнаго моста до Звечана, отъ Звечана до Чечана, отъ Чечана до горнаго хребта — все покрыто турецкимъ войскомъ: конь стоитъ плотно къ коню, человѣкъ къ человѣку. Если бы съ неба упала крупа, не упала бы она нигдѣ на землю, а вездѣ на добрыхъ коней и людей.

— Гдѣ же шатерь царя Мурата. Я поклялся князю заколотъ турецкаго царя Мурата, стать ему ногой на горло.

— Безумство это, милый побратимъ! Если-бъ у тебя были соколиныя крылья, и упалъ бы ты съ неба на Мурата среди его сильной стражи, не унесли бы и крылья твоего тѣла.

— Ну, Иванъ, милый братъ, не говори же ты этого князю, чтобы не испугать князя и войска. А скажи ты князю: довольно войска у турокъ, но можно съ ними намъ сразиться, и легко ихъ побѣдить; не боевое у нихъ войско, а все ста-

рки и малолѣтнн, не выдавшіе бон; а какое войско у нвхъ и было, то богатыри перемерли отъ тяжкихъ болѣзней, а добрые кови отъ мора.

«Сидитъ Лазарь ва ужинонъ, подлѣ него царица Милица. И говоритъ ему царица: «Царь Лазарь! завтра ты идешь на Косово поле, ведешь съ собою слугъ и воеводъ, а дома не оставляешь ни одного мужчины, который бы могъ отнести письмо къ тебѣ ва Косово поле и воротиться назадъ (ко нѣ съ вѣстью о тебѣ). Уводишь ты девятерыхъ монхъ братьевъ, девятерыхъ Юговичей: оставь маѣ хоть одного брата, ваклиаю тебя». Говоритъ ей сербскій князь Лазарь: «Госпожа моя, царица Милица! котораго жо изъ братьевъ угодво тебѣ выбрать, чтобъ и оставилъ его дома?» — «Оставь нвѣ Бошко Юговича». Тогда сказалъ сербскій князь Лазарь: «Госпожа моя, Царица Милица! Когда завтра настанетъ бѣлый день и взойдетъ солнце, и когда отворятся городскія ворота, выходи ты къ воротанъ. Черезъ нихъ строимъ пойдутъ войска. Поѣдутъ всадники съ боевыми копьями, а впереди ихъ Бошко Юговичъ, онъ несетъ крестоносное знамя. Скажи ему отъ меня разрѣшенье и просьбу, чтобъ онъ отдалъ кому ввбудъ знамя, а самъ остался дома съ тобою». Когда назавтра разсвѣло утро и отворились городскія ворота, вышла царица Милица, стала она у воротъ, и пошли строимъ войска. Поѣхали всадники съ боевыми копьями, впереди ихъ Бошко Юговичъ; на конѣ онъ, весь въ чистомъ золотѣ; осѣнило его крестоносное знамя, свѣсилось оно до коня; на знамени золотыя яблоки, ва яблокахъ золотыя кресты, отъ крестовъ висятъ кисти, разстилаются по плечаяъ Бошко. Бросилась къ нему царица Милица, схватила за узду коня, обвилась руками около шеи брата и стала ему тихо говорить: «Братъ мой, Бошко Юговичъ! Царь тебя отдалъ мнѣ, чтобъ не ходилъ ты на бой на Косово поле; сказалъ тебѣ разрѣшенье и просьбу, чтобъ отдалъ ты кому-нибудь знамя, остался со мной въ Крушевцѣ, вымолила я себѣ брата». Но говоритъ Бошко Юговичъ: «Ступай сестра на бѣлую башню, а я съ тобой не ворочусь, и не отдамъ изъ рувъ крестоноснаго знамени, хоть бы царь дврилъ мнѣ Крушевецъ. Нѣтъ; тогда скажетъ осталъвая дружина: «Смотрите, какой трусъ Бошко Юговичъ! Онъ не смѣетъ идти на Косово поле пролить кровь за крестъ честный и умереть за свою вѣру!» И погналъ онъ коня въ ворота. Вотъ ѣдетъ старый Югъ-Богданъ и за нинъ сень Юговичей. Всѣхъ сенерыхъ остававливала она одного за другимъ: ви одинъ и слушать не хочетъ. И вотъ слѣдомъ ѣдетъ Вовнъ-Юговичъ (*т. е. послѣдній братъ*). Схватила она за поводъ его коня, обвилась руками около его шеи и стала ему говорить: «Братъ мой Вовнъ-Юговичъ! Царь отдалъ тебя мнѣ, и сказалъ, чтобъ ты остался со мною въ Крушевцѣ». Говоритъ ей Вовнъ-Юговичъ: «Ступай, сестра, на бѣлую башню: не ворочусь я съ тобою, хотя бы зналъ, что погибну. Иду я, сестра, на Косово поле пролить кровь за крестъ честный и умереть за свою вѣру съ братьями». И погналъ онъ коня въ ворота. Когда то увидѣла царица Милица, упала она на холодный камень, упала и лишилась чувствъ. Тутъ ѣдетъ князь Лазарь. Полились у него слезы по лицу; озирается онъ направо и налѣво и кличетъ слугу Голубана. «Голубанъ, вѣрный ной слуга! Сойди ты съ коня, возьми госпожу на бѣлыя руки, отвеси ее на высокую башню. И приказываю тебѣ вменемъ Божиимъ: не ходи ты ва бой на Косово поле, а останься дона съ нею». Когда то услышалъ слуга Голубанъ, полились у него слезы по бѣлому лицу (*оттого что не можетъ онъ идти на бой*); сошелъ онъ съ коня, взялъ госпожу на бѣлыя руки, отнесъ ее ва высокую башню. Но не можетъ онъ одолѣть своего сердца, чтобъ не идти на

бой на Косово поле. Воротился онъ къ своему коню, сѣлъ на него, поѣхалъ на Косово. Когда назавтра разсвѣло утро, прилегали два ворона съ Косоваго поля широкаго и сѣли на бѣлую башню, на башню князя Лазаря; одинъ каркаетъ, другой говоритъ: «Это ли башня славнаго князя Лазаря? Или ужь нѣтъ въ ней никого?» Никто въ башнѣ того не слышалъ, слышала только царица Милица; она вышла изъ бѣлой башни, спрашиваетъ двухъ вороновъ: «Ради Бога, скажите, два ворона, откуда вы полетѣли нынѣ? Не съ Косова ли поля? Не вдалили два сильные войска? Сразились ли войска и чье войско побѣдило?» Говорятъ ей два ворона: «Богъ свидѣтель, царица Милица, нынѣ утро нѣ полетѣли мы съ Косова поля. Видѣли мы два сильныя войска; сразились войска; оба царя погибли; изъ турокъ кое-кто и остался; а изъ сербовъ кто и остался, всѣ переранены, перекровавлены». Они это еще говорили, какъ ѣдетъ слуга Милутинъ, держитъ онъ правую руку въ лѣвой, на ней семнадцать ранъ, весь конь подъ нимъ въ крови. Говоритъ ему госпожа Милица: «Что, невѣрный слуга Милутинъ? Или выдалъ ты царя на Косовомъ полѣ?» Но говоритъ слуга Милутинъ: «Сними меня, госпожа, съ богатырскаго коня, уной пени холодной водою, примочи мои раны краснымъ виномъ; изнемоги я отъ тяжкихъ ранъ». Сняла его царица Милица, умыла его студеною водою, примочила его раны краснымъ виномъ. Когда онъ сталъ приходить въ память, спрашиваетъ его госпожа Милица: «Что было, слуга мой, на Косовомъ полѣ? Гдѣ погибъ славный князь Лазарь? Гдѣ погибъ старый Югъ-Богданъ? Гдѣ погибли девять Юговичей? Гдѣ погибъ Милошъ воевода? Гдѣ погибъ Вукъ Бранковичъ? Гдѣ погибъ Бановичъ-Страхиня?» И началъ слуга сказывать: «Всѣ легли, госпожа, на Косовомъ полѣ. Гдѣ погибъ славный князь Лазарь, тамъ много наломано копій, много копій и турецкихъ и сербскихъ, но больше сербскихъ, нежели турецкихъ, защищая, госпожа, своего князя. А Югъ, госпожа, погибъ въ началѣ, въ первомъ бою. Погибли восемь Юговичей, не выдавая брать брата. Остался лишь Бошко-Юговичъ; развѣвается его крестonosное знамя по Косовому полю; еще разгонаетъ онъ турецкія толпы, какъ соколъ стадо голубей. Гдѣ стоитъ кровь по колѣно, такъ погибъ Бановичъ-Страхиня. Милошъ, госпожа моя, погибъ у Ситницы, у воды студеной, гдѣ погибло много турокъ. Милошъ убилъ турецкаго царя Мурата и двѣнадцать тысячъ турокъ. Богъ да спасетъ его мать и отца! Онъ оставилъ по себѣ память сербскому народу, такъ что будутъ о немъ говорить, пока будутъ на свѣтѣ люди и Косово поле. А что спрашиваешь ты о проклятомъ Вукѣ, прокляты да будутъ и мать и отецъ его! Онъ изнѣнилъ царю на Косовомъ полѣ, и отвелъ къ туркамъ, госпожа моя, двѣнадцать тысячъ латниковъ».

«Рано вышла въ поле косовская дѣвушка, вышла рано, до восхода солнца. Засучила бѣлые рукава до бѣлыхъ локтей; на плечахъ несетъ бѣлый хлѣбъ, въ рукахъ двѣ золотыя чаши; въ одной чашѣ холодная вода, въ другой красное вино. Идетъ она, молодая, на косовскую равнину, ходитъ по мѣсту битвы и переворачиваютъ юнаковъ, лежащихъ въ крови; котораго юнака найдетъ живымъ, умываетъ его холодною водою, поить его краснымъ виномъ, кормить хлѣбомъ. И дошла она до юнака Павла Орловича, до молодого княжескаго знаменосца, и нашла его живымъ. Отсѣчена у него правая рука, и лѣвая нога до колѣна, и переломлены у него ребра, видны у него легкія. Поднимаетъ она его изъ глубокой крови, умы-

везет его холодною водою, поить его краснымъ виномъ, кормить его бѣлымъ хлѣбомъ. Когда въ юнакъ забилось сердце, говоритъ Павелъ Орловичъ: «Милан моя сестра, косовская дѣвушка! Что у тебя за великая нужда, что осматриваешь ты въ крови юнаковъ? Кого ты ищешь на мѣстѣ битвы? брата или племянника или родного отца?» Говоритъ косовская дѣвушка: «Милый братъ мой, незнакомый воинъ! Не ищущи и никого изъ родныхъ, ни брата, ни племянника, ни стараго отца. А знаешь ли ты, незнакомый воинъ, когда у князя Лазаря причащали войска около прекрасной Самодержской церкви три недѣли, тридцать калугеровъ (старыхъ монаховъ)? Причастились всѣ сербскія войска, а послѣ всѣхъ три боевые воеводы, одинъ Милошъ воевода, другой Иванъ Косанчичъ, третій Топлица Миланъ. Я въ то время стояла въ воротахъ, когда шелъ воевода Милошъ. Красавецъ юнакъ! Волочится у него сабля по землѣ, шелковая на немъ шапка, кованное перо (т. е. серебряное, на шпикѣ), пестрый на немъ плащъ, около шеи шелковый воротникъ. Озирается онъ и глядитъ на меня, снимаетъ съ себя пестрый плащъ, снимаетъ съ себя и даетъ мнѣ. «Возьми, дѣвушка, пестрый плащъ; по немъ и по имени моему вспомни ты меня. Я иду, моя душа, на смертный бой. Молись Богу, моя душа, чтобъ воротился я здоровъ съ боя: тогда и тебѣ будетъ доброе счастье: возьму тебя въ жены своему побратиму Милану, а самъ буду у тебя свадебнымъ провожатымъ». За нимъ идетъ Иванъ Косанчичъ; прекрасный юнакъ! Волочится у него сабля по землѣ (слѣдуетъ прежнее описаніе), на рукѣ у него позолоченный перстень. Озирается онъ и глядитъ на меня, снимаетъ съ руки золоченый перстень, скидываетъ съ руки и отдаетъ мнѣ: «Возьми, дѣвушка, золоченый перстень! По немъ и по имени моему найдешь ты пена (слѣдуетъ повтореніе прежнихъ словъ). Возму тебѣ въ жены своему побратиму Милану, а самъ буду у тебя дружкою». За нимъ идетъ Топлица Миланъ. Красавецъ юнакъ! Волочится у него сабля по землѣ, шелковая на немъ шапка, кованое перо, пестрый на немъ плащъ, около шеи шелковый воротникъ, на рукѣ у него золотое кольцо. Озирается онъ и глядитъ на меня, съ руки снимаетъ золотое кольцо, снимаетъ съ руки и даетъ мнѣ: «Возьми, дѣвушка, золотое кольцо, по кольцу и по имени моему вспомни меня: я иду на смертный бой, душа моя; молись Богу, милая душа моя, чтобы воротился я здоровъ съ боя. Тогда тебѣ, душа, будетъ доброе счастье: возьму я тебя себѣ вѣрною подругою». И «ушли три боевые воеводы. Ихъ я теперь ищущи по мѣсту битвы». И говоритъ Павелъ Орловичъ: «Дорогая сестра, косовская дѣвушка! Видишь ли душа моя, гдѣ лежатъ боевыя копья наломаны густо и высоко? Тамъ текла юнацкая кровь доброду коню до стремени и до повода, юнаку до шелковаго пояса. Тамъ погибли всѣ трое они. Иди ты доной, не кровавь рукавовъ и платья». Когда дѣвушка выслушала эту рѣчь, полились у нея слезы по лицу; пошла она домой, рыдая бѣлою грудью: «бѣдная я! несчастная я! Если до зеленой сосны дотронусь я, несчастная, и зеленая сосна посохнет!»

Предельность содержанія и художественная полнота формы одинаково совершенны въ этихъ превосходныхъ пѣсняхъ. Читатели позволяютъ намъ привести еще одинъ примѣръ изъ цикла нашихъ эпическихъ сказаній о Владимірѣ. Былина, извлеченіе изъ которой мы хотимъ представить здѣсь, записана г. Фаворскимъ и напечатана въ «Прибавленіяхъ къ I тому Извѣстій II Отдѣленія Академіи Наукъ». Мы позволяемъ себѣ держаться обыкновеннаго правописанія, чтобы не шокировать глаза читателей непревычными формами!

У князя Володаря пирь; наѣвшись въ полсыта, налившись въ полпьяна, бояре начинаютъ хвастаться другъ передъ другомъ:

въ полсыта бояре наѣдался,
въ полпьяна бояре напивался,
промажь себя бьяре похвалялся:
скхън-отъ хвалятся силою,
богатый хвалятся богатствомъ,
купцы-то хвалятся товарами,
товарами хвалятся заморскими;
бояре-то хвалятся помѣстьями,
они хвалятся вотчвами.
Одинъ только ве хвалится Данило Денисьевичъ,
Тутъ возговоритъ самъ Володимиръ князь:
Отъ ты той еси, Данилушко Денисьевичъ,
еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
Али нечѣмъ тѣ похвалитиса?
али нѣтъ у тебя золотой казны,
али нѣтъ у тебя молодой жены,
али нѣтъ у тебя платья цвѣтного?
Отвѣтъ держитъ Данило Денисьевичъ:
Ужъ ты батюшка нашъ, Володиниръ князь!
есть у меня золота казна,
еще есть у меня и молода жена,
еще есть у меня и платье цвѣтное.
Нечто такъ я это призадумался.
Тутъ пошолъ Данило съ широва двора.

Интродукціи прекрасна. Тотчасъ по уходѣ Данила Денисьевича, князь Володимиръ совѣтуется съ боярами о выборѣ жены. Мишаточка Путятинъ сынъ говорить, что нигдѣ не находитъ онъ невѣсты, достойной князя; одна только Василса Никулишна, жена Данила Денисьевича, достойна быть супругою князя.

— Гдѣ же это видано, гдѣ слыхано, отъ живого мужа жеву отнять? грозно говорить Владиширъ.

И велитъ казнить коварнаго совѣтника.

Но Мишаточка Путятинъ сынъ объясняетъ князю свой плавъ отдѣлаться отъ Данила Денисьевича:

Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
во тѣ ли дуга леванидовы,
мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
велимъ поймать птичку бѣлогорлицу,
принести ее къ обѣду княжнецкону,
что еще убить ему льва лютаго,
принести его въ обѣду княженецкому.

Данило погибнетъ при исполненіи такого порученія. Владимиру понравилось это предложіе. Всѣ молчать, но старый казакъ Ильи Муромецъ не скрываетъ своего неодобренія на этотъ замыселъ:

— Ужъ ты батюшка, Володимиръ князь! говорить онъ:—изведешь ты ясного сокола, не поймать тебѣ бѣлой лебеди.

Князь велитъ бросить его въ темницу, а самъ пишетъ письмо (ярлык) къ Данилу Денисьевичу. Данило Денисьевичъ былъ въ это время на охотѣ, и письмо

получила Василиса Нивулишна: прочитавъ его, тотчасъ догадалась она о грозящей опасности:

Стада Васвлиса ярлыки пересматривать,
валялася ова горючьми слезми;
свидовала съ себя платье цвѣтное,
надъвааетъ на себя платье молодецкое,
сѣла ва добра ноня, поѣхала во чисто поле,
искать мила дружка своего, Давялушка.

Нашедши его, она говоритъ:

— Последнее у насъ съ тобой свидаше, мой сердечный другъ? Поѣдемъ домой!

Приготовляя мужа къ отъѣзду для исполненія княжескаго порученія, она подлететь ему вмѣсто малаго колчана большой.

— Зачѣмъ это? я велѣлъ тебѣ подать малый!

— Ты надеженька, мой сердечный другъ, лишняя стрѣлочка тебѣ пригодится: пойдеть она по своемъ братѣ богатырѣ.

Она предугадываетъ планъ враговъ. Данило ѣдетъ во чисто поле, въ поля леванидовы, ко ключику ко гремячену, къ колодезю къ студеному. Глядитъ онъ — съ шевской стороны:

Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,
ве черныя грязь зачернѣлися,
забѣлѣлася, зачернѣлася сила (войско) русвое,
ва того ли на Данилу на Девисьича.
Туть заплавалъ Данила горючьми слезми,
возгворить онъ таково слово:
Знать, гораздо я князю сталъ невадобенъ,
знать Володвмиру не слуга я былъ.

Береть онъ саблю боѣвую, изрубилъ онъ высланное противъ него войско. Но черезъ нѣсколько времени глядитъ онъ опять на кievскую сторону и видитъ, что на него посланы новыя противники:

Не два слона въ чистомъ полѣ слонятся,
не два сыры дуба шатаются:
слонятся, шатаются два богатыря,
на того ли на Данилу на Денисьича:
его рбднй братъ Никита Денисьевичъ,
и названный братъ Добрыня Никитовичъ.
Туть заплавалъ Данило горючьми слезми:
Ужъ и въ правду, знать на меня Господь прогнѣвался,
Володимиръ князь на удалаго осердился:
еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
братъ на брата со боемъ (съ боемъ, на бой) и деть.
Береть Данило свое вострб копье,
Тупымъ концомъ втыкаетъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Споромъ (вспоромъ) себѣ Данило груди бѣлыя,
покрытъ себѣ Денисьевичъ очи ясныя.

Извѣщенный о его смерти, Володимиръ собираетъ свадебный поѣздъ и ѣдетъ въ Черниговъ, входитъ въ теремъ вдовы:

Пріѣхали ко двору ко Данилину,
восходить во теремъ Василевси-отъ.
Цѣловаль ея Володиміръ во сахарвыя уста.
Возговорить Василиса Никулишна:
Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь
Не цѣлуй меня въ уста во кровавыя,
безъ моего друга Данилы Денисьича.
Тутъ возговорилъ Володиміръ князь!
ой ты гой еси Василиса Никулишна!
наряжайся ты въ платье цвѣтное,
въ платье цвѣтное подвѣчное.
Наряжалась ова въ платье цвѣтное,
ваня съ собой булатный ножъ.
Ноѣхали ко городу ко Киеву.

Когда поравнялся поѣздъ съ лугами леванидовыми, Василиса Никулишна просить князя, чтобъ онъ отпустилъ ея проститься съ тѣломъ мужа. Володеміръ отпускаетъ ея подъ стражею двухъ богатырей.

Подходила Василиса ко пилу дружку,
поклонилась ова Данилѣ Денисьичу,
поклонилась она, да восклонилася;
возговорить она двумъ богатырямъ:
Отъ вы гой есте, мой вы два богатыря,
вы подите, скажите князю Володиміру,
чтобы не далъ намъ вадяться по чисту полю,
по чисту полю со мыльнѣ дружкомъ,
со тѣмъ ли Даниломъ Денисьевичемъ.
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василисушка очи ясныя.

Ея послѣднюю волю передають Володишру, и по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ выпускаетъ изъ погреба Илью Муромца, который предвѣщалъ ему гибельный конецъ замысла, и наказываетъ злого совѣтника Мишатку Путагина:

Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба,
цѣловаль его въ голову, во темичко:
Правду сказалъ ты, старой казакъ,
старой казакъ, Илья Муромецъ!
Жаловаль его шубой соболиною;
а Мишатвѣ пожаловаль смолы вотель.

Русская былина уступаетъ въ поэтическомъ достоинствѣ сербскимъ пѣснямъ; но и она прекрасна. Что же касается до сербскихъ чѣсенъ, нами переведенныхъ здѣсь, должно рѣшительно сказать, что только у первоклассныхъ поэтовъ могутъ быть найдены произведешя, равныя имъ по красотѣ. Почему же эта народная поэзія у всѣхъ народовъ уступала мѣсто письменной литературѣ, какъ скоро народъ начиналъ цивилизоваться? Почему повсюду вмѣсто пѣсенъ, созданныхъ всѣмъ народомъ, вакъ однимъ нравственнымъ лицомъ, появлялись произведенія, писанныя отдѣльными лицами? Общій отвѣтъ мы уже видѣли выше: одинаковость умственной и нравственной жизни во всѣхъ членахъ племени уничтожается цивилизаціею, съ тѣмъ вмѣстѣ должна упасть и поэзія, принадлежавшая нераздѣльно цѣлому народу. Но если ясно изъ этого, почему въ наше время у нѣмцевъ или русскихъ не

может вновь являться дѣвнѣмъ, подобныхъ сербскамъ, то еще остается неразрѣшеннымъ важнѣйшій вопросъ: почему образованные слои народа не удовлетворяются прекрасными пѣснями, которыми довольствовались ихъ предки? Почему нѣмцы читаютъ Гете и Шиллера, а не Нибелунговъ, русскіе Пушкина, а не Киршу Данилова? Не есть ли пренебреженіе народныхъ пѣсенъ для произведеній отдѣльныхъ поэтовъ несправедливостью? Подобные вопросы были подняты въ германской литературѣ тевтономанами и романтиками. У насъ они слышатся еще довольно рѣдко гдѣ же мѣсто могутъ имѣть свой интересъ.

Цивилизуясь, народъ перестаетъ вообще удовлетворяться патриархальнымъ бытомъ и его произведеніями; почему, здѣсь не мѣсто говорить; мы должны смотреть только на нашу специальную сторону общаго вопроса, на причины того, что, цивилизуясь, народъ перестаетъ удовлетворяться народной поэзіей. Умственная и нравственная жизнь патриархальнаго общества слишкомъ бѣдна для цивилизованнаго народа. Потому и содержаніе народной поэзіи слишкомъ бѣдно для него. Въ самомъ дѣлѣ, если народная поэзія превосходно развиваетъ свои темы, то темъ у нея очень мало, и онѣ слишкомъ просты; то же самое надобно сказать и о чувствахъ, проникающихъ народныя пѣсни. Войскія воспоминанія—вотъ вся исторія патриархальнаго народа; любовь добраго молодца (безъ всякой опредѣленнѣйшей характеристики) къ красной дѣвицѣ (безъ всякой опредѣленнѣйшей характеристики) и два-три другіе, столь же общіе мотива—вотъ все содержаніе лирики. Народная пѣсня должна прилагаться къ чувствамъ рѣшительно каждаго человѣка; иначе она не нужна цѣлому народу, а годится только для нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ—вотъ первая причина этой скудости; вторая причина—въ патриархальномъ обществѣ дѣйствительно нѣтъ ни духовнаго разнообразія, ни мыслей и чувствъ, сколько нибудь разнообразныхъ или многосложныхъ. Цивилизованный молодой человѣкъ, не просто «добрый молодецъ», любить «красную дѣвицу» не потому только, что она «красная дѣвица» — онъ, смотря по различію своего нравственнаго направленія, ищетъ въ ней особенныхъ качествъ характера, ума и т. д.; ни о чемъ подобномъ не знаетъ народная пѣсня. Потому ея портреты, ея чувства недовольно близко подходятъ къ лицамъ и чувствамъ образованнаго общества; въ ней мало индивидуальныхъ особенностей, которыхъ мы болѣе всего ищемъ, чтобы сказать: «это говорится обо мнѣ, это подходитъ къ моему положенію и чувствамъ». Что мы сказали объ эротической пѣснѣ, прилагается и ко всякой другой народной пѣснѣ. Моимъ потребностямъ соотвѣтствуютъ только пѣсни отдѣльныхъ поэтовъ, выражающихъ не чувство вообще, а именно такое чувство, какимъ проникнуть именно я, в которое остается чуждо въ этомъ особенномъ развитіи для многихъ другихъ людей. Вотъ почему даже тѣ понятія и чувства, которыя общи образованному человѣку съ патриархальнымъ (наприм. любовь), выражаются въ народной поэзіи неудовлетворительнымъ для насъ образомъ. Не говоримъ уже о томъ, что цивилизація развиваетъ въ насъ множество чувствъ и особенно понятій, о которыхъ вовсе не знаетъ патриархальный человѣкъ. О многомъ, чего мы ищемъ въ поэзіи, народная поэзія вовсе не говоритъ; о чемъ говоритъ, говоритъ не такъ, какъ должна говорить поэзія по нашимъ требованіямъ. Содержаніе народной поэзіи слишкомъ бѣдно для насъ.

Столь же неудовлетворительна для насъ ея форма. Иногда случается слышать, что народную поэзію обвиняютъ въ недостатокѣ художественной формы.

Это совершенно несправедливо. О ченъ говорить народная поэзія, говорить она чрезвычайно художественно. Ея недостатокъ совершенно другого рода; это—однообразіе, доходящее до чрезвычайной монотонности. Сущность патриархальной жизни неподвижность; формы этой жизни неподвижныя, оцѣпенѣвшія формы. Точно таковы же онѣ и въ народной поэзіи. Объ этомъ достаточно говорить ужъ виѣшній составъ стиха до чрезвычайности однообразный. Такъ всѣ греческія эпическія пѣсни сложены гекзаметромъ; во всѣхъ сербскихъ одинъ и тотъ же стихъ десятисложный, раздѣляющійся на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой четыре, а во второй шесть слоговъ, напримѣръ:

Цар Мурате | у Косово паде;
Како паде | сятну книгу пвше;
Те је шале | ва Крушевцу граду и т. д.

(Начало первой изъ переведенныхъ нами пѣсенъ: царь Муратъ на Косово пришелъ; вакъ пришелъ, мелкое письмо пишетъ и его посылаетъ въ городъ Крушевецъ). Точно также неизмѣнны обычныя, такъ называемыя «эпическія» выраженія, которыми наполнены всѣ пѣсни. У насъ, напримѣръ, всегда *добрый* молодець, никогда просто *молодець*, и никогда съ какимъ нибудь другимъ эпитетомъ; красна дѣвица, лютая свекровь матушка, сыра земля, и т. д.; у сербовъ всегда легкія ноги, гибкія ребра, бѣлый дворъ, холодная вода, боевое копье, и т. д. Какъ бы ни была велика мѣткость и красота подобныхъ эпитетовъ, безъ которыхъ не обходится ни одно часто употребляемое слово въ народной поэзіи, нельзя, однако же, не признаться, что ихъ безпрестанное повтореніе чрезвычайно монотонно. Этимъ не ограничивается монотонность, неподвижность формы; она идетъ гораздо далѣе: всѣ фразы, всѣ мысли, всѣ картины имѣютъ одинъ и тотъ же, разъ навсегда установившійся, неизбѣжный видъ. Постоянно повторяются одни и тѣ же стихи, цѣлыя отрывки изъ нѣсколькихъ стиховъ. Это каждый можетъ замѣтить, сличивъ нѣсколько пѣсенъ. Потому пѣсни такъ легко и перемѣшиваются одна съ другою, сливаются, раздробляются; каждая изъ нихъ—мозаика, составленная изъ кусковъ, безпрестанно повторяющихся въ другихъ пѣсняхъ. Каждый изъ нихъ прекрасенъ, въ этомъ нѣтъ спора; но что сказали бы мы, еслибъ, напримѣръ, у Пушкина повторялись двадцать разъ въ разныхъ поэмахъ прекрасные стихи:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихрв снѣжные крутя;
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ, какъ дятя...

и еслибъ опъ, говоря о Кавказѣ сто или болѣе разъ, каждый разъ описывалъ его такъ:

Кавказъ надо мною, одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ съ отдаленной поднявшись вершины, и проч.

Мы нисколько не оскорбляемся подобными повтореніями въ народныхъ пѣсняхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мы не прилагаемъ къ нимъ тѣхъ требованій, соблюденіе которыхъ ставимъ въ непремѣнную обязанность поэзіи, насъ удовлетворяющей.

Вообще намъ кажется фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, что народная

поэзии не может удовлетворять цивилизованного человека. Ее содержание слишком бедно и однообразно; форма столь же однообразна. Она отголосок прошедшего младенчества, вспомнить о котором приятно и прекрасно, но возвратиться к которому для вас невозможно, а если бы и было возможно, то несколько не было бы приятно. Но, не удовлетворяясь ею, мы не можем не сочувствовать ей всегда, но заслушиваться часто до увлечения прекрасных, свежих, энергических мотивов ее.

Но говоримъ уже о двухъ другвхъ ея драгоценныхъ качествахъ. Оно до сихъ поръ остается единственною поэзіею массы народонаселенія; поэтоу она интересна и мила для всякаго, кто любитъ свой народъ. А не любить своего родного невозможно. Другое достоинство ея чисто ученое: въ народной поэзии сохраняются преданія старины. Потому важность ея неизмѣримо велика и посвящать свою жизнь собираию народныхъ пѣсенъ прекрасный подвигъ.

Народная поэзія прекрасна. Этого, кажется, было бы довольно для успокоенія нашей любви къ ней. Но ость люди, которымъ непремѣнно хочется, чтобы народная поэзія ихъ племени была признана превосходнѣйшею въ мѣрѣ. Не знаемъ, зачѣмъ общій вопросъ необходимо низводить въ область споровъ. Но вотъ что говорить г. Бергъ въ своемъ «Предисловіи»:

«Въ главѣ лирическихъ пѣсенъ я ставлю русскую, пѣсню всѣхъ пѣсенъ. Нѣтъ пѣсли пѣсеннѣе ея, оригинальнѣй и народнѣй. Въ этомъ отношеніи она стоитъ рѣшительно отдѣльно ото всѣхъ и никакая другая далеко къ ней не подходитъ. Ни одна не представляетъ такой свободы размѣровъ въ одной и той же пѣснѣ при общей гармоніи (неодинаковое число слоговъ въ разныхъ стихахъ одного размѣра—качество, о которомъ здѣсь говоритъ г. Бергъ,—находится не только въ народныхъ пѣсняхъ многихъ народовъ, но даже во многихъ письменныхъ версификаціяхъ, напр. въ греческой, латинской, отчасти даже нѣмецкой; удивительнаго и особеннаго здѣсь ничего нѣтъ). Съ другой стороны, ни одна не имѣетъ такого яркаго, играющаго языка. Ни въ одной нѣтъ такого размаха, такого собранія звуковъ, какъ бы вытекающихъ одинъ изъ другого (?) и неудержимо несущихся одинъ за другимъ. Откуда же явилось такое преимущество русской пѣсни? Прежде всего отъ ея языка, какого нигдѣ нѣтъ. Ни одинъ не устоитъ въ борьбѣ съ этимъ богатыремъ, съ вѣтмъ Ильею Муромцомъ, у котораго еще не убавлено силы переходными калевками.

Кабы на семую часть (?)».

Наука разрѣшаетъ вопросъ этотъ гораздо полнѣе и шире, нежели г. Бергъ. Превосходная народная поэзія была у многихъ народовъ. Теперь она почти у всѣхъ европейскихъ народовъ или совершенно, или очень низко упала. Исключеніе остается едва ли не за одними сербами, у которыхъ народная поэзія еще въ полной силѣ свѣжести. Также свѣжа и цвѣтуща была она у валоросовъ лѣтъ шестьдесятъ или восемьдесятъ назадъ; лѣтъ около ста или полутора ста назадъ (а можетъ быть и болѣе) она была также свѣжа и цвѣтуща у воликоруссовъ. Различіе только въ то, раньше или позже коснулась народа цивилизація, успѣли записать народныя пѣсни въ ихъ полной свѣжести, или принялись за это дѣло тогда, когда уже начался упадокъ. Сербы были такъ счастливы въ этомъ случаѣ, что лучшій изъ всѣхъ собирателей пѣсенъ, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, записывалъ и записываетъ сербскія пѣсни еще нисколько не утратившія первоначальной своей красоты. Нѣтъ сомнѣнія, что и для сербской народной поэзіи скоро начнется (и отчасти уже начался) періодъ паденія. Разсматривать здѣсь, у котораго изъ остальныхъ ела-

вянскихъ племенъ вародныя пѣсни успѣли до сихъ поръ сохраниться лучше, значило бы вдаваться въ споры. По мнѣнію однихъ послѣ сербской поэзіи второе мѣсто занимаетъ великорусская, по мнѣнію другихъ малорусская, по мнѣнію третьихъ словацкая. Мы положительно увѣрены только въ томъ, что и великорусскія, и малорусскія, и словацкія пѣсни прекрасны. Изъ другихъ европейскихъ народовъ многіе также сохранили еще прекрасную народную поэзію, напримѣръ греки, испанцы, хотя, повторяемъ, у всѣхъ, кромѣ сербовъ, и, быть можетъ, грековъ, ова ужь давно находится въ періодѣ упадка.

Основаніемъ для всего этого длиннаго объясненія понятій, какихъ достигла наука относительно существеннаго достоинства народной поэзіи, послужило намъ «Предисловіе» г. Берга, написанное слишкомъ съ большимъ увлеченіемъ. Мы нисколько не ставимъ этого увлеченія въ вину г. Бергу; оно очень естественно въ поэтѣ, столь преданномъ народной поэзіи, какъ почтенный переводчикъ «Пѣсенъ разныхъ народовъ». Намъ только хотѣлось показать безпристрастную точку зрѣнія на явленія очень интересныя и въ самомъ дѣлѣ увлекательныя. Но уже давно пора намъ перейти отъ предисловія къ самой книгѣ. Г. Бергъ въ концѣ предисловія говоритъ: «Въ заключеніе прошу покорнѣйше всякаго, кому случится прочесть эти строки, во первыхъ, указать мнѣ замѣченные недостатки въ моемъ изданіи, относительно перевода, взгляда на тотъ или другой отдѣлъ, и даже, если можно, опечатки въ текстѣ. Во вторыхъ, сообщить мнѣ все, что есть у него любопытнаго въ пѣсенномъ родѣ». Если бы не были мы увѣрены въ искренности желанія, высказываемаго на первомъ мѣстѣ, мы не стали бы вовсе говорить о томъ, что, по нашему мнѣнію, должно было бы въ изданіи г. Берга быть иначе: мы ограничились бы одиными похвалами прекрасному и добросовѣстному труду; онъ вполне заслуживаетъ ихъ, и недостатки ого далеко уступаютъ достоинствамъ. Но очевидно, что г. Бергъ страстно преданъ своему прекрасному дѣлу, и потому въ самомъ дѣлѣ будетъ доволенъ, если замѣчанія рецензентовъ дадутъ ему случай обратить вниманіе на гѣ или другія стороны его труда. Только это побужденіе и заставляетъ насъ высказать наши мнѣнія объ основаніяхъ которыми руководился г. Бергъ при выборѣ и переводѣ пѣсенъ.

Сборникъ г. Берга раздѣляется на двѣ половины—лирическія пѣсни и эпическія пѣсни. Въ лирическомъ отдѣлѣ онъ помѣстилъ пѣсни восемнадцати народовъ. Но изъ этихъ подраздѣленій четыре представляютъ только по одной пѣснѣ, и притомъ незначительной; именно г. Бергъ перевелъ одну санскритскую пѣсню, одну баскскую, одну армянскую, одну калмыцкую. Эти пѣсни ничего не показываютъ. Или надобно было представить болѣе пѣсенъ, чтобы ихъ собраніемъ сколько нибудь характеризовать поэзію народа, или не помѣщать въ сборникъ одинокой, ничего не говорящей пѣсни. Точно также недостаточны отдѣлы финскихъ, албанскихъ, арабскихъ, персидскихъ, татарскихъ пѣсенъ. Намъ кажется, что г. Бергъ слишкомъ увлекся желаніемъ представить рѣдкія пѣсни, и что это желаніе иногда имѣло въ себѣ благопріятное вліяніе и на выборъ пѣсенъ въ другихъ отдѣлахъ. Г. Бергъ жалуется на скудость матеріаловъ. Но мы увѣрены, что въ московскихъ бібліотекахъ онъ находилъ богатые коллекціи изданій народныхъ пѣсенъ. Что могло тамъ не быть армянскихъ или баскскихъ сборниковъ, мы готовы предположить; скудости пѣсенъ на другихъ языкахъ, особенно на славянскихъ нарѣчіяхъ, предполагать нельзя. На этомъ, излишнемъ, по нашему мнѣнію, желаніи сообщать рѣдкія пѣсни

основана и просьба «сообщить ему все, что каждый имѣетъ любопытнаго въ пѣсенномъ родѣ». Подобныхъ присловъ вовсе не нужно ожидать г. Бергу, чтобы дополнить свой сборникъ; мы требуемъ отъ него не баскскихъ или калмыцкихъ пѣсенъ, а просто хорошаго и полнаго выбора пѣсенъ тѣхъ народовъ, которые вижутъ хорошія издашія пѣсенъ. Выбирать и переводить—эта задача уже довольно велика и трудна, и напрасно г. Бергъ будетъ развлекать евою силы, заботясь также о собираніи пѣсенъ неизвѣстныхъ еще въ ученомъ мірѣ. Раздѣленіе труда—первое условіе его успѣшности. Вѣроятно также, что г. Бергу стоило чрезвычайно многихъ усилій достать исправные списки армянской, калмыцкой; и такъ далѣе, пѣсенъ, и еще большихъ трудовъ исправно напечатать ихъ текстъ. Санскритскій текстъ онъ рѣшилъ даже литографировать, конечно по недостатку шрифта; сколько напрасныхъ трудовъ, траты времени и расходовъ! Нѣтъ соннѣнш, что прекрасно дѣлаегъ г. Бергъ, печатая вмѣстѣ съ переводомъ тексты пѣсенъ разныхъ славянскихъ нарѣчій и общеизвѣстныхъ языковъ. Многимъ будетъ пріятно прочитатъ въ подлинникѣ словацкую, сербскую, французскую пѣсню; сличеніе текста съ переводомъ въ этихъ случаяхъ дастъ многимъ возможность вѣрнѣе судить о достоинствѣ перевода. Но кому изъ читателей принесетъ хотя малѣйшую пользу или удовольствіе тенегъ санскритской, литовскихъ, мадьярскихъ, финскихъ, албанскихъ, арабскихъ, персидскихъ, татарскихъ, баскской, армянской, калмыцкой пѣсенъ? Едва ли многимъ будетъ полезенъ также испанскій, норвежскій, шведскій, датскій, бретонскій тексты. Печатать ихъ совершенно излишняя ученая (или, лучше сказать, мимо ученая) роскошь. Забота о ней была, вѣроятно, причиною того, что г. Бергъ мало заботился о пѣсняхъ менѣе рѣдкихъ. Такъ, напримѣръ, у него помѣщены только эпическія сербскія, испанскія и французскія пѣсни; лирическихъ нѣтъ; нѣмецкихъ пѣсенъ нѣтъ у него совершенно; англійскихъ, шотландскихъ, ирландскихъ также совершенно нѣтъ.

Выборъ пѣсенъ также неудовлетворителенъ. Укажемъ одинъ примѣръ. Изъ множества превосходныхъ эпическихъ сербскихъ пѣсенъ у него выбрана только одна незамѣчательная ни въ какомъ отношеніи пѣсня о Бановичѣ Страхинѣ.

Наконецъ, важнѣйшая часть труда,—переводъ—бываетъ очень часто удаченъ, читатели убѣдятся въ этомъ изъ примѣровъ, которые мы приведемъ ниже; но часто г. Бергъ нарушаетъ простоту подлинника прибавленіемъ эпитетовъ; иногда переводъ бываетъ и просто несовѣтъ удаченъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ пѣсня чешскихъ реформатовъ (по недостатку шрифта пишемъ текстъ русскими буквами):

Красна е та рѣва,
Рѣва Волтава,
Кде су вашѣ домы
И власть ласкава;
Геакѣ е то место
То место Прага,
В втеремъ быдли наше
Родина драга... и т. д.

*Святлая ты рѣчка
Рѣчка ты Влетава.
Наше ты веселье,
Красота и слава!
Краевое ты мѣсто,
Прага дорогая,
Нашъ престольный городъ
Родина святая!*

Вотъ буквальный переводъ:

Прекрасна та рѣка, рѣка Влетава, гдѣ наши дома и милая родина.

Прекрасенъ тотъ городъ, городъ Прага, гдѣ наши жилища, родина дорогая, и т. д.

Вотъ начало сербскихъ пѣсень:

1
Бога моли момчо неженено
Да се створи край нора бисеронъ
(Бога просить неженатый молодецъ, чтобы сдѣлаться жемчугомъ на берегу моря).

2
Леву пѣва славулк
У зеленой шумици
(Хорошо поеть соловушекъ въ зеленой рошѣ).

1
Бога молитъ молодець удамый
Чтобы даль ему оборотиться
Жемчугомъ зернистымъ, перекатымъ
И разсыпаться край сѣня моря.

2
Распѣвала пташка мала
Пташка мала соловейка,
Въ темной рошѣ распѣвала...

Г. Бергъ говоритъ: «Обыкновенно думаютъ, что надо переводить слово въ слово. Не важенъ стихъ, а важенъ духъ, важенъ результатъ впечатлѣнiя. Въ народномъ языкѣ всего нужнѣе свобода слова» и т. д. Но приведенные нами примѣры показываютъ, что отступленiя отъ смысла и духа подлинника простираются у г. Берга иногда слишкомъ далеко. Напрасно ссылается онъ на примѣръ Пушкина. Пушкивъ переводилъ сербскiя пѣсни гораздо точнѣе. Но послѣ этихъ замѣчанiй, вызванныхъ желанiемъ самого г. Берга, мы должны показать читателямъ и примѣры удачныхъ переводовъ. Это гораздо прiятнѣе. Мы сказали, что выборъ пѣсень у г. Берга не можетъ достаточно знакомить съ духомъ поэзiи того или другого народа; потому беремъ пѣсни, лучшия въ эстетическомъ отношенiи, не заботясь о томъ, характеризуютъ ли онѣ народъ которому принадлежать, или только народную поэзiю вообще. Во всякомъ случаѣ онѣ дадутъ читателю средство судить о достоинствахъ перевода г. Берга.

(Литовская.)

Какъ у батюшки сгороженъ огородъ,
Въ огородѣ ливка-ливочка ростеть.

Дочка батюшки по темнымъ по вочамъ
Съ дворянниномъ разговариваетъ тамъ.

Съ дворянниномъ, съ добрымъ парнемъ, съ молодцомъ,
Съ нимъ твоюшко обручается кольцомъ.

«Не ходи, сестра, ты вочью къ молодцу,
А ве то скажу я батюшкѣ-отцу!»

«Братецъ, братецъ, братецъ милой-дорогой,
Что ты скажешь объ сестрѣ своей родной?»

Что два слова-то сказала съ молодцомъ?
Или то, что обручалась съ нимъ кольцомъ?»

«Не про тѣ твои два слова съ молодцомъ,
А про то, что обручалась съ нимъ кольцомъ».

Въ понедѣльнвкъ вышла дѣвица гулять—
Не видать ее во вторникъ, не видать!

Выѣзжали братья въ среду поутру,
Стали спрашивать про милую сестру.

Въ барабаны барабанили три дни
И трубили въ трубы мѣдныи они.

Наконецъ къ рѣвѣ широкой подошли
И утопленницу бѣдную нашли:

Тѣло бѣлое лежало на пескѣ,
И купались косы черныи въ рѣкѣ.

(Литовская.)

Ведете коня вороного,
Ведите коня молодцу.
Поѣду я къ старому тестю.
Я къ старому тестю, къ отцу.

Здорово! день добрый и вечерь!
Какъ можешь-живешь, старина?
Что дѣлаетъ ваша невѣста?
И все ли здорова она?

Больнешенька ваша невѣста,
Больнешенька, въ новой клѣтѣ
Лежать горемыка въ постели,
Поди ты ее навѣсти.

Пошелъ черезъ дворъ я широкий,
А слезы-то, слезы ручьемъ!
Откинулъ я дверку у клѣтѣ,
И слезы обтеръ рукавомъ.

Взялъ за руки бѣлы невѣсту,
Прижалъ ихъ, малуя къ себѣ:
Скажи мое красное солнце,
Не легче ли стало тебѣ?

Не легче; не будетъ мнѣ легче,
Не быть мнѣ невѣстой твоей:
Другую ты любишь-голубишь—
Ступай и присватайся въ ней!

А я собираюсь въ гости,
Мнѣ пврѣ пировать на погостѣ...
Прощай... а скажи, хороша
Твоя чародѣйка-душа?

(Лужицкая.)

Красная дѣввица жала траву,
Травку-муравку зелененькую;

Много нажала зеленой травы,
Цѣлу вязанку нарѣзала.

Красна дѣввица лѣсомъ пошла,
Хлысть ее вѣтка по бѣлой щекѣ.

«Что ты, зеленая вѣтка моя,
Что ты дерешься, поллестываешь?»

Есть у пена братья вѣрные,
Имъ я велю вѣтку срѣзати.
Инъ я велю вѣтку срѣзати,
Срѣзати, подъ самый срубить ворешокъ».
— «На зиму вѣтку вы срѣжете,
На весну снова я выбѣгу,
Свѣжими выйду побѣгами,
Новымъ кудрявымъ деревцомъ.
Если жъ погубишь ты, дѣвица, честь—
Честъ къ тебѣ вѣвѣ не воротится».

(Лужицкая.)

Хочешь знать, кто я таковъ?
Изъ простыхъ я мужиковъ,
И хочу жениться!
Припасите для меня
Дѣвку, саблю и кова—
На войнѣ годится!
На войну, въ кровавый бой,
Захватчу я ихъ съ собой...

(Чешская.)

Говорить мнѣ снова
Нынче мать милова,
Что бы я забыла,
Про ея про сына.
На такіа рѣчи
Я ей отвѣчала,
Чтобъ она покрѣпче
Сына привязала,
Привязала-бъ сына:
Не ходя, молъ, мимо,
Къ дѣввину порогу
Не топчи дорогу.

(Словацкая.)

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной;
На немъ сидитъ
Кровью покрытъ
Миленьній мой.
Знаешь ли, мила, какъ битва живеть?
Видишь: съ меня,
Видишь: съ коня,
Кровь такъ я льеть.

Знаешь ли, мила, какой нашъ обѣдъ?
Наша ѣда—
Хлѣбъ, да вода,
Вотъ нашъ обѣдъ.

Знаешь, лв, вала, гдѣ я буду спать?
Тамъ, гдѣ убьютъ,
Тамъ погребутъ,
Тамъ мнѣ лежать.

Знаешь ли, кто у меня звонаремъ?
Раненныхъ стонъ,
Сабельный звонъ,
Пушечный громъ.

(Словацкая.)

Люди мнѣ скавали, будто въ полѣ тучи—
А то зачернѣлъ ниленькаго очи.
Люди мнѣ сказали, поле загорѣлось—
А то у милбва личико зардѣлось;
Люди мнѣ сказали, что гогочутъ гуси—
А то заиграли мвленькаго гусан.
Люди мнѣ сказали, пролетѣла пташка—
А то забѣгѣла милаго рубашка.
Люди мнѣ сказали, поле гулко стало—
Поле гулко стало—миллой гонять стадо.

(Моравская.)

Ужъ не быть тому во вѣки, что прошло, что было,
Не свѣтатъ звать красну солницу, какъ оно свѣтило!
Не знавать мнѣ прежней доли съ прежней мочью-силой,
На конѣ своемъ удадомъ звать не ѣздить къ миллой!
Мнѣ свѣтило красно солнцо въ малое оконце,
А теперь свѣтитъ не хочеть, частый дождикъ мочить;
Частый дождикъ, непогода, бѣтъ, стучить въ окошко...
Заросла къ моей любезной торная дорожка.
Заросла она кустами, заросла травю,
Съ той поры, какъ я спознался съ малою другою.

(Польская.)

Дождикъ, дождикъ, моросить, взмокла вся поляна
Ахъ, люби меня, Ванюша, вѣрно, безъ обмана!
Я люблю тебя, люблю, много, какъ умѣю;
Коли стану взнѣяать, чтобъ сломать мнѣ шею!

Только сталъ онъ выѣхать на большу дорогу,
Онъ головушку сломилъ, а конь вѣрныи ногу.
Звать тебѣ не вѣреть былъ милый твой Ванюша:
Такъ вдругорядь никого, дочка, ты не слушай.

(Польская, краковякъ.)

Свищутъ, свищутъ соловьи, пѣсенки заводятъ;
Нынче молодцамъ не вѣрь: вась они проводятъ;
Нынче молодцамъ не вѣрь; да и дѣвнамъ тоже:
Звать такая вышла мода, ни на что негожа!

(Польская, краковякъ.)

Сказываютъ люди—и что имъ за дѣло?—
Что дѣвица съ молодцомъ вечеронъ сидѣла.

(Мадьярская.)

Два нилыхъ было у меня
Дороже всей родни,
Да бѣдность одолѣла ихъ,—
И умерли они.

Что одного-то милаго
Въ саду я положу,
Другого я сердечнаго
Подъ сердцемъ схороню.

Полю въ саду я милаго
Съ Дунай-рѣки водой,
Полю дружка сердечнаго
Горючихъ слезъ рѣкой.

(Греческая.)

Скорѣ бросайся ты съ берега вплавь,
Руками своими, что веслами, правь,
А грудь молодецкую выгни рулемъ, —
И легкимъ и быстрымъ плавни вораблемъ!
Богъ дастъ и поможетъ Пречистая намъ.
Ты будешь, товарищъ, сегодня же тамъ,
Гдѣ, помнишь, мы жарили вмѣстѣ воззять...
Про то, что погибъ я, не сказывай, братъ!
А если разспрашивать станетъ родня, —
Скажи, что въ чужбинѣ женили меня,
Что былъ мнѣ бузатъ посаженнымъ отцомъ,
Что насъ угощали на свадьбѣ свинцомъ,
Что мнѣ за жвоюю моею отвели
Въ приданое сажень косую венля.

(Греческая).

Садилось солнце и день уходилъ,
 А Двнъ полянкамъ своимъ говорилъ:
 Неможется, дѣти! пора на покой!..
 Сходите ва ужинъ себѣ за водой;
 А ты, мой Лабракисъ, одинъ мнѣ родня, —
 Ты будь вапитаномъ ва мѣсто меня;
 Покуда же, дѣти, вы саблей моей
 Зеленыгъ въ лѣсу нарубите вѣтвей;
 Я лягу на тѣхъ на зеленыгъ вѣтвягъ,
 И ваяться стану попу во грѣхахъ.
 Арматоломъ долго въ горахъ я служилъ,
 Албанцевъ и турокъ безъ счету нобилъ;
 Но, видно, чередъ наступаетъ и мой..
 Въ гробъ сколотите мнѣ, дѣти, большой.
 Чтобъ былъ онъ просторенъ, широкъ и высокъ,
 Чтобъ саблей въ гробу я размахивать могъ,
 Чтобъ могъ и винтовку я тамъ заряжать,
 И въ турокъ невѣрныхъ оттуда стрѣлять;
 Чтобъ было съ обѣихъ сторонъ по окну:
 Въ одво пусть мнѣ носягъ косатки весну,
 Къ другому летаютъ пускай соловьи,
 Пускай распѣвають мнѣ пѣсни свои.

(Баскская).

За пѣсни я снова —
 И пѣсня готова!
 Веселья такова
 Не зпалъ никогда я,
 Лишь прибылъ сюда я
 Изъ вольпаго края,
 Играя
 Князть моя кровь молодая!
 Однажды въ апрѣлѣ,
 Когда насъ хотѣли
 Опять въ цитадели
 Вести на работы —
 Мы шмыгъ подъ ворота,
 Не звая заботы,
 И съ моста,
 Проворно спустились въ болота
 Когда жъ тамъ узнали,
 Что мы убѣжали,
 Ну, было печали!
 Пошли разговоры,
 И брань и укоры,
 И крики и споры,
 Гдѣ воры?
 А мы пробирались ужъ въ горы.

Нѣкоторыя изъ выписанныхъ нами пѣсенъ переведены прекрасно, большая часть находящихся въ сборникѣ не дурно. Болѣе разборчивости при выборѣ—вотъ необходимѣйшее условіе для того, чтобы дополненный сборникъ (г. Бергъ очевидно не хочетъ останавливаться на первомъ опытѣ) получилъ еще большее достоинство. Впрочемъ и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ свидѣтельствуетъ о добросовѣстной любви составителя къ своему дѣлу; многія пѣсни показываютъ въ переводчикѣ способность переводить хорошо. Русская литература должна быть благодарна г. Бергу за его прекрасное изданіе.

Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книги 16, 17, 18 и 19. Москва. 1853—1854.

Многочисленныя изданія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ приобрѣли ему право на глубокую благодарность всѣхъ, занимающихся родною исторіею. Съ 1815 до 1846 года Общество издало: 1) *восемь* частей своихъ «Трудовъ и лѣтописей»; 2) *семь* томовъ «Историческаго сборника»; 3) *три* части «Русскихъ Достопамятностей», которыя, по важности напечатанныхъ въ нихъ памятниковъ, занимаютъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ числѣ матеріаловъ для русской исторіи и древней литературы; всего *восемнадцать* частей своихъ трудовъ. Кроме того въ этотъ же періодъ времени издало Общество довольно много отдѣльныхъ сочиненій и памятниковъ, болышею частью также очень важныхъ; вотъ ихъ перечисленіе: 1) «Обозрѣніе Кормчей книги, барона Розенкампфа»; 2) Супрасльская рукопись, изд. кн. Оболенскимъ; 3) Псковская лѣтопись, изд. г. Погодинымъ; 4) «Повѣствованіе о Россіи» Н. С. Арцыбышева, три громадныя тома; 5) «Книга посольская метрики Великаго княжества литовскаго»; 6) «Книга, глаголемая Большой Чортожъ», изд. г. Спасскимъ; 7) «Библиотека Имп. Общества Исторіи и Др. Россійскихъ», сост. П. М. Строевымъ; 8) «Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи» г. Погодина о русской исторіи, три тома; всего *тринадцать* томовъ. Наконецъ Общество напечатало въ это время переводы: 1) «Исслѣдованій» Эворса; 2) «Древностей сѣвернаго берега Полята», г. Кшпена; «Корсувскихъ вратъ», г. Аделунга; 4) «Критико-исторической повѣсти Червоной Руси», г. Зубрицкаго. Всего въ теченіе 1815—1846 годовъ Общество издало до *тридцати-пяти* томовъ. Но особенно сильна становится его дѣятельность съ 1846 года; въ теченіе девяти лѣтъ Общество издало, не говоря ужъ объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, *восемнадцать* книжекъ, или, лучше сказать, томовъ, «Чтеній» и *девятнадцать* книжекъ или томовъ «Временника», всего *двадцать-семь* книжекъ, въ числѣ которыхъ есть многія, заключающія въ себѣ болѣе 30 печатныхъ листовъ. Трудно и перечислить, сколько важныхъ наслѣдованій по русской исторіи, сколько драгоценныхъ матеріаловъ для нея напечатано въ «Чтеніяхъ» и въ «Временникѣ». Повторяемъ, нѣтъ человѣка, занимающагося русскою исторіею, который бы не чувствовалъ уваженія и благодарности къ Московскому Обществу Исторіи и Древностей.

Существеннѣйшее достоинство разснатриваемыхъ нами 16—19 книжекъ «Временника» составляютъ очень важные матеріалы, которые въ нихъ изданы. Такъ въ 16 книжкѣ напечатано «Сказаніе о Саяозванцахъ» въ двухъ редакціяхъ; въ 17 книжкѣ «Новый лѣтописецъ»; въ 18 «Литовскій Статутъ» 1529 года, въ 19 «Статутъ Великаго княжества Литовскаго 1588 года». Вмѣстѣ съ этими большими памятниками напечатано нѣсколько матеріаловъ, хотя не столь значительныхъ по объему, однакоже имѣющихъ несомнѣнную важность. Мы постараемся рассмотреть ихъ ниже, теперь же, слѣдуя порядку отдѣловъ, начнемъ нашъ обзоръ съ тѣхъ статей, которыя помѣщены подъ первую рубрикою «Временника»—съ «Изслѣдованій». Изъ нихъ значительнѣйшія по объему—«Пелазго-оракійскіи племена», изслѣдованіе г. Черткова; въ 16 книжкѣ помѣщено отдѣленіе этого обширнаго труда, говорящее о пелазго-оракійцахъ, населившихъ Италію, и «Замѣчанія на Слово о полку игоревѣ», кн. П. П. Вяземскаго, статья вторая (кн. 17). Оба эти изслѣдованія, стоявшія, особенно первое, очень многихъ трудовъ авторовъ и вынуждающія въ нихъ несомнѣнную ученость, очень сходны между собою по направленію.

Мы недавно имѣли случай высказать въ «Современникѣ» мнѣніе о томъ, какое значеніе въ ряду наукъ имѣетъ такъ называемая «историческая филологія»; не признавая безусловно справедливыми одностороннихъ и восторженныхъ панегириковъ ей, не думая, чтобы она была въ силахъ пересоздать всю систему наукъ, ставъ во главѣ ихъ всѣхъ, давать окончательный приговоръ о всѣхъ вопросахъ филологическіи, психологическіи, историческіи, мы говорили, что она должна ограничиваться скромною ролью вспомогательной науки для исторіи древнѣйшихъ періодовъ, младенческаго состояніи народовъ. Точно также мы не думали утверждать съ нѣкоторыми изъ увлеченныхъ поклонниковъ исторической филологіи, чтобы филологическое образованіе должно было войти въ составъ общаго образованія, чтобы выучивать каждаго двѣнадцатилѣтняго мальчика толковать о фрейзингенскихъ отрывкахъ, о большомъ и маломъ, йотированныхъ и нейотированныхъ юсахъ, гласныхъ ѣ и ѣ, переходѣ старославянскаго жд и шт въ русское ж и ч, чешское з и ц и т. д., было такъ же необходимо, какъ объяснять ему, что «Александръ Македонскій былъ великій человекъ». Въ самомъ дѣлѣ, гордость каждаго рождающагося занятія бываетъ неизмѣрима, притязанія ого безпредѣльны. И для собственной пользы этого знанія бываетъ полезно отъ времени до времени напоминать объ истинныхъ его границахъ, чтобы оно не компрометировало себя во мнѣніи публики слишкомъ громадными претензіями. Но если нельзя не сказать, что историческая филологія въ сущности только вспомогательная наука для древнѣйшей исторіи, то надобно вмѣстѣ съ этимъ сказать, что въ этой роли, почетной, хотя и тѣсной, помощь ея необходима для историческихъ изслѣдованій; если надобно сказать, что бесполезно, даже вредно набивать всякому мальчику голову корнями, развитіемъ и провращеніемъ корней, суффиксами и префиксами, то человекъ, желающій нынѣ заняться изслѣдованіями о древнѣйшей исторіи народовъ или о древнихъ памятникахъ литературы, необходимо долженъ пріобрѣсти основательныя филологическія свѣдѣнія. Толковать о «Словѣ о полку игоревѣ», не зная очень основательно славянскихъ нарѣчій въ ихъ древнѣйшемъ видѣ и новѣйшемъ развитіи, не имѣя близкаго знакомства съ народною поэзіею вообще и саяаго ближайшаго знакомства съ народною поэзіею славянскихъ племенъ въ частности, значить осуждать себя на такіе же смѣшные

промахи, какъ принимаясь толковать о Софоклѣ безъ знанія греческаго языка. Братся за объясненію древнѣйшей исторіи славянскихъ племенъ, говорить о томъ, елавяне или греки были Ахиллосъ или Эней, не познакомившись хорошо съ историческою и сравнительною филологію, такъ же странно, какъ писать римскую исторію, не зная по латинѣ, нѣмецкую исторію не зная по нѣмецки. Прежде, когда еще не существовала филологія въ видѣ самостоятельной науки; имѣющей огромный запасъ данныхъ и предписывающей строгія правила относительно того, вакъ пользоваться ея матеріалами, прежде это было не такъ. Всякій, кому только вздумается, толковалъ, какъ ему захочется, о происхожденіи славянъ отъ кельтовъ, французовъ отъ грековъ, грековъ отъ славянъ, англичанъ отъ римлянъ, китайцевъ отъ египтянъ, мексиканцевъ отъ карагеянъ. Народы роднились, признавались братьями, отцами, дѣтьми одинъ другому рѣшительно по благосклонности человѣка, взявшаго въ руки перо, къ тону или другому изъ нихъ. Для провозглашенія, что прусаки происходятъ отъ римлянъ или римляне отъ прусаковъ, достаточно было найти въ нѣмецко-латинскомъ словарѣ, что *Vater* и *Mutter* по латинѣ *Pater* и *Mater, sehs—sex, neun—novem*. Ни на первобытную форму слова, ни на корень его, ни на грамматическія измѣненія не обращали ни налѣйшаго вниманія. Не думали о томъ, чтобы сравнивать языки въ цѣломъ ихъ составѣ—вмѣсто того, чтобы сравнивать всѣ корни, довольно было наудачу сблизить десятокъ, много два десятка словъ, какія первымъ попадутся подъ руку. И удивительная исторія выходила результатомъ такихъ игривыхъ сближеній. Сначала было принято производить все отъ еврейскаго языка. Тогда-то было рѣшено и у насъ, что Москву основалъ Мосохъ, лѣтъ тысячи за три или за три съ половиною до Р. Х. Потомъ появились всеобщими предками греки и римляне, которые были также греки, потому что произошли отъ Энея. Тогда французы начали происходить отъ фокеянъ, черезъ Марсоль; у насъ было также открыто, что Рюрикъ происходитъ отъ Пруса, брата Августа, племянника Юлія Цезаря. Этого мнѣнія не отвергаетъ и самъ Ломоносовъ. Потомъ вышли на сцену кельты, и открылось, что не только всѣ европейцы, но и самыя египтяне были кельты. Этого мнѣнія, какъ увидимъ, держится Сумароковъ. Не говоримъ ужъ о всесвѣтныхъ производствахъ не столь громкихъ. Въ антрактахъ между еврействомъ, греко-романизмомъ и кельтствомъ было открываемо, что предки всѣхъ народовъ египтяне, фригійцы, пелазги, скны, иберійцы. За этими производствами, болѣе или менѣе безкорытными, послѣдовали разчетливыя генеалогіи, въ собственную пользу. Трудно найти народъ, который бы устами своихъ ученыхъ не объявлялъ, что овъ древнѣйшій народъ въ мірѣ. Не говоримъ уже о нѣбцахъ, скандинавахъ, славянахъ, французахъ. Ирландцы, венгерцы, баска также доказывали, что Адамъ и Ева говорили на ихъ языкѣ. У насъ въ старину особенно ревностнымъ истолкователемъ чужеземныхъ именъ славянскихъ языкомъ былъ Тродіаковскій. По его мнѣнію даже *Deutsche*—нѣмцы—есть славянское слово дѣти, дѣтскіе (народы); танцы также русское слово, и у славянъ взято французами, а прежде французовъ римлянами.

Долго процвѣтали эти ученые забавы; но въ концѣ прошедшаго вѣка исторіи сильно вооружились противъ такъ называемыхъ «этимологическихъ сравненій» въ древнѣйшей исторіи народовъ; отголоски недовѣрчивости и даже насильливаго презрѣнія къ этимъ словопроизводственнымъ толкамъ довольно сильно и часто слышатся и въ «Причѣтаяхъ» къ «Исторіи Государства Россійскаго»: Карамзинъ

отвергаетъ, какъ пустую игру словъ, приводящую только къ однимъ несообразностямъ, этимологическія сближенія Тредшконскаго, Ломоносова, особенно Татищева. Да и нельзя было не отвергать ихъ, не сѣяться надъ ними. Почтенный чешскій ученый Добнеръ увѣрялъ, что бастарны — настыряне, биссы — пѣши, шэнваты — пѣнатиане, поляки — по влахи, т. е. потомки влаховъ; Татищевъ думаетъ, что вятичи не русскіе, а чуваша, потону что чуваша по мордовски называются ветке; Болтинъ думаетъ, что Кій, Щекъ, Хоривъ и Лыбедь были не славяне, а венгерцы или авары, потому что по венгерски «*Kievъ* есть веселый, *Gorogъ* (т. е. Хоревъ) — кривой, *Szegъ* (т. е. Щекъ) — кормило, *Lebegesъ* — трепетаніе». Татищевъ думалъ, что русскіе (варяго русь) были финны, потону что «Русь» значитъ «русый народъ», а руемыми волосами отличаются финны; но Татищевъ и Болтинъ были люди ученые и основательные; если ны захотимъ увидѣть словопроизводственную мономацію прошедшаго вѣка въ нолвомъ ея развитіи, мы должны будемъ обратиться къ отрывку Сумарокова «О происхожденія Россійскаго народа». При нынѣшнемъ стремленіи къ ближайшему знакомству съ произведеніями старинныхъ русскихъ писателей, читатели, конечно, не будутъ на насъ въ претензіи, если мы представимъ нѣсколько выписокъ изъ этого курьезнаго произведенія. Древнѣйшимъ въ мірѣ вародомъ Сумароковъ считаетъ, по тогдашнему обычаю, кельтовъ или цельтевъ, и говоритъ, что всѣ европейскіе народы, греки, римляне, нѣмцы, французы, англчане произошли отъ цельтовъ, но всѣ выродилась, исказили свой языкъ; у однихъ только славянъ удержался чистый цельтійскій языкъ, потому славяне должны быть признаваемы истинными предками или единственными пряными потомками предковъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, которыхъ имена объясняются изъ славянскаго языка. Кельты первоначально жили въ Фракіи, Македоніи, Иллиріи; потомъ оттуда распространились по всей Европѣ и раздробились на множество народовъ. Продолжаемъ это изложеніе подлинными словами Сумарокова: -

«Гальскія цельты болѣе всѣхъ прочихъ прославились, наревншея первые Галлами отъ цельтеваго (т. е. славянскаго, потому что, какъ мы видѣли, кельтскій и славянскій языкъ одно и то же по мнѣнію Сумарокова), гуляю, что я ве по своему изобрѣтенію и ве по догадкѣ объявляю, то есть гуляками или странниками; а славянскіе цельты нареклися славянами, знаменуяся славными; какъ Вандалы отъ того, что вышли вонъ даль нареклися Вондалами. Британы назвався отъ бритыхъ головъ, премѣнили свой языкъ также; да в сами латвыи цельтскаго же происхожденія свой языкъ отъ цельтскаго отлучили, и остались только одни славяне при своемъ прежнемъ то есть цельтскомъ языкѣ. (Это подтверждается словопроизводствомъ, указывающимъ корень словъ всякихъ языковъ въ славянскомъ, такъ) не умолчу я, что слово исторія знаменованіе свое отъ словенскаго имѣетъ языка: *изъ-стари*, какъ *пѣить* отъ слова пѣти. Съ Коптами славяне также въкоторыя въ нарѣчїи сходства имѣютъ. Орна у воптовъ небо, а оттого Ураносъ и у Элліновъ небо, а у славянъ горняя. Изя у воптовъ земля, и оттого богиня Изьда, богиня земли; а славянское слово оттого *низъ* в такъ отъ орна всрѣхъ, а отъ изь низъ: на орѣ на верху; на изу — на низу (Сочин. Сумарокова, изд. Новикова, томъ X, стр. 123 и слѣд.).

Итакъ дѣло ясно: греки, латины, вандалы, галлы, британы, копты или египтяне произошли отъ славянъ. Но простодушный мнѣніи Сумарокова далеко не такъ эффектны, какъ заключенія, до которыхъ въ недавнее время, всего дѣтъ пятнадцать и десять тому назадъ, старались доходить гг. Морощкинъ и Савельевъ-Ростиславичъ. Они неудовольствовались общею характеристикю, «всѣ европейцы —

выродившіеся славяне» — итъ, они доказали это относительно каждой области, каждого города, каждого знаменитаго историческаго лица. Парижъ — по-рисъ, т. е. по-русь; Мадритъ — мудритъ, Вѣна — вѣникъ или вѣнецъ; Стокгольмъ — стогъ-холий, т. е. большой етогъ; Лондонъ — клонъ-донъ, т. е. навлонное дно, городъ на низменности; съ такою же легкостью доказывается, что всё великіе люди были славяне: Лессингъ — лѣсникъ, Гутенбергъ — кутногорекій, Лютеръ — лютый, Карлъ Великій — Карло (т. е. карликъ) Великій, Гете — котъ, Клодвигъ — Холодовикъ, Клотильда — Колодильда, Фихте — Пыхтѣй (пыхтѣть) и т. д.

Послѣ этого остается только перейти изъ Европы въ другія части свѣта а доказать, что всё народы, начиная отъ каффровъ, на ивѣ Доброй Надежды, до алеутовъ — того же происхожденія, какъ жители Клон-дона и Мудрита. Дѣло, не представляющее особенныхъ затрудненій. Нанкинъ — Нянькинъ, т. е. городъ, гдѣ вынянчились, откуда произошли китайцы; въ саюнкъ дѣлѣ Нянькинъ и былъ древнѣйшею столицею китайцевъ, собственно ватайцевъ (отъ катать) или хватайцевъ; Корея — Горей, т. е. гористая земля; Сингапоръ, — Снѣгоборъ, т. е. городъ, въ которомъ готовы подбирать каждую снѣжинку — тамъ и дѣйствительно снѣгъ и ледъ продаются на вѣсъ золота; Цейланъ — Цѣланъ; патагонцы — потагонцы, т. е. вытянутый, высокорослый народъ; иррезцы — широкезцы, т. е. широко, разбѣянно живущіе. Однимъ словомъ надобно только вслушаться въ выговоръ, какой придаетъ незнакомымъ словамъ мальчикъ, еще не выучившійся произносить ихъ, и имъ тотчасъ постигнемъ, что всё земли первоначально были населены славянами и всё народы происходятъ отъ славянъ.

Само собою разумѣется, что, подобно большей части другихъ увлеченій, и увлеченіе производитъ всё народы отъ своего народа, объяснять имена всѣхъ странъ и городовъ своимъ языкомъ было на насъ навѣяно подражаніемъ тону, что дѣлалось у другихъ народовъ. Пока еще наука сравнительнаго изученія языковъ не установилась, у всѣхъ народовъ были ученые, поступавшіе подобнымъ образомъ. Люди, которые привыкли писать по латини, жить въ грекоримскою міръ, производили всѣхъ европейцевъ отъ грековъ и римлянъ; но это было ужъ очень давно; позднѣе другіе ученые отыскивали болѣе близкихъ къ себѣ праотцевъ всѣмъ остальнымъ народамъ: французы и англичане галловъ или кельтовъ, нѣмцы — гѣмцевъ. скандинавы — скандинавовъ и т. д. Не очень давно въ Богонин умеръ Данковскій который доказывалъ, что мнимый греческій языкъ есть славянскій, только искаженный правописаніемъ, что нужно только переписать славянскими буквами Анакреона или Гомера, чтобы увидѣть, что они говорили и писали по славянски. Данковскій и сдѣлалъ это. Другой чешскій ученый и знаменитый поэтъ, Коларъ, умершій два года тому назадъ, оставилъ послѣ себя сочиненіе, въ которомъ доказываетъ, что вся Италия была населена славянами. Какъ онъ читаетъ этрусскія надписи по славянски, такъ въ некоторые ученые читаютъ ихъ по нѣмецки. Въ самомъ дѣлѣ, нужно только захотѣть читать какой угодно отрывокъ на какомъ угодно языкѣ, чтобы прочесть его на этомъ языкѣ — стоитъ только не обращать вниманія на здравый смыслъ, пренебречь положительными правилами и фактами науки и исказить слова текста по произволу: поступая такимъ образомъ, можно доказывать, что Шиллеръ писалъ по русски, а Пушкинъ по испански. Нужно только твердо рѣшиться дойти до такого результата. Если происхожденіе какого угодно народа отъ другого языка какого угодно доказывалась, если...

доказывается, что какой угодно народъ занялъ отъ какого угодно другого свои первоначальные обычаи, научился у него всѣмъ знаніямъ, всему полезному въ жизни и такъ далѣе. На русскомъ языкѣ существуетъ «Исторія русской литературы», доказывающая, что нѣмцы научились философіи изъ «Посланія Никифора къ Владиміру Мономаху»; другой ученый видѣлъ въ какой-то савсвритской драмѣ опроверженіе гегелевой системы. Чехи вообще доказываютъ, что нѣмцы выучились земледѣлію только благодари знакомству съ славянами. Мы такъ часто указываемъ на чеховъ потому, что пристрастіе видѣть во всемъ и повсюду славянъ до сихъ поръ сильно у нихъ.

Но всего легче доказывается, что какойнибудь народъ, едва только начавшій образовываться, стоялъ уже въ глубокой древности на высокой степени просвѣщенія, былъ законъ съ литературами классическаго міра, читалъ Платона и восхищался Софокломъ. Для этого нужно только найдти въ одномъ изъ памятниковъ его письменности какуюнибудь фразу, ивѣющую хотя самое отдаленное сходство съ какоюнибудь извѣстною у всѣхъ народовъ общею мыслью, напримѣръ, о неизбежности судьбы, о томъ, что быть добрымъ человѣкомъ прекрасно и т. п.; въ этого тотчасъ можно будетъ вывести, что «народъ былъ законъ съ трагедіями грековъ, основанными на идеѣ судьбы, и коротко зналъ творенія Платона, проникнутая идеею о томъ, что высшая красота есть добродѣтель». Если даже не найдется и такой фразы, дѣло можно привести къ желанному результату: нужно только отыскать одно изъ тѣхъ невразумительныхъ, испорченныхъ мѣстъ, которыми всегда богаты старинныя рукописи, истолковать это мѣсто въ необходимомъ для насъ смыслѣ, и дѣло будетъ кончено.

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» есть множество выраженій темныхъ, множество выраженій, очевидно испорченныхъ безграмотнымъ переписчикомъ. Это признаю всѣми изслѣдователями. Въ числѣ такихъ мѣстъ, исправить и объяснить котормя доселѣ не могли основательные ученые, есть слѣдующее мѣсто: «Встала обода въ силахъ Дажь божа внука». «Вступилъ дѣвою въ зеилу Трояню», всплескала крылы на синей море у Дону; «плещучи, убуди жирныя времена». Очень вѣроятно, что это мѣсто, подобно десяткамъ другихъ, испорчено. Земля Дажь-божа внука—русская земля, въ этомъ ученые согласны; но что такое «зеила Трояня», что такое «дѣва, плещущая крылами на синей морѣ у Дону», остается непонятно. Не будемъ предлагать своихъ догадокъ, не будемъ анализировать прежнихъ объясненій, не приводящихъ ни къ чему положительному; но для всякаго, знающаго, хотя нѣсколько, грамматику стариннаго языка, ясно, что прилагательное *Троянь*, встрѣчающееся въ этомъ в трехъ другихъ мѣстахъ «Слова», произведено отъ собственнаго имени мужескаго рода—Троянь, какъ прилагательныя Владиміръ, Антонъ—отъ собственныхъ именъ мужскаго рода Владиміръ, Антонъ. Кто этотъ Троянь—ринскій императоръ Траянъ, или Владиміръ, прозванный Трояномъ потому, что былъ третьимъ сыномъ Святослава, ученые рѣшаютъ различно. Несомнѣнно только, что прилагательное Троянь не можетъ въ славянскомъ языкѣ образоваться отъ имени города Трои: «троянскій» на старомъ языкѣ имѣло форму «трояньскъ» и не могло никакимъ образомъ принять формы «Троянь», необходимо указывающей на существительное съ оковчаніемъ мужскаго рода *з* и съ буквою *н* передъ этимъ окончаніемъ. Но князь Виземскій хочетъ понимать, въ противность основному закону славянской этинологіи, подъ «трояня земля» но

Троянова земля, а троянская земля. «Дѣва», которая всплескала крылами, въ противность общему мнѣнію ученыхъ, говорищихъ, что если здѣсь слово дѣва но есть описка, то означаетъ какое нибудь миеологическое существо, по мнѣнію князя Вяземскаго, рѣшительно произвольному, есть Елена, похищенная Парисомъ и павлекшая «обиду», несчастье на Троянскую землю. Послѣ такого объясненія становится уже очень ясно для князя Вяземскаго, что авторъ «Слова о полку игоревѣ» былъ коротко знакомъ съ трагедіями Эврипида, и онъ постоянно сравниваетъ выраженія «Слова» съ отрывками изъ Эврипида. Несомнѣнно становится для князя Вяземскаго и то, что Боянъ, упоминаемый въ «Словѣ», есть Гомеръ, потому что Гомеръ былъ поэтъ, а боянъ, вѣроятно, происходитъ отъ баятъ, говорить. Такимъ образомъ становится несомнѣнно, что авторъ «Слова» былъ вдохновляемъ произведеніями Гомера и Эврипида, и князь Вяземскій считаетъ даже нужнымъ оправдывать его отъ упрека въ подражаніи этимъ писателямъ, съ которыми постоянно сравниваетъ каждое выраженіе «Слова». Сходство, найденное ученымъ авторомъ, въ самомъ дѣлѣ изумительно. Напримѣръ воззваніе Эврипидова хора въ трагедіи «Елена»:

«Тебя съными подѣ древоцашныни въ храмахъ и престолахъ возсѣдающую взываю. тебя голосистую птицу, соловья слезстаго, прѣвдв, о чрезъ громкіе клювы щевотающая. воплямъ мовмъ сотруднивъ, Елены мрачной туды, солнцевичей же поющая плачевный трудъ Ахеннъ подѣ копыями».

Это воззваніе, столь оригинально переведенное княземъ Вяземскимъ, «буквально сходно», по его мнѣнію, съ воззваніемъ «Слова» къ Бояну:

«О Бояне, соловію стараго времени! а бы ты сіа плькы ушекоталъ, скача. славію, по мыслену древу, летая умомъ подѣ облавы, свивая славы оба полы сего времени, рвща въ тропу Трояню черезъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игоревн. того ввуву».

«Мы видимъ только, что въ обоихъ отрывкахъ попадаетъ слово «соловей»; но ученый авторъ (стр. 7) говоритъ: «Кромѣ буквального сходства сихъ воззваній къ Гомеру, разительно самое сходство положеній, сопряженныхъ съ сими воззваніями». Послѣ этого мы въ правѣ прибавить, что пѣсни:

Сладко пѣлъ душа-соловушка
Въ золовомъ саду моемъ и т. д.

имѣеть столь же поразительное сходство съ эврипидовымъ хоромъ и что г. Лажечниковъ, помѣстившій эту пѣсню въ «Послѣднемъ Новикѣ», вѣроятно, написалъ свой романъ, вдохновенный эврипидовыми трагедіями, а не просто преданіями отечественной исторіи. Точно такъ же поразительны и всѣ остальные сравненія «Слова» съ Гомеромъ и Эврипидомъ, напримѣръ (стр. 29):

«Дѣти бѣсовн кликомъ поля прегородвша, а храбрін Русицы прегородиша червлеными щиты» (Слово о п. и.)—это описаніе обоихъ войскъ совершенно гомерическое.

... Каждый изъ нвѣхъ отдаеть повелѣнья
Вождь. А войны ядутъ въ молчаніи; всякій спросилъ бы
Столько народа идущаго въ версяхъ имѣеть ли голось?

(Иліада IV, 428.)

Здѣсь мы опять замѣчаемъ то сходство, что «Слово» и «Иліада» говорятъ о войскахъ; но въ «Иліадѣ» войска идутъ молча, въ «Словѣ» стоитъ и кричатъ.

Несмотря на очевидную неосновательность основной мысли, на всѣ несход-

ства сближаемых мѣсть, изслѣдованіе князя Вяземскаго многихъ удивило своею огромностью и множествомъ цитатъ. И нѣтъ сомнѣнія, что многимъ покажется, будто бы въ самомъ дѣлѣ между «Словомъ о полку игоревѣ» и Гомеромъ или Эврипидомъ есть сродство. Это потому, что ученая оболочка сочиненія многимъ не позволитъ замѣтить, что въ сущности трудолюбивый авторъ очень мало приготовленъ къ ясному пониманію ближайшаго предмета своихъ сравненій, «Слова о полку игоревѣ»: на каждомъ шагу видно, что онъ не еилологъ. Потому-то и говорили мы подробно о его изслѣдованіи, думая, что наше предостереженіе не будетъ излишнимъ для нѣкоторыхъ изъ числа людей, интересующихся вопросами о такомъ замѣчательномъ памятникѣ нашей словесности, какъ «Слово о полку игоревѣ». Ученая критика у насъ еще слабѣе литературной; потому часто одна массивность и внѣшняя ученая обстановка сочиненія вводитъ въ заблужденіе и заставляютъ многихъ принимать выводы, дѣлаемые авторомъ, хотя въ сущности онъ не представилъ и не могъ представить никакихъ подтвержденій своимъ положеніямъ.

Методъ князя П. П. Вяземскаго имѣетъ «поразительное» сходство съ методомъ, которому слѣдовалъ г. Чертковъ въ разысканіяхъ о «Пелазго-еракійскихъ племенахъ»: такое же богатство цитатъ и сличеній, такое же стремленіе смѣшивать обширныя разеужденія о фактахъ, ставшихъ общими мѣстами въ наукѣ, съ произвольными истолкованіями, такое же пренебреженіе къ строгому филологическому разбору сближаемыхъ собственныхъ именъ. Не менѣе велико и сродство въ направленіи изысканій; кн. П. П. Вяземскій поставилъ себѣ задачею отыскать литературное родство тамъ, гдѣ его совершенно нѣтъ; г. Чертковъ старается доказать тождество пелазговъ съ славянами, хотя нѣтъ-ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что пелазги не были славяне; оба ученые автора одинаково увлекаются темнымъ, загадочнымъ; тому и другому оно представляется одинаково яснымъ; наконецъ оба до того увлеклись оригинальными своими мнѣніями, что написали обширныя сочиненія, единственно въ подтвержденіе этихъ мнѣній, такъ-что если не принять результатовъ, которые выставляются гг. Чертковымъ и Вяземскимъ (а принять ихъ невозможно) то въ обширныхъ ихъ трудахъ совершенно не чѣмъ будетъ воспользоваться.

Часть изслѣдованія г. Черткова, помѣщенная въ 16 книжкѣ «Временника» говоритъ о «Пелазгахъ Итальянскихъ», подъ именемъ которыхъ разумѣетъ онъ большую часть древне-итальянскихъ племенъ: сабинцы, луканцы, лигурійцы, этруски, венеты, иллирійцы, всѣ народы до самаго Дуная, жители Реціума, Норика, Панноніи — всѣ, по его мнѣнію, пелазги, то есть славяне. Относительно того, какому племени принадлежали многіе изъ нихъ, нынѣ еще ничего нельзя сказать положительнаго; относительно другихъ достоверно извѣстно, что они существенно различались между собою; г. Черткова это ни мало не останавливаетъ; онъ всѣхъ ихъ причисляетъ къ одному племени, всѣхъ признаетъ пелазгами, и на каждой страницѣ приводитъ десятки доказательствъ, что всѣ эти пелазги были славяне.

Обильнѣйшій источникъ доказательствъ представляетъ ему произвольное произпешіе собственныхъ именъ славянскими звуками, и притомъ, именно, по московскому нарѣчію. Здѣсь было бы неумѣстно пускаться въ длинныя филологическія объясненія того, что еслибъ и дѣйствительно между древними жителями Италіи были славянскія племена, то читать ихъ имена съ великорусскимъ выговоромъ и объяснять московскимъ нарѣчіемъ, было бы столь же ошибочно, какъ считать Пушкина чеш-

скимъ или болгарскимъ писателемъ. Но и безъ всякихъ объясненій очевидно, что итальянская отрасль славянъ (положимъ даже, что онѣ существовали) должны были за 1000 лѣтъ до Р. Х. говорить не тѣмъ языкомъ, какимъ писалъ Жуковский. На исторію языка, развитіе формъ, различіе нарѣчій г. Чертковъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Приведемъ нѣкоторыя изъ принимаемыхъ имъ переименованій. *Peucestios* (братъ Энотра)—Пѣвчистъ; *Gernici*—Горнаки; *Ombrici*—Обричи; *Opici*—Опичи; *Volsci*—Волчи, Вильцы; *Roeci*—Рѣчи; *Falisci*—Хвалещи; *Lucani*—Лучане; *Danni*—Старожилы, Давніе; *Apuli*—Попелы; *Argyrusci*—Вагры рѣчи; *Labici*—Любичи; *Dolopes*—Дулѣбы; *Dodona*—пелагійскій городъ—Дѣдина; *Cures*—Куры; *Sybilla*—Виля; *Rasенае*—резане (т. е. рязанцы!) и т. д. Всякій, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о строгихъ законахъ филологическихъ сближеній, увидитъ съ перваго раза, что эти переименованія сдѣланы произвольно, безъ разбора корней и первоначальной формы именъ, по одному случайному созвучію: каждый филологъ скажетъ, что большая часть изъ нихъ очевидно ложна. А между тѣмъ г. Чертковъ представляетъ свои переложенія на московское нарѣчіе до того несомнѣнными, что не считаетъ нужнымъ ни оправдывать, ни пояснить ихъ. При такой невзыскательной методѣ, онъ могъ бы переложить на славянской языкъ и всѣ остальные имена, какія только встрѣчаются въ римской исторіи, наприимѣръ, Ромулъ—Громваль, Нума Помпилій—Умъ Пупилитъ (Нума знаменитъ умомъ); Фабій—Бабій, Валерій—Болѣринъ, боляринъ, бояринъ, Сципіонъ—Цѣпціонъ (отъ цѣпь) или Сципіонъ (отъ сцѣпнуть) или Щепціонъ (отъ щепка, щепка), Сервій—сербянинъ, Мезенцій—Мезенцовъ или Меженцовъ и т. д. Не знаемъ, будетъ ли г. Чертковъ доказывать, что и галлы были также пелагги, то есть славяне; но подобными сближеніями именъ не трудно доказать и это: *Aquitani*—охватанды. *Volcae*—волки, вильцы, *Ruteni*—русские (латинское имя Россіи *Ruthenia*), *Vellavi*—вилявцы, *Cenomanni*—Цѣнонѣны, торговый народъ, *Eburovices*—боровичи, соплеменные тѣмъ, которые основали уѣздный городъ Боровичи въ Новгородской губерніи; *Morini*—моряне, поморцы (они же кстатѣ жили у моря). *Leuci*—лѣвцы или лъвичане, *Bellovaci*—бѣловаки, бѣльчане, жители Бѣлецка; *Beda* (городъ)—Бѣда; *Suessiones*—свезенцы, переселенцы и т. д.

Кто не видитъ, что эти переложенія—ученая игра, не требующая, впрочемъ, никакой учености? Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣній, г. Чертковъ потратилъ на свое наследованіе много времени и много свѣдѣній. Но сближеніе собственныхъ именъ—не единственная, хотя и главная опора мнѣній ученаго пзыкателя; другая опора ихъ—сближеніе нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ. Ограничимся немногими примѣрами.

«Нума Помпилій учредилъ двѣнадцать жрецовъ Саюбскихъ и вмѣнилъ въ въ обязанность, при торжественныхъ шествіяхъ, ходить по улицамъ Рима, пѣть пѣсни и плясать бойко, живо, подпрыгывая и топая ногами. Это ничто иное, какъ наша пляска въ присядку, съ подпѣваніемъ хора пѣсельниковъ. Такъ точно описано вшествіе нашихъ войскъ въ итальянскіе города въ продолженіи кампаній 1799 года: «Передъ полками шли пѣсельники, я въ нѣсколькихъ шагахъ впередѣ отъ нихъ, бойкій въ молодой воинъ плясалъ въ присядку, а пѣсельники пѣли похвалу фельдмаршалу князю Суворову» (такъ сказано въ тѣхъ описаніяхъ похода русскихъ, которыя мы читали въ Италіи; сожалѣемъ, что тогда не записали названій втѣхъ сочиненій). Тоже самое могло быть исполнено жрецами въ Римѣ, съ тою разницею, что вмѣсто пѣсни, сочи-

венной въ похвалу вн. Суворова, Салійцы пѣли гимны въ честь Марса. И теперь, во всёхъ акспедвціяхъ на Кавказѣ, наши войны, съ заряженными ружьями, въ виду горцевъ, поютъ пѣснямъ, а приплясывающіе запѣвалы прославляютъ славныхъ дѣла своихъ предводителей и товарищей. (Кавказъ, 1852. № 34)».

Пляска у всёхъ языческихъ народовъ была принадлежностью религиозныхъ торжествъ; слѣдовательно, въ римскомъ обрядѣ нѣтъ еще ничего особеннаго. Но чтобы салійскіе жрецы плясали именно въ присядку, предположеніе болѣе игривое, нежели основательное. Что наши солдаты ходитъ въ сраженіе съ пѣснями, мы повѣрили бы и безъ цитаты изъ газеты «Кавказъ» 1852 года № 34; но что эти пѣсни различны отъ гимна салійскихъ жрецовъ, кажется, не подлежитъ спору; г. Черткову, конечно, извѣстно это, потому что гимнъ салійскихъ жрецовъ дошелъ до насъ.

«Пелазгическія племена имѣли обычай, при женитьбѣ, не свататься ва невѣсту, а похищать ее насильно. Эти похищенія происходили обыкновенно при врагахъ всякаго рода. Похищеніе дѣвѣць перешло отъ пелазговъ къ древнимъ славянамъ».

А къ киргизамъ, калмыкамъ, туземцамъ Ванъ-Дишеновой земли и Новой-Голландіи также перешло оно отъ пелазговъ? Нынѣ всякому, кто только читаетъ путешествіямъ, извѣстно, что обычай похищать невѣсть — общій всёмъ дикимъ или полу-дикимъ народамъ. Точно также распространенъ у всёхъ полудикихъ народовъ обычай платить за невѣсту выкупъ, вѣно или калымъ, и въ избѣжаніе именно этой убыточной необходимости они похищаютъ невѣсть. Слѣдовательно, напрасно доказывать родство, тождество пелазговъ съ славянами тѣмъ, что у венетовъ (которыхъ, впрочемъ, трудно и признать пелазгами) было обыкновеніе платить выкупъ за невѣсту. Это все равно, что доказывать происхожденіе рода Мегемета-Али, паши египетскаго, изъ Сіама, тѣмъ, что въ нынѣшней египетской династіи послѣ старшаго брата наследуетъ второй братъ, а не сынъ покойнаго вице-короля, что въ обыкновеніи также у Сіамцевъ, и было въ обыкновеніи у русскихъ до Дмитрія Донскаго. Доказывать такими общими обычаями происхожденіе одного народа отъ другого то же самое, что доказывать происхожденіе эскимосовъ отъ готентотовъ тѣмъ, что оба народа все дѣлаютъ, какъ и мы, правою а не лѣвою рукою. Поэтому намъ кажется, что огромное количество времени и труда, употребленное г. Чертковымъ на его изслѣдованія о пелазго-оракійскихъ племенахъ, чуждыя всякаго критическаго такта, всякой осмотрительности въ подборѣ доказательствъ на избранную тему, — намъ кажется, что это время и трудъ пропали столь же бесполезно, какъ и трудъ князя Вяземскаго надъ сличеніемъ «Слова о полку Игоревѣ» съ Гомеромъ и Эврипидомъ.

«Древніе русскіе законы о сохраненіи народнаго богатства» г. Лешкова («Временникъ», кн. 18) — статья, которою можно пользоваться за недостаткомъ болѣе полныхъ изслѣдованій, но не представляющая ничего особеннаго, кромѣ слѣдующихъ размысленій о благосостояніи массы престолярды въ древней Руси, размысленій, кончающихся, однако же, ошибочными предположеніями. Собравъ извѣстные факты изъ лѣтописей о степени богатства князей, дружины и нѣкоторыхъ монастырей, г. Лешковъ продолжаетъ:

Былъ ли богатъ, и въ какой степени простой народъ и сельскій классъ жителей Руси? Этотъ вопросъ не такъ легокъ, по причинѣ совершеннаго отсутствія прямыхъ указаній о бытѣ простаго народа. Наши лѣтописи упорно молчатъ насчетъ благосостояніи сельскихъ жителей. Да и умозаключеніемъ тутъ немного можно сдѣлать. Нельзя же считать богатство князей и монастырей прямымъ свидѣтель-

ствомъ благосостоянія простого народа; не позволено дѣлать заключенія къ дѣйствительной судьбѣ смердовъ отъ баснословныхъ пировъ Владимира. Что обогащало дружину, то вело къ раззоренію смердовъ. Но—заключаетъ г. Лешковъ — мы не лишены возможности приблизительно судить о положенія нашего древнѣйшаго сельскаго населенія, благодаря акту, состоящему изъ шестнадцати статей, которыя вносятся въ «Русскую Правду».

Въ этихъ статьяхъ показана цѣна домашнихъ животныхъ и разчислено размноженіе каждой породы въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, такимъ образомъ:

«Отъ 22 овецъ приплода въ 12 лѣтъ 90,112 овецъ и 90,112 барановъ. «Считая цѣну овцы въ 6 ногать, а барана въ 10 рѣзанъ прійдется заплатить за все это количество 45,055 гривенъ и 40 рѣзанъ; да рунъ снимается съ тѣхъ «овецъ и барановъ 360,446; за тѣ руны заплатить 7,208 гривенъ и 46 рѣзанъ».

Итакъ, продержавшій у себя въ теченіе двѣнадцати лѣтъ 22 овцы обязанъ заплатить ихъ владѣльцу болѣе 52,000 гривенъ, то есть по вѣсу металла болѣе 80,000 рублей серебромъ! Ясно, что эти вычисленія, попадающіяся въ одной редакціи «Русской Правды», не могли быть приложимы къ практикѣ и сдѣланы какимъ нибудь знатокомъ цифирной мудрости для собственнаго удовольствія въ разчисленіи. Но г. Ленковъ думаетъ, что эти статьи — формула арендаторскаго контракта по системѣ половничества; изъ нихъ выводитъ онъ, что въ земледѣліи первоначальный капиталъ приносилъ ежегодный доходъ въ 60 процентовъ и, слѣдовательно, «сельскій классъ древней Руси велъ жизнь безбѣдную». Но мало того, что нельзя согласиться, чтобы статьи, на которыхъ основывается почтенный авторъ, имѣли приложеніе къ дѣйствительности: онѣ вычисляють не доходъ земледѣльца, какъ онъ думаетъ, а сумму, которую по правилу наростанія процентовъ на проценты, должникъ обязанъ возратить заимодавцу черезъ двѣнадцать лѣтъ, если возьметъ у него въ долгъ корову, лошадь, извѣстное число овецъ и т. д. Это ясно, во первыхъ, изъ самой сущности расчетовъ, во вторыхъ, изъ того, что статьи мнимаго аренднаго контракта идутъ непосредственно за статьями о рѣзоимствѣ и нѣсячномъ рѣзу — объ отдачѣ въ проценты; слѣдуютъ за ними опять постановленія относительно величины процентовъ. Слѣдовательно, для разрѣшенія вопроса о бѣдности или богатствѣ сельскаго населенія въ древней Руси надобно искать другихъ данныхъ.

Въ «Матеріалахъ», обширнѣйшомъ и лучшемъ отдѣлѣ «Временника», помѣщены очень важныя историческія памятники. Конечно, мы должны здѣсь ограничиться только указаніемъ ихъ и благодарностью почтеннымъ издателямъ. Въ 18 и 19 книжкахъ напечатаны, какъ мы сказали, въ полномъ составѣ, «Статуты великаго княжества Литовскаго», 1529 и 1588 годовъ. Въ 16 книжкѣ — два сказанія о Самозванцахъ. Издатель сказаній, князь Оболенскій, объясняетъ въ предисловіи, что второе сказаніе, находимое во многихъ хронографахъ и бывшее извѣстнымъ Карамзину, передѣлка перваго, котораго, по видимому, Карамзинъ не зналъ. Сообщаемъ изъ него нѣсколько подробностей, конечно, нуждающихся въ критической повѣркѣ.

Говоря о избраніи на царство Бориса Годунова, авторъ сказанія утверждаетъ, что избранія желали только немногіе клеветы Годунова, а вародъ былъ единственно угрозами и страхомъ приневолень содѣйствовать имъ «и не хотѣлъ никто Бориса: по боялись его хитрости и злобы; и было постановлено, чтобы съ того человѣка, который не придетъ къ лаврѣ, гдѣ была царица инокиня, также не желавшая бо-

рисува избранія, проеять ее объ этомъ, съ того брать по два рубля въ день штрафу». Неужели этотъ штрафъ — выдумка составителя сказанія, который вообще чрезвычайно нерасположенъ къ Борису? Гришка Отрепьевъ, жительствуя въ Чудовъ монастырѣ, «вожделѣ искати и выикати въ премудрости богомерзкихъ книгъ»; итакъ, (Отрепьевъ еще будучи въ Москвѣ чернецомъ, читалъ свѣтскія книги? Гришка (Отрепьевъ, идя на Москву, обѣщаль въ грамотахъ своихъ боярамъ и воеводамъ прибавку помѣстнаго оклада, а торговымъ людямъ и всего Московскаго государства людямъ облегченіе пошлинъ и податей; потомъ, изчисляя ого злонравные поступки, составитель сказанія утверждаетъ, будто бы Лжедмитрій хотѣлъ «юныхъ иноковъ и инокинь образа иноческаго лишити, и во свѣтлыя портища облачити, иноковъ умысли окаянный женити, а инокинь за мужъ давати», а носоглашающихся на это монаховъ и монахинь казнить смертю (??). Въ изложеніи грамоты, изданной паремъ Василиемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ, послѣ избранія его на престоль, также говорится, что Лжедмитрій хотѣлъ «истинную вѣру поспрати и учинити люторскую и латынскую вѣру». Вѣроятно, эти народные толки о лютеранскихъ замыслахъ Лжедмитріа основывались только на томъ, что многіе не понимали вражды, господствовавшей тогда между папистами и лютеранами.

«Новый лѣтописецъ», напечатанный въ 17 книжкѣ, есть, по мнѣнію издателя (князя Оболенскаго), первоначальная редакція, которая была потомъ передѣлываема и дополняема въ восьмой части Никоновой лѣтописи и въ «Лѣтописи о мятежахъ». Изданная во «Временникѣ» редакція оканчивается «Смотромъ на Дѣвичьемъ полѣ ратнымъ людямъ» 7161 (1653) года, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Изъ нѣсколькихъ десятковъ болѣе или менѣе важныхъ краткихъ замѣчаній, старинныхъ юридическихъ актовъ, грамотъ и т. п., помѣщенныхъ въ «Смѣси» Временника, замѣтимъ въ шестнадцатой книжкѣ интересное сочиненіе: «Книга, глаголемая космографія, сложена отъ древнихъ философовъ»; она издана по рукописи второй половины XVII вѣка. Эта космографія перечисляетъ земли въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Европѣ, части Афетовѣ, лежатъ Италіи (земля плодovitа скотомъ и овощемъ, ученіемъ же снискательна къ мудрости), земля греческая (нынѣ обладаема турецкою державою немаожествомъ людей, но бвзоружіемъ противитися не дерзуютъ), — птакъ, ны тогда уже знали, что собственно турки въ Европѣ народъ немногочисленный). Королевство сербское (только плодovitа, т. е. земля, хлѣбомъ и овощемъ различнымъ, что во всей Европіи таково пзобильство но обрѣтается); царство болгарское, страна Угорская и Чешская, царство Крымское; цесарство державы Римскіе (т. е. германская имперія — странно только широтою велика, но зѣло многолюдна, человекы же мудры и многоучительны), Королевство земля Шпанскіе (человекы мудры лекарствомъ дохтурскимъ, и звѣздочестію); французское королевство; земля Горманія (людей больше купецкихъ нежели воинскихъ; человекы же ласковы и смиренны, и слабо ко шянству и къ покою тѣлесному). Королевство Польское и великое княжество Литовское (человекы величавы и горды и обманьчавы, учешю снискательны мудростямъ всякимъ, и къ войнѣ къ ратямъ готовы и охочи и оружны; подданные же у нихъ господей своихъ не слушаютъ, повольно живутъ и безстрашны, платье же носятъ цвѣтно и слабы къ ядѣнію и къ шянству и къ всякимъ сластемъ). Царство Россійское (благочестивая вѣра цвѣтетъ); царство казанское и астраханское (человекы же сановиты брадами и платьемъ), королевство Свицкое; земля датская, острова Врѣтанскіи (много купецкихъ людей

а военныхъ мало; человекѣцы же къ лечбамъ дохтуроваты); Острова Прускія и брабанскія (брабантскія) и Галанскія; земля Сибирь. Въ Азія, въ части Симовѣ: земля Ногай и Колѣмыковъ (вѣра татарская, а не грамотная); земля грузинская; земля армянская; земля кизильбанская (отъ нѣяства воздержательны, а къ тѣлесныхъ похотемъ слабы); земля Перская (подъ кизильбашскимъ царемъ; человекѣцы къ воинству щательны п легки, яко и дѣвицы на ратехъ воспріемлють мужескую крѣпость); страна Оерсія; страна Ивдея великая; страна Индея малая; страна Ефіопская; царство Арабское черное; земля Малацья богатая; земля Евилацкая; страна Рахматы нагія надъ самымъ востокомъ солнцу, житіе же ихъ таково: одѣваются листвіемъ деревяннымъ, и отъ того питаются; и жены имѣють, а ризъ и скота п хлѣба не имѣють. Мѣсто гдѣ исходитъ четыре рѣки райскія. Горы стеклянныя, 2000 верстъ подъ востокомъ солнца. Царство Китайское. Островъ Макаридикій (туда залетають райскія птицы гамають и финикъ); потомъ другіе острова; на одномъ изъ нихъ жпвуть василиски, лице и волосы дѣвичьи, и отъ пупа хоботъ змѣевъ, крылаты. На другихъ островахъ такой жомчугъ, яко одна жомчужина тянетъ близъ полпуда. Третья часть, жребій Хамовъ, Африка. Здѣсь: Ассирія, страна Палестинская, земля Еллинская, въ ней же градъ мудрыя Аены и Елладское царство и Макидонское (! в Африкѣ!) Аравія, страна Египетская, двѣ Ефіоніи, королевство Папаяна, Варварія, земля Ундольскій языкъ (обычай имѣють нѣмецкихъ людей, покорены Папѣ Римскому и Кальвинская ересь); Царство Магдявское; островъ Кипръ; Киликія островъ; островъ Критскій; островъ Троя; Конецъ Африкѣ. Въ новой землѣ, Америкѣ: земля Троевская, острова Амразильскій, Новая Испанія, земли Первуатинскія; Оларидское княжество. Островъ страна Еустралкѣ. Далѣе его лежать уже острова темныя, куда не заходитъ солнце.

Въ семнадцатой книгѣ между прочиихъ помѣщено описаніе свиданія Петра Великаго съ Августомъ, королемъ польскимъ, въ февралѣ 1701 года. (Переводъ съ польскаго). Здѣсь замѣтимъ, что когда начались переговоры о предполагаемой войнѣ со шведами, то поляки возставали противъ этой войны, какъ непредставляющей для Польши никакихъ выгодъ.

Въ Смѣси девятнадцатой книжки помѣщены интересныя воспоминанія о графѣ Румянцевѣ, Суворовѣ и Потемкинѣ, записанныя г. Ар. Р. со словъ людей, служившихъ долгое время при графѣ. Къ сожалѣнію, эти воспоминанія очень кратки: они занимаютъ не болѣе пяти страницъ. Извлекаемъ изъ нихъ здѣсь существенное, опускаая общезвѣстные факты. Когда графъ Румянцовъ передалъ Потемкину командованіе молдаванскою арміею, то переѣхалъ въ молдавскую деревню въ семи верстахъ отъ Яссъ (главной квартиры) и жилъ тамъ очень долго. Онъ

«свалъ жвавъ спокойную, не выходилъ изъ своей комнаты, во принималъ всѣхъ, къ нему прѣѣзжавшихъ, которые считали обязанностью отдавать ему тѣмъ уваженіе, какъ бывшему начальнику, къ чему близость Яссъ, гдѣ была квартира Главнокомандующаго, много способствовала и была причиною переписки съ нѣмъ Императрицы, посредствомъ которой она настоятельно его понуждала выѣхать оттуда, утверждая, что неприлично ему быть въ такъ близкомъ разстояніи отъ главной квартиры. Онъ отвѣчалъ Императрицѣ, прося позволенія остаться до весны, когда время позволить ему предпринять путешествіе за границу, для поправленія своего разстроенаго здоровья, во что впрочемъ нигдѣ пребываніе его не можетъ быть неполезнымъ для дѣла Россіи. Вынужденный отправиться въ свои Малорусскія деревни, Румянцевъ имѣлъ твердость отказать отъ всякаго дѣла, и семь лѣтъ не измѣвилъ своего образа жизни. Поль-

заясь совершеннымъ вдоровьемъ, онъ не выходилъ никогда изъ комнаты, в только въ кровати переходилъ на кресло, а въ кресла на кровать, жалуясь на слабость ногъ. Это одно ужъ означаетъ власть нравственную надъ собою. Онъ не могъ перенести мысли о униженіи своемъ, пожертвовалъ всѣмъ удовольствіями жизни, и сократилъ тѣмъ самую жизнь свою».

Когда Суворовъ, послѣ взятія Праги, былъ пожалованъ фельдмаршаломъ, то, возвращаясь въ Петербургъ, заѣхалъ въ деревню къ Румянцеву; но, не доѣзжая одной станціи, остановился, собралъ совѣтъ изъ всего бывшаго при немъ штаба, и предложилъ вопросъ: можетъ ли онъ теперь подѣхать къ крыльцу графскаго дома, чего прежде никогда не дѣлалъ? Всѣ сказали, что теперь онъ имѣетъ на то право, какъ равный чиномъ. Суворовъ возражалъ, говоря о старшинствѣ графа, наконецъ показалъ видъ, что его убѣдили, и сказалъ:

— Смотрите же, смотрите, чтобъ вы не ввели меня въ бѣду.

Говоря по этому поводу о странностяхъ Суворова, г. Ар. Р. приводитъ слѣдующій анекдотъ въ подтвержденіе обыкновеннаго объясненія ихъ желаніемъ Суворова отвлечь ими вниманіе отъ истиннаго своего характера и серьезныхъ дѣлъ: въ итальянскую кампанію Суворовъ однажды сказалъ Милорадовичу, тогда еще молодому генералъ-майору:

— Вотъ ты молодецъ, храбръ, тебя любятъ дамы, ты танцуешь безподобно; но не въ томъ дѣло: занимай любопытныхъ, пожалуй хоть танцами, чтобы тебѣ не въспали на избранной дорогѣ.

Одно остается непонятнымъ — продолжаетъ г. Ар. Р. — при набожности своей, Суворовъ «давалъ полную волю ожесточенію солдатъ, ничѣмъ не останавливая кровопролитія».

По примѣру «Архива», изданнаго г. Калачовымъ, «Временникъ» съ девятнадцатой книжки рѣшился прилагать «Указатели» статей, относящихся къ русской исторіи, въ старыхъ журналахъ и вообще изданіяхъ. Нельзя не одобрить такого полезнаго намѣренія. Вслѣдствіе сего при девятнадцатой книжкѣ приложенъ «Указатель» статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ, русскому праву и библіографіи, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ 1827—1830 года», составленный г. М. Полуденскимъ. Конечно, можно было выбрать журналъ болѣе важный, нежели «Московскій Вѣстникъ»; но во всякомъ случаѣ трудъ г. Полуденскаго — трудъ очень полезный. Эти частные указатели кромѣ прекраснаго самостоятельнаго значенія, важны и въ томъ отношеніи, что приготавливаютъ матеріалы для будущаго полнаго указателя нашихъ журналовъ, безъ котораго всѣ работы по части исторіи нашей литературы не столько будутъ приносить результатовъ, сколько доставлять утомительнаго труда изслѣдователямъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Учебникъ русской словесности. Часть I,—теорія, для среднихъ учебныхъ заведеній. *А. Охотина.* Саб., 1849.

Учебникъ русской словесности. Часть II,—неторія, для кондукторскихъ классовъ перваго штурманскаго полу-экипажа. *А. Охотина.* Кронштатъ, 1854.

Всего похвальнѣе въ г. Охотинѣ его скромность. Назначивъ первую часть своего учебника, изданную еще въ 1849 году, для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ настоящее время онъ самъ добровольно отказался отъ такого назначенія своей книги и вторую часть уже назначилъ только для кондукторскихъ классовъ перваго штурманскаго полу-экипажа, гдѣ книга его должна занимать мѣсто записокъ. Только съ этой точки зрѣнія она и можетъ имѣть какое нибудь значеніе и принести ту пользу, что ученики не будутъ обременены переписываніемъ своихъ уроковъ. Но какъ учитель долженъ знать свое дѣло, такъ и записки его должны быть согласны съ современнымъ состояніемъ науки и съ цѣлью воспитанія юношества. Теорія г. Охотина, есть не что иное, какъ сокращенный и изуродованный курсъ Чистякова. Прежде всего бросается въ глаза чрезвычайная отсталость научныхъ понятій. Авторъ, напримѣръ, хочетъ излагать *теорію русской словесности*, предполагая, вѣроятно, что есть особенная теорія французской, нѣмецкой словесности и т. д. Въ понятіяхъ своихъ о поэзіи г. Охотинъ живетъ еще въ то блаженное время, когда поэзіей называли стихотворство: поэтому романъ, повѣсть отнесены ни къ разряду историческихъ сочиненій. Все, что не написано стихами, онъ называетъ прозою и опредѣляетъ ее такимъ образомъ: «Если въ сочиненіи изслѣдованіи ума, или желанія, оживленныя чувствомъ, излагаются по способу разговорной рѣчи, безъ соблюденія музыкальнаго размѣра въ рѣченіяхъ (предложеніяхъ), въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ внутреннему развитію чувствъ, мыслей и желаній, то такое сочиненіе обыкновенно называется *прозою*». Особенно искусенъ г. Охотинъ въ опредѣленіяхъ, напримѣръ: «полное, *разнообразное*, правильное и связное *словесно-письменное* изложеніе мыслей, желаній и чувствованій касательно какого либо предмета вещественной природы, или духовной, называется сочиненіемъ». Эпическую поэзію онъ называетъ стихотворнымъ повѣствованіемъ о какой либо эпохѣ историческаго быта цѣлаго народа, общества, или лица, съ очаровательными фантастическими вымыслами чудеснаго. А вотъ еще оригинальный способъ опредѣленій: «поэма героическая—напримѣръ, *Россиада*, *Хераскова*»: «романтическая поэма—напр., *Душенька*, *Богдановича*». Хотя теорія г. Охотина

и не поэма, однакожь, и въ ней встрѣчаются фантастическіе вымыслы чудеснаго, напр.: «многіе *глазотпромъ* опредѣляютъ вѣрно *музыкальное отношеніе тоновъ*, ихъ гармонію, мелодію, стихи и рѣчи». Понятія объ эстетической дѣятельности души перепутаны: то она отнесена къ сферѣ чувства, то представляется какъ совокупность всѣхъ силъ души. Также изящная словесность на стр. 44-й отнесена къ звуковымъ искусствамъ (т. е. къ музыкѣ!), на стр. 45-й представляется какъ соединеніе пластики и музыки. Въ статьѣ о слогѣ г. Охотинъ въ примѣрѣ ошибокъ приводитъ образцовыя мѣста изъ лучшихъ писателей; напр., въ слѣдующихъ стихахъ Пушкина онъ видитъ излишнее иногословіе:

... Смотритъ храбрый князь
И чудо видитъ предъ собою;
Найду ли краски и слова?—
Предъ нимъ живая голова!

Онъ находитъ *странный недостатокъ* въ повтореніи союза *что* въ «Полтавѣ» Пушкина—въ извѣстной характеристикѣ Мазепы. И, напротивъ, ему очень нравится повтореніе одного и того же слова въ стихахъ Державина:

Зоветь меня, *зоветь* твой стонъ,
Зоветь в къ гробу приближаеъг.

Не мудрено, что подобныя теоріи въ людяхъ, но призванныхъ къ развитію науки, но и не лишенныхъ здраваго смысла, порождаютъ сомнѣніе въ самой возможности существованія теоріи.

«Исторія» г. Охотина есть сухой перечень именъ и заглавій. Изученію каждой науки учащимися должно содѣйствовать ихъ воспитанію. Исторія литературы болѣе многихъ другихъ наукъ заключаетъ въ себѣ такого воспитывающаго элемента. Напротивъ, г. Охотинъ думаетъ, что все достоинство учебной исторіи словесности состоитъ въ томъ, чтобы она содержала въ себѣ какъ можно болѣе именъ. Поэтому въ исторію русской литературы входитъ у него: Географія Арсеньева, Исторія Смарагдова, неизвѣстное сочиненіе купца Вавилова о торговлѣ, Фармакодинамика Горянинова, Руководство къ сочиненію писомъ и дѣловыхъ бумагъ Наливкина, и т. д., и т. д. Характеристики писателей состоятъ болѣе въ общихъ мѣстахъ, безъ примѣровъ, безъ разборовъ. А встрѣчаются и такія характеристики: «самый бытъ народа *съ его причудами* сдѣлался уже предметомъ сатиры (Кантеинръ)». Г. Охотинъ, отыскивая ошибки въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина, говоритъ, что «Наука о стихотворствѣ Боало и Ъзда въ островъ любви пріобрѣли Тредяковскому *справедливое уваженіе* современниковъ и *потомства*». Подобно покойной исторіи Кайданова, исторія литературы г. Охотина постоянно ифетъ тонъ похвальной рѣчи. Безъ выписокъ изъ послужныхъ списковъ также никакъ нельзя было обойтись.

Доказывая пользу теоріи и исторіи словесности, г. Охотинъ приводитъ въ примѣрѣ образцовыхъ писателей (Пушкина и *Булгарина*), которые «глубокимъ изученіемъ народной рѣчи теоретически и исторически сообщили прекрасныя качества своимъ сочиненіямъ, которыми восхищаются всѣ образованные читатели». Но самого г. Охотина теорія и исторія словесности плохо выучили выражаться по-русски. Не угодно ли повяты слѣдующее мѣсто: «только свѣдущіе въ теоріи и исторіи ощущаютъ высокое наслажденіе при чтеніи прекрасныхъ сочиненій, и, когда сами владѣютъ исправно благозвучнымъ, гибкимъ и сильнымъ русскимъ языкомъ, для

выясненія внутренней жизни своего духа». Съ знаками препинанія г. Охотинъ никакъ не можетъ сладить и потому безпрестанно ставитъ тире, отъ чего во многихъ мѣстахъ также происходитъ неясность. Встрѣчаются и фигурныя выраженія, напоминающія также блаженной памяти Кайданова, на примѣръ: «Выраженіе бываетъ пріятно, если оно *пробуждаетъ въ насъ сладостный трепетъ сердца*. Для сего необходимо употреблять слова и цѣлыя рѣченія въ сочиненія совершенно равносильныя понятіямъ ума, чувствующимъ сердца и представленіямъ воображенія и располагать ихъ съ такою отчетливостью, чтобы *частныя* (?) предложенія къ главному относились, *какъ блестящія лучи къ своему свѣтлому солнцу*».

Имя г. Охотина извѣстно (по крайней мѣрѣ пишущему эти строки) еще «Уроками изъ русской грамматики» (Спб. 1842). Въ этихъ «Урокахъ» мы не находимъ ученія о *частныхъ* предложеніяхъ; ва то находимъ на примѣръ, что предложенію есть «рѣчь, выражающая *кратко и внятно* (?) мысль, или сужденіе о предметѣ» и тому подобныя *очаровательныя фантастическія вымыслы чудеснаго*.

Московская самоварница. Сочиненіе Петра Мед...а. Москва, 1854.

Русская литература въ 1854 году представила много поразительныхъ явленій. Читателями нашими, вѣроятно, еще не забыты «Любовь Поэта», «Каританъ», «Діагоръ» и множество другихъ произведеній подобнаго качества. «Московская Самоварница» по времени появленія въ свѣтъ послѣдняя въ ряду этихъ произведеній 1854 года, столь скуднаго розами и другими благоуханными цвѣтами, и столь обильнаго дикорастущими репейниками, но она далеко не послѣдняя въ ряду ихъ по своимъ достоинствамъ. «Московскую Самоварницу» прочитываютъ съ удовольствіемъ люди, которые до сихъ поръ принуждены были довольствоваться знаменитымъ нѣкогда романомъ «Разгулье вупеческихъ сынковъ въ Марьвной рощѣ, или наши гуляюгъ!» А. А. Орлова. Увы, какія грустныя мысли рождаются при этомъ воспоминаші! Кто, кромѣ немногихъ избранныхъ, помнить теперь имя А. А. Орлова, котораго считалъ достойнымъ безмертія самъ Пушкинъ? А со времени смерти плодовитаго романиста протекло не болѣе десяти лѣтъ! Увы, екажемъ, подражая знаменитому восклицанію Гамлета, еще не засохли чернила на дивномъ порѣ А. А. Орлова, а мы ужъ забываемъ его! И кто позаботился сохранить для насъ біографическія извѣстія объ этомъ столь замѣчательномъ писателѣ? Никто, никто! Вотъ какъ ны дорожинъ памятью знаменитаго нѣкогда сатирическаго писателя. Да, ни похвалы Пушкина, ни неоспоримое родство и таланта, и заглавій съ однимъ извѣстнымъ сочинителемъ нравственно-сатирическихъ романовъ — ничто, ничто не могло спасти А. А. Орлова отъ забвенія.

Рѣка времевъ въ своемъ течевъ
Уноситъ всѣ дѣла людей...

какъ сказалъ Доржавинъ. Почему эта мысль не остановила г. Петра Мед—ва? Неужели онъ думалъ, что «Московская Самоварница» прославить его имя, когда